Z 35 118

B.3.

.35 118

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ЗАПАДНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ

ВЫПУСКЪ III

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ КНЯЖЕСТВО

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

Съ портретомъ Государыни Императрицы и съ 19-ю рисунками въ текстѣ

ИЗДАНІЕ УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СѴНОДѢ

1368

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СѴНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1905

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Мая 1905 года.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

79785Ъ

235 118

Ея Императорскому Величеству

Государынѣ Императрицѣ

Маріи Ѳеодоровнѣ

1368

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всепреданнѣйше посвящаетъ

авторъ.

ВИЛЬНА, ГАЛИЧЪ.

1387—1388

ГНѢВАЛАСЬ Русь, гнѣвалась и Литва, что ихъ князь сталъ «переходовецъ»; и нѣкоторые князья русскіе и литовскіе выступили на брань противъ Ягайла съ оружіемъ!—Такъ въ негодованіи восклицаетъ галицкій историкъ, описывая крещеніе, бракъ и коронованіе литовскаго князя Ягайла Ольгердовича, принявшаго католичество съ польскимъ именемъ Владислава.

Да и было чего гнѣваться! Вчерашній православный Яковъ сдѣлался сегодня католическимъ Владиславомъ. Въ этой, съ виду ничего не значущей, перемѣнѣ имени заключалось великое горе для православной Руси съ полуправославною-полуязыческой еще Литвой; она давала поводъ торжествовать Польшѣ и католичеству! Былъ сдѣланъ первый, имѣющій историческое значеніе, шагъ единенія католической Польши съ большою языческой Литвой и обширными православными южно-русскими землями, приведшій впослѣдствіи къ окончательному порабощенію Руси и Литвы Польшею, пока Господь не смиловался надъ чими, не освободилъ ихъ рукою нашихъ Самодержцевъ отъ ненавистнаго ига.

Заключеніемъ брачныхъ узъ между прекрасной Пястовной—Ядвигой—и полудикимъ литвиномъ—

Ягайломъ католическіе политики старались съ одной стороны усилить политическое значеніе Польши, а съ другой—стать твердой ногою на обширныхъ русскихъ и литовскихъ земляхъ, чтобы привести смиренный, богобоязненный, трудолюбивый народъ къ подножію престола римскаго первосвященника.

Замыслы враговъ Православія удались. Торжествуетъ весь католическій міръ! Папа, въ признательность за перемѣну вѣры и въ поощреніе къ принудительнымъ даже мѣрамъ при крещеніи подданныхъ, «милостиво» даруетъ русско-литовскому державцу, польскому королю, новообращенному Владиславу, титулъ «викарія римскаго патріарха».—«Какая великая честь оказана тебѣ, великій король!»—нашептываютъ на ухо вѣрные сыны своего земного бога,—ксендзы и патеры,—потерявшему голову, новообращенному литвину.—«Такой чести удостоивались очень немногіе. Будь же достоинъ этого высокаго титула! Покажи, что святой отецъ не ошибся въ расчетѣ». Въ угоду льстивымъ учителямъ-совѣтникамъ и красавицѣ-женѣ изъ дома Пястовъ, угрюмый Ягайло поступился своею родиной, ея законами, преданіями, вѣрою! И далъ торжественную клятву плодить католичество въ родной Литвѣ!

Но не успѣли еще замолкнуть отклики блестящихъ, веселыхъ коронаціонныхъ торжествъ, какъ ему пришлось вооруженною рукою справляться съ цѣлымъ союзомъ враговъ.

Родичи его сплотились, чтобы дружной ратью отстоять свою независимость отъ брата-отступника. Пригласили они себѣ на подмогу и добраго сосѣда, нашего смоленскаго князя Святослава Ивановича. Можетъ быть, Литвѣ удалось бы отстоять, въ соеди-

неніи съ Русью, свою независимость, свою свободу, если бы не ловкость да гибкость католическаго духовенства. Патеры понатужились, прикинули своимъ умомъ-разумомъ и взялись наговоромъ да лаской, угрозой да посулой, разъединить силы враговъ. Скиргайло, братъ Ягайла, попавши въ сѣть ихъ льстивыхъ рѣчей, оставилъ союзниковъ. Единодушіе было нарушено, сила раздроблена, и, конечно, Ягайло легко управился съ «бунтарями» рукою того же Скиргайла.

Покончивъ съ непокорными родичами, польскій король съ своею царственной супругою, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ польскихъ вельможъ и многочисленнаго католическаго духовенства, отправился въ началѣ 1387 года выполнять клятву—крестить крещеную уже Литву.

Конечно, при этомъ заботились не столько о просвѣщеніи язычниковъ свѣтомъ Евангелія Христова, какъ о пріобрѣтеніи новыхъ вѣрныхъ сыновъ римскому папскому престолу. Отъ того-то такъ много горя, много слезъ кровавыхъ принесъ съ собою пріѣздъ Ядвиги и Ягайла въ литовскую столицу. Поруганію, мученію подвергались всѣ крещеные, не хотѣвшіе снова креститься. А такихъ было много и очень много!

Съ королевской четой пріѣхали только три родные брата короля: Владиміръ кіевскій, Скиргайло трокскій и Дмитрій Корибутъ новгородъ-сѣверскій, да легкомысленный Витовтъ, сынъ славнаго Кейстута, приходившійся Ягайлу двоюроднымъ братомъ.

Торжественно вступила польская королевская чета въ свою литовскую столицу, на половину православную, но еще полную памятниковъ прежняго языческаго

великолѣпія. Недовѣрчиво смотрѣли литвины на своихъ кичливыхъ, блестящихъ гостей. Тяжело на душѣ было у кроткаго православнаго люда. Злобно глядѣли угрюмые язычники. «Видимо, съ этими массами надо считаться», соображалъ «переходовецъ» и сталъ припоминать былое: свои хитрости, изворотливость, уловки. Собралъ сеймъ, на которомъ, кромѣ братьевъ, католическаго духовенства и поляковъ, были еще отступники изъ литовскихъ бояръ. Отсутствовали только православные бояре, духовныя и гражданскія власти. На этомъ одностороннемъ сеймѣ постановили крестить безъ разбора людей всякаго званія, обоего пола. Бояръ-отступниковъ награждали. Имъ давались права, прежде не существовавшія: распоряжаться, безъ вмѣшательства князя, своимъ добромъ, имуществомъ. Дочерей позволили имъ впредь выдавать замужъ, не спросясь верховной власти. Освобождались они и отъ всѣхъ повинностей, лишь бы помогали строить крѣпости и участвовали въ походахъ княжескихъ со своими людьми и на свой счетъ. Имъ же предоставлялось право самаго ускореннаго правосудія въ своихъ округахъ. Горожанамъ, принимавшимъ католичество, давалось право собственнаго суда (Магдебургское право). Наконецъ, простому народу послѣ крещенія раздавали во множествѣ верхнюю одежду изъ бѣлаго сукна и красную кожаную обувь. Горе-злосчастье обрушивалось только на головы тѣхъ упрямцевъ, которые оставались вѣрны православному ученію! Расправа съ ними была коротка и жестока. Случалось, Ягайло самъ казнилъ непокорливыхъ.

Съ тѣхъ поръ принято за правило признавать законнымъ бракъ только между католиками. Разъ одинъ изъ супруговъ православный, ему приходилось

или измѣнять вѣру отцовъ, или же бракъ признавался незаконнымъ. Послѣ сейма, въ назначенное время, по волѣ польской королевской четы, собрали во множествѣ литовскій народъ на берегъ Виліи. Католическое духовенство, отдѣливъ мужчинъ и женщинъ по группамъ, кропило ихъ освященною водою и давало всѣмъ одно и то же имя. Такъ какъ ксендзы не умѣли говорить по-литовски, то Ягайло, въ порывѣ религіознаго рвенія, сбросивъ свою обычную лѣнь, принималъ лично дѣятельное участіе въ разъясненіи народу правилъ вѣры и благочестія. Покончивъ крещеніе горожанъ, онъ, въ сопровожденіи духовенства, объѣзжалъ всю округу, былъ и въ Трокахъ, всюду принимая всѣ мѣры уговора, подкупа, наконецъ, жестокаго насилія, лишь бы достигнуть намѣченной цѣли.

И, все же, плоды этихъ трудовъ были сравнительно ничтожны!

Самъ магистръ Тевтонскаго ордена, Конрадъ Юнгингенъ, вѣско свидѣтельствовалъ предъ европейскими дворами, что въ Литвѣ, по его наблюденіямъ, охотнѣе принимается восточное вѣроученіе, чѣмъ западное, латынское.

Ничего не замѣчала гордая Ядвига, когда присутствовала при крещеніи своихъ новыхъ подданныхъ. Искренно вѣрующая католичка, она находила полное утѣшеніе въ выполненіи возложеннаго на нее папою подвига. Кровавыми слезами плакала предъ нею русско-литовская земля; къ ея ногамъ катились головы предпочитавшихъ мученическій вѣнецъ измѣнѣ родной вѣрѣ, къ ней протягивались руки съ мольбою остановить пролитіе христіанской, неповинной крови, а она ничего не видѣла, ничего не слышала, и только молилась, благодаря Бога за видимый успѣхъ. Вто-

рили ей прирожденные ея подданные. Вторило католическое духовенство. Вторили литовскіе бояре, продавшіе вѣру родную за горсть золота, за лишній кусокъ земли, оставшейся послѣ смерти мучениковъ.

Среди утѣхъ и ликованій блестящій дворъ былъ пораженъ, какъ громомъ, страшной вѣстью съ юга. Еще въ Краковъ, во время свадебныхъ торжествъ, доносились мрачныя вѣсти изъ Венгріи. Тамъ росло народное недовольство противъ царственной матери польской королевы. Неугомонные венгры хотѣли избавиться отъ женскаго правленія и выставляли соперникомъ королевѣ Елисаветѣ родственника ея мужа, принца Карла Неаполитанскаго. Но ловкая полька не растерялась: она обманомъ завлекла соперника въ свои внутренніе покои, и никто ужъ больше его никогда и не увидѣлъ! Теперь пронеслась еще болѣе ужасающая вѣсть. Сама Елисавета убита!! Насильственною смертью погибла мать блестящей польской королевы. Вѣстникъ преступленія, явившійся непрошенно среди веселаго пира земныхъ владыкъ, навелъ ужасъ на ликовавшій виленскій дворъ. Виновница брака Ядвиги, честолюбивая, фанатичная полька, королева Елисавета получила кару небесную за всѣ свои безчисленныя преступленія.

«Что будетъ теперь съ венгерской короной?» Какъ молнія мелькнула эта мысль въ смѣтливомъ умѣ Ядвиги. «Мать убита, сестра въ плѣну; навѣрное, ея жизнь въ опасности!» Но развѣ о ней думаетъ женщина, отдавшаяся вполнѣ вліянію католическаго духовенства? Конечно, нѣтъ. Она думаетъ о Венгріи, къ которой такъ еще недавно отошли отъ Польши галицко-русскія земли!—Что же съ ними-то будетъ? Властной Елисаветы ужъ нѣтъ болѣе въ живыхъ,

чтобы все управить своею умной головой. Кроткая Марія подпадетъ, конечно, подъ вліяніе своего мужа и его мадьяръ. Ну, нѣтъ! не такова Ядвига, не поступится она тѣмъ, что присвоилъ себѣ ея дѣдъ, великій Казиміръ!»

Обдумавъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, она рѣшилась дѣйствовать сама, предоставивъ супругу докрещивать дикую Литву. Собрала своихъ польскихъ вельможъ и во главѣ военнаго отряда поспѣшила на югъ, въ Червонную Русь.

Нѣкоторые города сдавались ей безъ сопротивленія. Стольный Львовъ вступилъ въ переговоры и торжественно требовалъ подтвержденія всѣхъ своихъ правъ и привилегій. Пришлось Ядвигѣ, хотя и съ болью въ сердцѣ, подтвердить всѣ права столицѣ Галицкаго православнаго княжества, и только тогда отворились передъ нею Золотыя львовскія ворота, а венгерскій гарнизонъ безъ боя удалился во-свояси. Одинъ Галичъ не сдавался. Не привыкать ему сопротивляться и своимъ кровнымъ, законнымъ державцамъ, а тутъ женщина, да еще полька, предъявляетъ желаніе завладѣть древнею столицею Романа! Начальникъ замка, нѣкто Венедыкъ, послѣдній отпрыскъ лихихъ, непокорливыхъ, буйныхъ галицкихъ бояръ, не хотѣлъ преклонить своихъ сѣдинъ передъ дочерью Пястовъ. Во вѣки не справиться бы ей съ упорнымъ галичаниномъ, не выдалъ бы онъ православную родную святыню врагу-латынянину, если бы не двинулся изъ самыхъ нѣдръ Литвы грозный Ягайло на помощь своей супругѣ. Съ нимъ шелъ Витовтъ и другіе подручные князья. Поднялся окатоличенный сѣверъ на православный югъ, и пала на вѣки несчастная наша твердыня, похоронивъ подъ своими

святыми развалинами послѣдній остатокъ русской государственности и православія на нашемъ крайнемъ югѣ.

Щедро одарилъ счастливый Ягайло польскихъ магнатовъ, своихъ сподвижниковъ. Зять его Самовитъ Мазовецкій получилъ г. Бельзъ со всею округою. Петръ Кмито, Яско Тарновскій, Димитрій Горай и многіе другіе были обогащены пожалованными имъ нашими безпредѣльными землями. Побѣдилъ Римъ и сталъ душить русскую народность на всемъ пространствѣ отъ границъ орденскихъ земель на сѣверѣ до самыхъ южныхъ татарскихъ кочевій. Отъ Вильны и до Кіева воцарилось католичество, застонала угнетенная, приневоленная русская народность, нарушено Ягайломъ королевское слово, данное Ядвигой. Мало того! Не только не оставлены православнымъ выговоренныя ими себѣ права, но еще введена въ русскомъ воеводствѣ инквизиція, для преслѣдованія упорствовавшихъ въ вѣрѣ отцевъ. Тамъ она опередила знаменитую испанскую инквизицію почти на полвѣка. Такъ-то усердно, послѣдовательно оправдывалъ «переходовецъ» Ягайло и въ Вильнѣ и въ Галичѣ пожалованный ему папой титулъ «викарія римскаго патріарха».

ИСТОЧНИКИ:

Д. Иловайскій. Исторія Россіи, т. 2, гл. IV, стр. 171, 172, 173.

П. Дм. Брянцевъ. Исторія Литовскаго Государства. III періодъ, ст. 211.

Ѳ. Ив. Р. Иллюстрированная народная исторія Руси. Ягайло. Стр. 169.

А. С. Петрушевичъ. 1) Сводная Галицко-Русская лѣтопись. 2) О соборной церкви въ г. Галичѣ.

Литовская княжна Софія Витовтовна.

1390 г.

Октябрь на дворѣ. Сыро, холодно, непривѣтно на улицахъ Маріенбурга *). Вѣтеръ завываетъ, разнося послѣдніе листья съ вѣковыхъ деревьевъ, какъ-то нечаянно сохранившихся то тутъ, то тамъ, по задворкамъ каменныхъ твердынь, воздвигнутыхъ рыцарями въ излюбленной ими теперешней Пруссіи. Тучи низко спускались надъ землею, точно придавить ее хотѣли своею холодной громадой.

Робко пробирались по пустыннымъ улицамъ одинокіе обыватели, боясь наткнуться на кого-нибудь изъ рыцарскихъ рейтеровъ **) или придворныхъ чиновъ великаго магистра. Сварливый, драчливый народъ эти рыцари! Не признаютъ они вѣкового закона ими полоненной земли, не хотятъ понять справедливости! Обижаютъ, обираютъ, притѣсняютъ бѣдныхъ, тихихъ туземцевъ. Не любитъ крестоносцевъ природный пруссъ,—не можетъ свыкнуться съ находниками, губителями его родного покоя, мирныхъ, незатѣй-

*) «Маріенбургъ» на низовьѣ Вислы,—по простонародному произношенію, вошедшему въ современную литературу, «Мальборгъ»,—столица Тевтонскаго ордена крестоносцевъ или Крыжаковъ.

**) Конная стража.

ливыхъ радостей. Воинственный нѣмецъ усѣлся за этими мрачными стѣнами, сложенными—руками полоненныхъ дикарей. Имъ же въ острастку, стоятъ неприступныя крѣпости и замки на испепеленной, оголенной родной землѣ. Такъ и чудится, что въ мрачныхъ подземельяхъ умираетъ всякій, кто дерзнетъ перечить дикимъ причудамъ властныхъ находниковъ, рѣшительно непонятнымъ миролюбивому пруссу. Такъ и слышатся стоны несчастныхъ, напрасно молящихъ о пощадѣ, свободѣ. Вонъ, у воротъ одной изъ твердынь, вооруженные съ ногъ до головы конюхи держатъ въ поводу дорогихъ скакуновъ. То самъ магистръ Конрадъ Цельнеръ отправляется навѣстить своего друга, литовскаго князя Витовта. Его сопровождаютъ и пріѣзжіе съ запада именитые гости: графъ Генрихъ Дерби (будущій король Англіи Генрихъ IV) и маркграфъ Фридрихъ (потомъ герцогъ Саксонскій).

Скорѣе на тюрьму, чѣмъ на замокъ, походитъ зданіе, въ которомъ Цельнеръ пріютилъ горемычнаго Кейстутовича и его прелестную дочь, изгнанныхъ Ягайломъ изъ родного удѣла. Но литвинъ невзыскателенъ. Мирится со всѣми невзгодами, лишь бы добиться своего. Цѣль же его презамысловатая. Ничего не достигнуть ему безъ помощи сильныхъ друзей. Вотъ онъ и принимаетъ ласкательно, чествуетъ ихъ на славу, радушно угощаетъ своими дорогими литовскими медами, невѣдомыми еще иноземцамъ, родными сластями.

Какъ ни тяжело ему возиться съ тевтонами, какъ ни душатъ его чужія стѣны, и чувствуетъ онъ бдительный за собою присмотръ покровителей, но все же онъ угощаетъ знатныхъ посѣтителей съ истинно славянскимъ радушіемъ, и кубки смѣняются быстро на роскошно уставленныхъ столахъ.

Пытливо поглядываютъ рыцари. Любопытно вслушиваются въ льстивыя рѣчи литвина. Чудится имъ что-то необычное. Новый звукъ подмѣчаютъ въ голосѣ стараго друга. Не довѣряетъ болѣе Витовтъ и рыцарямъ и брату Ягайлу. Ловко проводитъ онъ и ихъ и его. Остроумно, ядовито, но и совсѣмъ дружелюбно разсказывалъ магистръ именитымъ собесѣдникамъ, какъ еще недавно изворотливый Кейстутовичъ вздумалъ овладѣть Вильной. Не походомъ съ развернутыми знаменами, блестя доспѣхами, на красивыхъ коняхъ повелъ онъ свои побѣдоносныя рати къ стѣнамъ любимаго города, а упряталъ храбрецовъ въ сани и подъ видомъ возовъ съ приданымъ сестры, дѣйствительно, выходившей тогда замужъ, онъ хотѣлъ ввести ихъ въ неприступную крѣпость.

Задушевнымъ, веселымъ хохотомъ отвѣчали гости на занимательный разсказъ.

— «Да нельзя же литовской княжнѣ не имѣть своихъ кметовъ, тѣлохранителей!» добродушно объяснялъ Витовтъ.—«Ну, а теперь, когда пойдемъ въ твою пользу отбирать ту же Вильну, къ какимъ новымъ хитростямъ задумалъ прибѣгнуть?» спросилъ англійскій графъ, заглядывая въ глаза князю.—«На ваши заморскія машины, на вашу богатырскую силу полагаюсь всей душой», былъ льстивый отвѣтъ.—«А чѣмъ за помощь уплатишь?»—«О, это уже давно рѣшено промежъ насъ»,—вѣско заговорилъ Витовтъ,—«лишь бы укрѣпиться въ своей отчинѣ,—тогда вся языческая жмудь отойдетъ друзьямъ-пособникамъ на вѣки вѣчные».—«Папа проситъ насъ щадить Ягайла, какъ ревностнаго защитника вѣры христіанской», внушительно заявилъ Цельнеръ.—«Вы щадить его думаете, а онъ ужъ Брестъ осадилъ, идетъ на Гродну. Нѣтъ,

видно, не кончать мнѣ дней своихъ на родной сторонѣ. Не хотите помогать? что дѣлать, пойду горе мыкать подалѣе, туда, гдѣ приголубятъ мою худобную головушку».—«Постой, не тужи прежде времени, почтеннѣйшій другъ и князь. Мы на Керновъ ужъ направили 40.000 войска!» сболтнулъ маркграфъ. У Витовта глаза блеснули. Магистра покоробило.—«Подпиши вотъ эту формальную грамоту», дѣловито заговорилъ онъ, «тогда все пойдетъ своимъ чередомъ».—«Отдалъ я вамъ въ заложники жену любпмую, малыхъ дорогихъ сыновей да сестру и молодшаго брата. Вамъ все мало! Ни дать, ни взять—жадный Ягайло! Право слово, возьму, да и уйду отъ васъ подалѣе. Все здѣсь брошу, уйду туда, гдѣ о васъ нѣтъ и помина».—Рыцари насторожились. Они даже перебросились невнятными словами на совершенно чуждомъ нарѣчіи. И, все же, наконецъ, послѣ долгихъ препирательствъ, уломали Витовта, и онъ подписалъ обѣщаніе—уговоромъ или силой—притянуть упорствующихъ изъ жмудиновъ къ союзу съ рыцарями противъ Ягайла.—«Вольно же этому, вновь испеченному, польскому королю не держать слова, отдать Скиргайлу, а не Витовту желанную Вильну! Пусть теперь довольствуется Польшей, Галичемъ съ Бельзомъ, Перемышлемъ, Луцкомъ! Да всего и не перечтешь! Право-жъ съ него довольно!» разсуждали собесѣдники.

Пока эти дѣловитыя рѣчи велись между именитыми гостями ловкаго Витовта и пиръ продолжался среди шумнаго веселья, изъ заднихъ комнатъ замка, изъ княжескихъ дѣтскихъ слышались заунывные звуки литовской народной пѣсни. Тамъ сидѣла, пригорюнившись, еще очень молоденькая дѣвушка. Она была небольшого роста, полненькая, съ черными

живыми глазами, вьющимися негустыми свѣтлыми волосами.

«Если бы, какъ птичка,
Я летать умѣла,
Въ Московію, къ Васѣ
Я бы полетѣла.
Прилетѣла-бъ, сѣла
Я на загородку:
Посмотри, мой Вася,
На меня—красотку»!

жалостно повторяла она, склонивъ голову на бокъ и глядя въ огромное стрѣльчатое окно на сѣрое небо, въ сѣрую мглистую даль.

Въ углу висѣли образа, теплились лампады, освѣщая золотыя ризы, разукрашенныя самоцвѣтными каменьями. Казалось, все устроено такъ, какъ и слѣдовало быть. Только не тянуло молодицу взглянуть на святые лики, ея сердце не рвалось къ утѣшительной молитвѣ. Не привыченъ, не сроденъ ей русскій обычай. Видно, нова ей православная обстановка княжеской свѣтлицы. Горько плачетъ она о матери милой, о братьяхъ, теткѣ, томящихся въ плѣну у рыцарей.

Христіанство еще не успѣло повліять на мысли и сердце литовской княжны. Хотя предусмотрительный Витовтъ и приставилъ къ ней православнаго законоучителя, но, окруженная языческой челядью, католическою свитой, она только по обязанности, а не по сердечному влеченію усвоила себѣ ученіе православной вѣры. Дѣйствительнымъ ея утѣшеніемъ были бесѣды съ вѣрной, любимой мамкой. Подолгу сиживала у ногъ княжны сѣдая, старая, вся сморщенная, преданная служанка. Ласково смотрѣли на юную госпожу

старческіе, уже подслѣповатые глаза,—всей душой хотѣлось ее утѣшить, развлечь тоску, кручину любимой дѣвушки. Тяжело ей было слушать заунывное пѣніе. «Вася да Вася! Чѣмъ плакать да твердить все такое, послушала бы лучше, что вѣдунья сказала. Она по росѣ ходила на сосѣднее болото, собирала между пней таинственныя травы, ей одной вѣдомыя, раскладывала, разглядывала ихъ, и теперь мнѣ по нимъ все разсказала. Какая радость тебѣ будетъ, какое счастье, величіе тебя ждетъ!».—Испуганно оглядываясь на двери, дѣвушка зажимала ротъ расходившейся старухѣ: «замолчи, не пугай меня: прійдетъ, услышитъ насъ родитель, тогда достанется обѣимъ! Какъ не можешь ты забыть своихъ вѣдуній, прорицаній? Дойметъ, смотри, и какъ дойметъ князь-родитель! Угонитъ тебя, останусь одна, еще горше мнѣ будетъ!»—«И прознать-то ничего, родненькая, не сможетъ! Живъ Богъ, и дохнуть теперь ужъ не успѣетъ! Вотъ увидишь, какъ разъ скорешенько возрадуетесь вмѣстѣ, возликуете надъ твоимъ великимъ счастьемъ».—«Не смѣть и толковать о счастьи! Молчи, старуха! Ни въ жизнь не быть мнѣ счастливой, ни въ жизнь! Позабылъ, разлюбилъ меня москаль ненадежный!».—«И—и, зоренька свѣтлая, не хай москаля! Съ молоду знала я ихъ,—лихіе молодцы сѣверяне! Не наглядишься, бывало, на пригожаго новгородца!» — «Тупа становишься, мамка: новгородцы—вольные люди, и князей-то средь нихъ нѣтъ. А онъ сынъ самого державца русскаго, Рюриковича!»—«И еще того лучше», возразила мамка, «добрые они предобрые, никому то зла не дѣлаютъ. И жрецы у нихъ прекроткіе, милостивые! Все знаю, все помню, краля моя ненаглядная, только спроси. Разскажу, какъ

жилось намъ съ ними хорошо да мирно, при дѣдушкѣ Ольгердѣ. Куда лучше, чѣмъ теперь!»

Неудержимымъ потокомъ разразилась словоохотливая старуха, качая своею сѣдою головою. Дѣвушка принялась ее унимать, пугая отцомъ.—«Ни, касатка, не замай! Твой батюшка теперь и самъ о москаляхъ призадумался. Что-что—стара, смекаю и я. Глаза-то еще видятъ, уши слышатъ. Знаю, что тутъ какъ-то и вѣсти оттуда приходили!» Встрепенулась литовская княжна.—«А развѣ еще что получено?» живо спросила она. Да тутъ же опять и заплакала: такъ несбыточны казались ей ея дѣвичьи мечты, такъ дороги, милы воспоминанія.

Старуха сердито махнула рукой и вышла изъ комнаты, шумно хлопнувъ дверью. Да не успѣла сдѣлать и шагу, какъ на встрѣчу ей показались бѣжавшія изо всѣхъ силъ прислужницы княжны. Забывъ свой прирожденный хмурый, всегда тоскливый нравъ, врожденную неповоротливость, молодыя литвинки съ радостными лицами лопотали по-своему, перебивая другъ друга, смѣясь и размахивая руками. Остановилась мамка, безграничнымъ счастьемъ блеснули старческіе глаза! Только рука не поднялась для крестнаго знаменія, только губы не зашептали теплой молитвы, обычной смиреннымъ православнымъ старухамъ. Родомъ изъ Трокъ, преданная мамка литовской княжны Софіи Витовтовны, она, какъ истая жмудинка, была язычница. Домочадцы объявили ей, что у воротъ княжескаго замка остановился цѣлый караванъ повозокъ.—«И люди, и латники не нашей земли. Только богата, блестяща ихъ одежда, ихъ доспѣхи, красивы огромные кони!»—«А рыцари?» былъ торопливый вопросъ смѣтливой старухи.—«Съ

часъ какъ ускакали, покинули нашего князя. Онъ самъ уже встрѣчаетъ дорогихъ гостей. Ворота всѣ настежь. Ключникъ отпираетъ надворныя клѣти. Дворецкій, челядь, дружинники съ низкими поклонами провожаютъ ихъ по красному крыльцу въ гостиные покои. А мы побѣгли тебя порадовать, княжнѣ пресвѣтлой донести».

На шумъ сама Софія показалась въ дверяхъ. Вся сіяющая, раскраснѣвшаяся, она вопросительно оглядывалась, пока раболѣпная прислуга цѣловала полы ея платья, поздравляя съ пріѣздомъ желанныхъ гостей.

И, дѣйствительно, было чему всецѣло, безумно радоваться бѣдной изгнанницѣ, чуть не плѣнницѣ, на чужой сторонѣ.

Еще въ 1386 году когда ея отецъ съ семьею томился въ полномъ бездѣйствіи на маленькомъ Луцкомъ удѣлѣ, счастливая судьба занесла подъ ихъ гостепріимный кровъ русскаго княжича, Василія Дмитріевича, изъ славнаго дома великаго Рюрика. Красивый, живой, благодушный москаль сразу оказался желаннымъ гостемъ въ уединенномъ замкѣ смѣтливаго литвина. Рѣшительно безъ ума отъ него была вся семья изгнанника. Какъ жалостливо слушала добрѣйшая княгиня безконечные разсказы юноши! Какъ трепетало юное сердечко маленькой княжны, когда, сидя у ногъ матери, пряча головку въ ея колѣни, она, разиня ротикъ и широко раскрывъ свои большіе, умные глаза, слушала безыскусственныя рѣчи знатнаго путника!

Онъ,—сынъ московскаго великаго князя Димитрія Іоанновича, побѣдителя татаръ на Куликовомъ полѣ,—три года жилъ заложникомъ при дворѣ хана Тохтамыша, лишь бы усыпить бдительность разби-

таго, но еще не побѣжденнаго врага. Не смотря на юность, русскій княжичъ понималъ уже, что для своего освобожденія надо дѣйствовать самостоятельно, не впутывать державнаго родителя въ новыя пререканія съ ордой. Не[illegible] лѣтамъ умный, онъ, чтобы обмануть бдительность своей почетной, татарской стражи, бѣжалъ одинъ-одинешенекъ изъ плѣна. И не по дорогѣ домой, въ родную Русь, направилъ онъ свои шаги, а на югъ, въ далекую Молдавію, къ тамошнему единовѣрному намъ воеводѣ Петру. Вѣсть о побѣгѣ княжича долетѣла до Москвы съ быстротою молніи. Слышно было, что ханъ осерчалъ. По ордѣ во всѣ концы разослалъ гонцовъ, сыщиковъ,—напрасно. Сгинулъ дорогой аманатъ *)!

У слушательницъ этихъ разсказовъ душа замирала! Дыханье захватывало. Дѣвочка даже всплакнула. Витовъ былъ полонъ вниманія! Его умъ, какъ прикованный, слѣдилъ за каждымъ словомъ, каждымъ движеніемъ мысли юноши. Соображенія, размышленія такъ и тѣснились, работая, въ умной головѣ литовскаго князя.

Непривѣтно жилось ему въ Луцкѣ. Подручнымъ княземъ былъ онъ у своего державнаго родича, польскаго короля Ягайла. Съ нимъ не церемонились ни вельможные паны, ни сосѣди рыцари. Не разъ, не случайно раздумывалъ онъ надъ средствомъ выбраться изъ тяжелыхъ условій. А судьба все держала его точно на привязи.

Полюбился суровому литвину птенчикъ Рюрикова гнѣзда. Онъ встрѣтилъ его у своихъ друзей—тевтоновъ, когда русскій молодецъ пробирался на родину

*) Заложникъ.

не прямо изъ Молдавіи, чтобы не попасться снова въ руки татаръ, а черезъ Германію, Польшу и орденскія владѣнія.—Не сама ли судьба шлетъ ему счастливый выходъ?—думалось Витовту. Юноша уменъ, сообразителенъ. Витовтъ пригласилъ его заѣхать, по дорогѣ, въ Луцкъ, и здѣсь, перемолвившись осторожнымъ словцовъ съ другомъ-княгинюшкой, стали они вмѣстѣ, по тихошеньку, внимательно примѣчать да умѣло подбадривать чуть загоравшійся огонекъ взаимной привязанности дорогихъ подростковъ.

Софья была въ восторгѣ отъ молодого, смѣлаго, веселаго гостя. Не наговорятся они, бывало, о его странствованіяхъ, о диковинной богатой Москвѣ, которую ея дѣвичьи грезы рисовали сказочнымъ, могучимъ, заколдованнымъ царствомъ, за лѣсами и болотами ея угрюмой родины. Княжичъ отдыхалъ душой послѣ всѣхъ пережитыхъ имъ опасностей, трудностей тяжелаго пути. Ему безконечно нравилась веселая, миловидная Софія, такъ восторженно внимавшая каждому его слову, такъ горячо интересовавшаяся его дорогой, далекой родиной!

Дни шли за днями. Князь и княгиня приголубили московскаго сокола, внушили ему къ себѣ искреннее довѣріе, полное уваженіе. Когда послы московскіе, заручившись дружескимъ пропускнымъ листомъ Ягайла, пріѣхали за первенцемъ своего великаго князя, юноша чувствовалъ себя уже не чужимъ въ пріютившемъ его Луцкѣ. Разлука съ княжеской семьей была уже не легка его сердцу, и онъ искренно обѣщалъ Витовту повѣдать отцу-государю о своемъ сердечномъ желаніи жениться на милой княжнѣ, внучкѣ великаго Кейстута, всегда дружественно относившагося къ православнымъ христіанамъ. Онъ надѣялся, что его

родитель не откажетъ любимому сыну, не разобьетъ его сердца. Онъ могъ по совѣсти увѣрить великаго князя, что и въ Литвѣ есть добрыя, ласковыя сердца, что православная вѣра любима, почитаема народомъ.

Несмотря на насильственныя мѣры къ утвержденію въ Литвѣ католичества, на мученія и ужасы, наводимые частыми набѣгами кровожадныхъ крестоносцевъ, на притѣсненія католиковъ—польскихъ пановъ, литовцы все же тяготѣли къ Россіи и въ минуты горя, несчастья, всего охотнѣе стремились къ подножію православныхъ алтарей. Русскому княжичу казалось, что миловидная литвинка сумѣетъ понравиться добродушнымъ москвичамъ. Пылкому юношѣ мерещилось даже сближеніе между сосѣдними дружественными народностями. Онъ убѣждалъ державнаго родителя, что, преслѣдуя одну и ту же цѣль собиранія мелкихъ ослабѣвшихъ княжествъ въ одно цѣлое, могучее государство, Россія и Литва, тѣсно связанныя, могутъ дать дѣйствительный отпоръ и татарамъ на востокѣ, и на западѣ католической Польшѣ, вернуть ее въ ея природныя границы, отобравъ и Галичъ, и Волынь, и Подолію.

Великій князь Дмитрій Іоанновичъ, весь поглощенный своими отношеніями къ ордѣ и заботами о престолонаслѣдіи, не перечилъ мечтамъ сына, предназначеннаго имъ быть наслѣдникомъ велико-княжескаго престола. Умеръ онъ,—и Василій Дмитріевичъ, мирно упорядочивъ свои отношенія къ старѣйшимъ родичамъ, съ спокойной совѣстью отправилъ блестящее посольство за любимой суженой, изъ славнаго дома Гедимина, дочерью смоленской княжны Анны Святославовны.

Московскіе бояре Александръ Полэ, Белевутъ и Селиванъ съ многочисленной свитой поѣхали въ Пруссію, въ Мальборгъ, за великокняжеской невѣстой. Они везли безчисленные, драгоцѣнные подарки своей будущей великой княгинѣ и ея державной роднѣ. Московская Русь развернулась во всемъ блескѣ своихъ неисчерпаемыхъ богатствъ, на удивленіе, да, пожалуй, и зависть литовскаго двора. Витовтъ приложилъ всѣ старанія, чтобы его дочь, хотя и изъ изгнанія, въ свою очередь, блеснула въ Москвѣ и богатствомъ и блестящей свитой. Во главѣ невѣстинаго посольства, среди литовскихъ вельможъ первое мѣсто занималъ владѣтельный князь Иванъ Ольшанскій, окруженный своей шляхтою, оруженосцами и тѣлохранителями.

Отъ прусскихъ береговъ, отъ данцигской пристани, разсѣкая сѣдыя волны широкой Балтики, понеслись многочисленныя разукрашенныя суда. Они перевозили литовскую княжну, ея богатства и русско-литовскую свиту къ берегамъ Лифляндіи, гдѣ тогда властвовалъ орденъ меченосцевъ, въ полной славѣ и воинственномъ могуществѣ. Кровожадный, жестокій, онъ былъ исконнымъ врагомъ нашихъ бѣдныхъ обездоленныхъ сосѣдей,—корси и ливовъ.

Съ жгучей болью должны были русскіе православніе люди проходить мимо тѣхъ мрачныхъ твердынь, укрѣпленныхъ замковъ меченосцевъ, гдѣ такъ часто умирали отъ страшныхъ истязаній въ тяжелыхъ оковахъ и православные мученики, и язычники, не отступавшіе отъ вѣры родной *). Угнетены, измучены непосильнымъ трудомъ, налогами, побоями несчаст-

*) Католики часто называли и православныхъ христіанъ—рутеновъ—язычниками.

ные туземцы. Ярмо рабства пригнуло къ землѣ вольныхъ сыновъ Поморья, изнурило, обезсилило нашихъ несчастныхъ сосѣдей. Проходя по этимъ мрачнымъ мѣстамъ, свадебное шествіе, казалось, несло съ собою точно улыбку отрады, лучъ надежды на что-то лучшее, болѣе свѣтлое, отрадное въ будущемъ!!!

Какъ солнце изъ-за черныхъ тучъ, такъ изъ мрачнаго мальборгскаго замка шествовала на востокъ юная, счастливая княжна, указывая путь туда—къ источнику будущаго счастья, государственной славы и величія, пока еще обездоленнымъ поморцамъ.

Отъ горя, чуть-чуть не изъ заточенія, къ радости и царственному почету шла прекрасная литвинка. И чудилось, что счастье, отраду несла она съ собою!

Въ Псковѣ и Новгородѣ ее встрѣчали съ крестами, иконами, хоругвями. Гудѣли колокола св. Софіи, торжественно выходило духовенство, именитые посадники, радостный, ликующій народъ. Всѣ спѣшили выразить свои вѣрноподданническія чувства любимой суженой московскаго великаго князя, нареченной великой княгинѣ.

Смоленскъ распахнулъ свои тяжелыя врата. Его державцы горячо привѣтствовали Софію Витовтовну, родную имъ литовскую княжну.

Послѣ отдыха начались приготовленія къ торжественному въѣзду въ престольную Москву. Не смѣя нарушить обычая предковъ, великій князь Василій Дмитріевичъ съ трудомъ сдерживалъ желаніе летѣть на встрѣчу дорогой путешественницѣ. Гонцы его одинъ за другимъ мчались изъ Москвы съ привѣтомъ и дарами. Выѣзжали бояре на разукрашенныхъ скакунахъ, въ блестящихъ своихъ нарядахъ, окруженные многочисленной нарядной свитой. Толпы ликующаго на-

рода, духовенство съ крестами и пѣніемъ молитвъ останавливали шествіе великокняжеской невѣсты.

Наконецъ заблестѣли главы святыхъ храмовъ русской столицы, загудѣли московскіе колокола, и, вмѣстѣ съ духовенствомъ, выѣхалъ изъ стѣнъ столицы великій князь всея Руси, потомокъ безконечнаго ряда великихъ и славныхъ правителей. Невѣста была ему подъ пару и по знатности рода, и по уму, и по юной цвѣтущей красотѣ. Потомки Гедимина по женской линіи были сами Рюриковичи: княжны витебская, тверская, смоленская дали Литвѣ ея славнѣйшихъ князей. Дочь Витовта сама была по матери Рюриковна и приносила русской великокняжеской семьѣ благочестивое сердце своей матери, умъ и твердость великаго отца.

Молодую чету вѣнчалъ въ январѣ 1391 года самъ, вернувшійся изъ Кіева, митрополитъ Кипріанъ.

ИСТОЧНИКИ:

С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. 4.
Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Московско-Литовскій періодъ.
А. Барашевъ. Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы.

Кіевъ, Смоленскъ, Вильна.

1392—1395—1398 г.г.

ПРАВОСЛАВНАЯ Москва можетъ смѣло ликовать, весело справляя въ январѣ 1391 года свадьбу своего юнаго великаго князя. Ни одна тучка не виднѣется на ясномъ небѣ восточной Руси. Татарская орда обѣщала миръ, съ старшимъ родичемъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ утвердилось полное соглашеніе. Новобрачная державная чета могла покойно расточать свои дары и милостивыя ласки любимымъ вѣрноподданнымъ. Имъ даже, какъ будто, и простительно было забыть, что тяжело живется несчастнымъ западнымъ единовѣрнымъ и единокровнымъ братьямъ. Ни Польша, ни рыцари не переставали угнетать, мучить ненавистныхъ имъ православныхъ своихъ подданныхъ.

Ягайло враждебно смотрѣлъ на бракъ своей двоюродной племянницы. Онъ понималъ, какую силу придавало это родство и безъ того воинственному, предпріимчивому другу юности. Онъ началъ добиваться дружбы съ Орденомъ. Магистръ какъ будто подается: онъ пишетъ Ядвигѣ письмо, оправдывается въ убій-

ствѣ Киргайла *). Въ Маріенбургѣ съѣзжаются уполномоченные съ обѣихъ сторонъ, чтобы заключить перемиріе для обоюдныхъ торговыхъ выгодъ. Назначается даже время свиданія короля съ магистромъ. Но хитрые тевтоны стремились къ военнымъ захватамъ. Они сзывали къ себѣ друзей, сосѣдей, князей силезскихъ и поморскихъ, съ ихъ вооруженными силами. Слетѣлись со всѣхъ концовъ удалые молодцы, веселые храбрецы къ своимъ гостепріимнымъ маріенбургскимъ братьямъ-рыцарямъ. Конечно, не послѣднее мѣсто среди нихъ занималъ и хитроумный совѣтникъ, храбрый воитель князь Витовтъ. Вмѣсто сладкихъ пѣсенъ мира, дружбы, единенія послышался призывъ воинственной трубы. Великій магистръ Ордена Конрадъ Валленродъ собралъ сильный отрядъ и осенью 1391 года явился съ друзьями къ литовской границѣ. Передъ тѣмъ, когда слѣдовало переступить черезъ нее, былъ, по обычаю, устроенъ роскошный пиръ, подобнаго которому не запомнятъ лѣтописи Ордена. Гостей угощали и дарили безмѣрно. Вино и золото лились рѣкою **).

Но и Ягайло не дремалъ! Привезъ изъ Польши множество оружія, съѣстныхъ припасовъ, чтобы приготовить Литву къ оборонѣ. Сжегъ Троки, прежде чѣмъ орденцы успѣли ихъ обложить, такъ-что имъ пришлось дѣйствовать въ опустошенной уже мѣстности. Они взяли нѣсколько мелкихъ крѣпостей и Вилкоміръ, который отдали Витовту. Жгли, грабили все, что еще

*) Братъ Ягайла.

**) Такіе пиры, устраивавшіеся въ честь гостей передъ походомъ, назывались «почетными столами». Они производили большое впечатлѣніе на гостей. Ихъ очень любили и пользовались ими, какъ приманкою для съѣзда союзниковъ.

попадалось подъ руку и на развалинахъ воздвигали, вооружали свои собственныя крѣпости. Одну изъ нихъ, съ замкомъ,—Риттерсвердеръ,—они предназначили мѣстожительствомъ Витовту. Конечно, умный литвинъ отлично воспользовался своимъ положеніемъ. Дѣлалъ набѣги по сосѣдству, отвоевалъ себѣ Меречъ и Гродну безъ особаго труда, такъ какъ приготовились къ оборонѣ одни поляки; русскіе же и литовцы сами ихъ плѣнили, засадили въ крѣпостную башню и сдались прирожденному своему князю. Довольный успѣхомъ, Витовтъ упросилъ магистра вернуть ему проживавшихъ въ Пруссіи, какъ бы заложниками, его жену, княгиню Анну, князей бѣльскихъ и смоленскаго. Чтобы орденцы вѣрили въ его дружбу, Витовтъ оставилъ у нихъ своихъ сыновей, сдѣлалъ еще нѣсколько набѣговъ на Литву. Въ головѣ его вставали уже новыя картины, умъ останавливался на другихъ путяхъ къ могуществу, славѣ, самостоятельности. О закрѣпленіи Жмуди за Орденомъ, конечно, совсѣмъ позабылъ. Походъ убѣдилъ Витовта въ неизмѣнной вѣрности ему православнаго русско-литовскаго населенія. Въ этомъ были убѣждены и рыцари. Неудачная осада Вильны не измѣнила ихъ отношеній къ союзнику. Они предупредительно предложили ему поселиться въ только что выстроенномъ замкѣ Риттерсвердерѣ, вернули ему супругу и сестру, красавицу Рингалу. Къ новому походу склоняли своего союзника орденскіе братья. Начались опять переговоры, совѣщанія на съѣздѣ среди пировъ и дружескихъ бесѣдъ. Витовтъ не отказался:—зачѣмъ ссориться? Но и второе нашествіе союзниковъ на Вильну было неудачно. Ужъ очень ненавидѣли литвины крестоносцевъ! На счастье бѣдняковъ, имъ сочувствовали на этотъ разъ все-

сильные, вельможные паны въ Краковѣ; они рѣшительно не допускали уступки Ордену Гедиминовой столицы. Благодаря ихъ настоянію, Ягайло рѣшилъ, что пора положить конецъ разорительной бойнѣ, остановить постоянные набѣги неугомонныхъ сосѣдей на богатую Польшу. Набожной же Ядвигѣ умные совѣтники постарались внушить, что католическая церковь ничего не потеряетъ, если Польша и Литва, во имя любви къ ближнимъ, заговорятъ о мирѣ съ кичливыми орденскими братьями. На общемъ совѣтѣ въ Краковѣ было рѣшено отправить въ Мальборгъ надежнаго посла, поручивъ ему ловко обойти рыцарей, заручиться ихъ согласіемъ на миръ, осторожно развѣдать, какъ обстоятъ дѣла въ Риттерсвердерѣ и, при благопріятныхъ условіяхъ, закинуть удочку относительно союза съ враждующимъ родичемъ. Какъ ни какъ, а Ягайло Ольгердовичъ и Витовтъ Кейстутовичъ—братья двоюродные—были когда-то друзьями. Грѣшно враждовать безъ конца.

Вслѣдствіе этихъ всестороннихъ совѣщаній въ Краковѣ, къ коменданту городовъ Христборга и Бами (на юго-западъ отъ Кенигсберга) явился однажды молодой, еще непосвященный, епископъ плоцкій Генрихъ,—братъ мазовецкихъ державцевъ.

Ловкій ученикъ католическихъ монаховъ, онъ былъ достойнымъ представителемъ ясновельможныхъ краковскихъ пановъ. Съ почетомъ встрѣтили на орденской землѣ посла короля польскаго. Крестоносцы выказали большое вниманіе юному носителю мирныхъ предложеній. Они повторяли, что искренно рады жить въ согласіи съ католической Польшей. Только вотъ Витовтъ? На это смиренно, осторожно, прося молитвъ, совѣта и поддержки, юный Генрихъ отвѣчалъ объ-

щаніемъ краснорѣчиво говорить въ Риттерсвердерѣ о любви, забвеніи вражды. Очарованные его ловкими пріемами, вѣря въ искренность будущаго епископа, ливонскіе рыцари поспѣшили дать ему пропускъ до самаго замка. Сестра Витовта, Данута, была замужемъ за Янушемъ, княземъ мазовецкимъ, старшимъ братомъ Генриха. Онъ обязанъ навѣстить свойственника, притомъ же лучшаго друга высокочтимыхъ крестоносцевъ.

Посланецъ Ягайла и Ядвиги явился въ Риттерсвердеръ подъ священнымъ знаменемъ Ордена. Двоедушный Витовтъ призадумался. Княгиня Анна Святославовна, красавица Рингала, бельзскіе князья Иванъ и Георгій, литовскіе бояре, весь дворъ изгнанника—князя собрался, чтобы достойно встрѣтить будущаго епископа плоцкаго. Красивый, статный Генрихъ сразу полонилъ всѣхъ вольныхъ и невольныхъ обитателей замка. Привезъ онъ привѣты родныхъ, вѣсти о милыхъ далекихъ, съ кѣмъ разлучило жестокое изгнаніе. Литовскій князь рѣшилъ въ своемъ умѣ, что гость его тутъ не спроста. Никому не говоря о своихъ соображеніяхъ, онъ предоставилъ дѣйствовать супругѣ и сестрѣ. Самъ же, не спуская глазъ съ дорогого гостя, принималъ, по виду, самое живое участіе въ безконечныхъ празднествахъ, начавшихся подъ его гостепріимнымъ кровомъ въ честь знатнаго сановника латынской церкви.

Пиры, охоты смѣнялись въ Риттерсвердерѣ, собирая рыцарей со всей округи къ ногамъ гостепріимной хозяйки-княгини и ея родственницы, блестящей красавицы Рингалы. Забывъ свой санъ, свои обѣты, юный Генрихъ рѣшительно не уступалъ никому пальмы первенства въ воинскихъ состязаніяхъ, скачкахъ и охотахъ. Умная, ловкая Ольгердовна тоже не хотѣла

казаться дикаркой, пользовалась своимъ положеніемъ и своей выдающейся красотой. Въ вихрѣ беззаботнаго веселья, подъ звуки пѣсенъ трубадуровъ, сложилась и пѣснь любви литовской княжны съ польскимъ князькомъ, нареченнымъ епископомъ плоцкимъ.

Обѣты забыты, сброшена мантія, юность властно заявила свои права. Всесильное слово «люблю» разорвало преграды, и въ семьѣ Витовта снова заговорили о счастьѣ, о бракѣ, о свадебномъ пирѣ.

Рыцарямъ это было совсѣмъ по душѣ. Ихъ любимецъ, счастливый женихъ, конечно, воздѣйствуетъ въ ихъ же интересахъ. Витовтъ смягчится, помирится съ Ягайломъ. При общей же радости, оба державца уступятъ рыцарямъ давно желанную, такъ часто обѣщаемую имъ Жмудь.

И не ошиблись. Счастливый Генрихъ, дѣйствительно, добросовѣстно выполнилъ порученіе Ягайла. Онъ прекрасно усыпилъ бдительность тевтоновъ. Витовтъ же самъ ему помогъ. Понявъ дѣйствительный смыслъ пріѣзда Генриха, съ свойственной ему ловкостью, онъ указалъ юношѣ, какъ обойти орденскихъ мудрецовъ. Подъ шумокъ веселыхъ празднествъ и свадебныхъ пировъ, была подписана измѣна прежнему союзнику. Съ восторгомъ отступился Ритерсвердерскій изгнанникъ отъ дружбы и союза съ прежними боевыми товарищами. Ягайло, по соглашенію съ Скиргайломъ, отдавалъ Витовту всѣ земли Кейстута и всю Литву съ титуломъ великаго князя. Противъ этого не устоять никакой дружбѣ! Богъ съ ними, съ этими союзниками! Цѣль близка, онъ почти ужъ достигъ ея. Но, чуръ, не проболтаться бы! Какъ кстати эта свадьба: пусть шумятъ, веселятся побольше, подольше! Надо усыпить гостей, такъ преду-

предительно отдавшихъ въ его распоряженіе помѣстительный Ритерсвердеръ да еще приславшихъ вдобавокъ вѣстника мира и любви!

— «Только не миръ, не любовь», былъ воинственный крикъ литовскихъ полковъ, когда въ ночь на Ивановъ день 1392 года, послѣ веселаго пира, они напали на сонный нѣмецкій гарнизонъ замка и всѣхъ перевязали. Иностранныхъ гостей выслали за границу, а рыцарей и купцовъ полонили. Городъ же весь сожгли до основанія. Затѣмъ Витовтъ пошелъ на Гродну, Нейгарденъ, Метембургъ. Какъ нѣмцы сильно ни отбивались, имъ, все же, приходилось уступать литовскимъ ратямъ. Въ Гроднѣ Витовтъ оставилъ свой сильный гарнизонъ, нѣмецкіе же города сжигалъ до основанія. Горѣли замки, села, страдалъ ни въ чемъ не повинный бѣдный людъ. Яркое зарево пожаровъ освѣщало торжественное шествіе литовскаго великаго князя въ его столицу.

Ядвига и Ягайло пріѣхали въ Вильну, торжественно скрѣпляя своимъ родственнымъ присутствіемъ союзъ. Подъ ихъ вліяніемъ и недавній боевой соперникъ, князь Скиргайло протянулъ руку примиренія счастливому борцу. 4-го августа 1392 года была подписана договорная грамота, и Вильна отпустила въ Кіевъ своего прежняго державца. Горячо набожный, искренно православный Скиргайло былъ очень отзывчивъ на все доброе, не помнилъ зла, охотно, легко забывалъ обиды. Душа его не лежала къ изворотливому, ловкому Витовту. Онъ видѣлъ его двуличность и, все же, когда Ягайло, для спокойствія обширныхъ многолюдныхъ русско-литовскихъ земель, отдалъ виленскій столъ неугомонному родичу, Скиргайло сократилъ свой крутой нравъ и удовольствовался

кіевскими удѣлами съ титуломъ «великаго князя русскаго».

Въ разоренномъ, захудаломъ Кіевѣ, гдѣ еще мало было замѣтно католическое вліяніе, сынъ благочестивой княгини Іуліаніи Александровны тверской могъ свободно и съ пользою примѣнить свое рвеніе къ нуждамъ Церкви православной. Онъ сердечно заботился о благѣ народномъ, о возстановленіи разрушенныхъ, ограбленныхъ храмовъ, княжескихъ палатъ, жилищъ духовенства и бѣднаго люда. Не вмѣшивался Скиргайло въ свары князей-родичей, ни въ отчаянную борьбу южно-русскаго народа съ католическимъ духовенствомъ и польскимъ панствомъ. Его душа болѣла только о нуждахъ и скорбяхъ своихъ подданныхъ. Иноки Печерской лавры были его любимыми собесѣдниками. Съ ними и старыми боевыми товарищами дѣлилъ онъ свои труды на пользу и во благо народа. Казалось, лучъ счастья заглянулъ снова, оживилъ, согрѣлъ развалины прежняго могущества и славы древняго Кіева.

Но, видно, Господь судилъ иначе. Едва прошло три года, новая бѣда стряслась надъ многострадальнымъ городомъ. Послѣ удачной охоты и дружескаго отдыха въ лаврѣ у друзей-иноковъ, князь простудился. Радѣтель, печальникъ о всѣхъ болящихъ, горемычныхъ, самъ слегъ, крѣпко заболѣлъ,—надежды нѣтъ на исцѣленіе. Объ отравѣ передаютъ другъ другу на ухо удрученные кіевляне. Будто издалека, отъ родичей, пришла бѣда—кручина злая. Принесли ее гости, участники княжеской охоты.

Иноки спѣшили изъ лавры во дворецъ. Духовенство стоитъ на молитвѣ, прося Господа смиловаться надъ людомъ православнымъ, спасти ихъ любимаго

«великаго князя русскаго». Плачъ и вопль народный сливался съ заунывными ударами колоколовъ. Спасенья нѣтъ! Окончена полезная трудовая жизнь! Кіевляне забыли крутой нравъ покойнаго, его подъ часъ крѣпкую расправу, помнили только, съ благодарными слезами, его скорую въ гнѣвѣ отходчивость, готовность всѣмъ помочь, усердіе къ вѣрѣ родной.

Окруженный друзьями, ратными товарищами, оплаканный неутѣшными подданными, скончался Скиргайло. Торжественно похоронили его смиренные иноки Печерской обители подъ сѣнью древнѣйшей православной святыни. При трогательномъ пѣніи заупокойныхъ молитвъ и погребальномъ перезвонѣ, опустилъ въ могилу плачущій русскій народъ покровителя, печальника о древней столицѣ православной Руси,— матери городовъ русскихъ. Не стало великаго князя русскаго, и ненасытный Витовтъ, какъ жадный коршунъ, выжидавшій свою добычу, конечно, не снесясь съ королемъ польскимъ, присоединилъ кіевскую область къ своимъ, и безъ того обширнымъ, владѣніямъ. Затѣмъ отнялъ у Владиміра Ольгердовича Волынь, и у Ѳеодора Коріатовича Подолье.

Счастье положительно не отходило отъ Витовта. При ненасытной жаждѣ славы, онъ, конечно, не могъ оставить безъ вниманія постоянно враждовавшихъ между собою смоленскихъ князей, родственниковъ княгини Анны; они, забывая свои обязанности къ подданнымъ, ихъ нужды и судьбу, выгоняли другъ друга, проливали неповинную кровь и вѣчно дрались съ родичами рязанскаго стола. Витовтъ, подъ предлогомъ, что идетъ биться съ татарами, всталъ лагеремъ подъ стѣнами Смоленска. Глѣбъ Святославичъ поспѣшилъ къ нему въ станъ пожаловаться на обиды,

причиненныя другими князьями. Ловкій литовецъ обласкалъ его, наговорилъ цѣлый ворохъ добрыхъ словъ, приглашая и остальныхъ князей къ себѣ, вызываясь ихъ помирить, разобрать споры. Благодушные Рюриковичи явились съ дарами, въ восторгѣ, что вотъ разберетъ ихъ споры и недоразумѣнія премудрый литвинъ, и покончатся вѣчныя неурядицы. Конечно, онъ ихъ и покончилъ, только по-своему; не прошелъ для него даромъ примѣръ друзей-союзниковъ, орденскихъ братьевъ. Онъ, безъ малѣйшихъ объясненій, плѣнилъ довѣрчивыхъ гостей вмѣстѣ съ многочисленными ихъ боярами и отправилъ къ себѣ, на Литву. Посадъ сжегъ, крѣпость взялъ, богатства отнялъ, въ Смоленскѣ посадилъ своего намѣстника, а весь удѣлъ присоединилъ къ своему княжеству (1395 года).

Такъ, шагъ за шагомъ, крѣпло и ширилось литовское могущество въ ущербъ русскому. Москва съ Литвой изъ-за Смоленска не разссорилась: она была поглощена борьбою съ татарами и, въ свою очередь, собирала мелкія, слабѣющія удѣльныя княжества. Она пока еще дружила съ укрѣплявшейся Литвой, да и родственныя связи поддерживали миръ. За то не смолчала Польша. Кичливый ляхъ заговорилъ въ Краковѣ! Тамъ изъ-за южно-русскихъ земель поднялась цѣлая буря. Ясновельможные заправилы рѣшительно не помнили себя отъ злости. Королева Ядвига волновалась вмѣстѣ съ ними. Они уже готовы были взяться за оружіе. Литва, это ленное владѣніе Польши, обходитъ закрѣпленные договоры! Какъ будто бы и не было подписанныхъ съ нею условій! Князь Витовтъ собираетъ подъ свою державу чуть не половину Руси! А о королѣ польскомъ даже и не вспоминаетъ! Волно-

валось въ своихъ раззолоченныхъ покояхъ именитое католическое духовенство. Въ палатахъ сановитыхъ вельможъ собирались паны и знатные шляхтичи. Судили, рядили, къ королевѣ шли за совѣтомъ. А что же король,—этотъ ставленикъ Рима, послушный сынъ латинской церкви? Да что король,—на него плоха надежда! Литвинъ по крови, духу и привычкамъ, онъ, въ тайникахъ своей души, пожалуй, даже радъ, что счастье привалило родному краю. Милы ему его родныя кущи, гдѣ онъ могъ по-долгу, безъ скучной королевской свиты, охотиться одинъ на тура, медвѣдя или волка. Любъ ему этотъ хмурый бѣлоголовый народъ, такъ неохотно сгибающій спину подъ панское, чужеземное ярмо. Близки, дороги пахучіе еловые лѣса, величавая пустынная тишина его родины! Чего добраго, онъ мысленно населяетъ дремучій боръ тѣнями языческихъ боговъ, вспоминая преданія старыхъ вѣдуній. Пожалуй, призраки древнихъ языческихъ боговъ даже мѣшаютъ ему ясно понимать всѣ выгоды, стремленія, порывы кичливыхъ ляховъ и ихъ духовныхъ пастырей.

Рукой махнули ясновельможные на вѣнчаннаго ими же литвина. Съ нимъ лучше и совсѣмъ не толковать; ну, какъ тайкомъ да снесется съ виленскимъ родичемъ, другомъ юныхъ дней? Совсѣмъ не то Ядвига,—внучка польскаго короля Казиміра и супруга литовско-русскаго великаго князя Ягайла! Все великое княжество Литовско-Русское, значитъ, и кіевскую, и волынскую и подольскую и прочія западныя и южныя русскія земли она считала собственностью польской короны. Не мириться же ей съ мыслью, что все это отходитъ къ Витовту въ собственность, тогда какъ Литву и юго-западную Русь она пріі-

обрѣла для увеличенія и усиленія своей маленькой Польши, цѣною брака съ полудикимъ Ягайломъ. Ядвига, точно державный властелинъ, написала въ 1398 году Витовту, своему леннику, письмо, въ которомъ говорила, что Ягайло отдалъ ей княжества Литовское и Русское въ вѣно, вслѣдствіе чего имѣетъ она право на ежегодную дань съ нихъ. Призадумался великій князь русско-литовскихъ земель. Читалъ, перечитывалъ высокомѣрный приказъ. Ужъ очень хотѣлось ему извлечь изъ него побольше выгодъ своимъ подданнымъ, побольше славы себѣ самому.

Посолъ королевы засталъ Витовта въ Новыхъ Трокахъ. Чудо искусства—великолѣпный замокъ былъ воздвигнутъ имъ на островкѣ, среди живописнаго озера Гальвы. Тутъ любилъ жить мудрый правитель Литвы въ тѣ рѣдкіе дни, когда могъ отдохнуть отъ объѣздовъ своихъ земель да воинскихъ походовъ.

За время своего единодержавія онъ успѣлъ пополнить разоренную великокняжескую казну, возстановить порядокъ, нарушенный предыдущими смутами. И все это возрождающееся благосостояніе должно разрушиться по волѣ польской королевы?—«Ну, нѣтъ, не бывать этому»! сказалъ себѣ гордый литвинъ и разослалъ гонцевъ, чтобы скорѣе, въ Вильнѣ, собирался сеймъ*).

Поднялись витязи, бранные товарищи князя, пришли сановники папскаго престола и съ ними вельможи-католики литовскіе. Не было только вѣщихъ старцевъ земли родной, вѣрныхъ послѣдователей православнаго ученія, да смиренныхъ пастырей греческой восточной Церкви. Тѣ, кого почитала языче-

*) По-русски—собраніе народное.

ская Литва, чьимъ совѣтамъ внималъ великій Гедиминъ, кого слушались Кейстутъ и Ольгердъ,—были устранены окатоличившимся Ягайломъ, послѣ его восшествія на польскій королевскій престолъ, отъ участія въ дѣлахъ Русско-Литовскаго княжества.

Безъ нихъ собрался и этотъ сеймъ. На лицахъ всѣхъ было написано самое живое любопытство. Кое-кто видѣлъ, какъ въ Троки проѣхали посланцы съ гербомъ польской королевы. Другіе уже слышали, что мраченъ князь, шепотомъ сосѣдъ сосѣду повѣрялъ свои догадки и соображенія. Но смолкъ и этотъ шепотъ, когда изъ внутреннихъ покоевъ показался Витовтъ. Черной тучей нависли думы на умномъ челѣ. Глаза метали молніи. Въ рукѣ дрожалъ измятый листъ бумаги, съ висѣвшей на немъ печатью. Даже не поклонившись, на ходу, князь бросилъ собранію рѣзкій вопросъ: «считаютъ ли себя литвины обязанными выплачивать дань коронѣ польской?» Какъ бичемъ, хлестнули это слова по собранію. Шумъ поднялся невообразимый. — «Мы не подданные Польши! Мы всегда были вольными! Наши предки не платили дани Мазовіи, зачѣмъ же мы теперь должны ее уплачивать ихъ потомкамъ?» Только этого и хотѣлъ ловкій Витовтъ. Опираясь на рѣшеніе собранія, онъ послалъ Ядвигѣ надменный отказъ.

Литва ликовала! Понуря головы, возвращались въ Краковъ послы королевы. Кромѣ формальнаго отказа отъ дани, они везли еще другую удручающую новость: въ Вильнѣ имъ на ухо, съ большой опаской, старые друзья - товарищи повѣдали ужаснѣйшую тайну. Неугомонный ихъ державецъ, увѣренный въ дружбѣ и попустительствѣ Москвы, снова замышляетъ союзъ со своими недавними врагами. Безпредѣльнаго

расширенія и обогащенія Литвы, неограниченной власти и міровой славы хочетъ достигнуть ненасытный Кейстутовичъ! Русскій югъ въ его рукахъ, но этого ему мало. Не даетъ покоя сѣверъ. Полоцкъ давно подрученъ Вильнѣ. Псковъ уже платитъ дань. А вотъ Новгородъ еще не гнется. Онъ старъ, богатъ, самъ часто съ сосѣдями заводитъ свары, но и его по очереди донимаютъ то датчане, то шведы. Тверь и Москва враждебно смотрятъ на кичливое вѣче у святой Софіи. На него-то, чего добраго, и соберется князь литовскій съ рыцарскими полками. Слушая это, совсѣмъ растерянно смотрѣли ляшскіе послы. Ихъ поблѣднѣвшія губы твердили: «Союзъ съ рыцарями? Подчиненіе Новгорода? А тамъ что же? и до насъ недалеко! Галиція всегда его къ себѣ тянула. Одна бѣда, напасть отъ этого литвина!» И съ тяжелымъ сердцемъ они потянулись въ Краковъ.

А Витовтъ, дѣйствительно, отправилъ пословъ къ недавнимъ врагамъ, приглашая великаго магистра Тевтонскаго ордена, Конрада Юнгингена, съѣхаться съ нимъ для свиданія на островѣ Салинѣ, по нижнему теченію Нѣмана. И они, дѣйствительно, явились на зовъ. Отецъ забылъ убійство сыновей! Магистръ не побоялся его мести. Такъ ослѣпляла всѣхъ ихъ жажда наживы и земельныхъ пріобрѣтеній, а нѣмецкихъ рыцарей еще и ненависть лютая къ православновѣрующему народу.

Шумны, блестящи были дружескіе пиры. Оба новые союзника, забывая прежнія измѣны, коварства, преступленія, горячо клялись другъ другу въ вѣчной любви, обоюдной помощи въ дѣлѣ раздробленія русскихъ земель. Союзный договоръ Литвы съ Орденомъ былъ заключенъ безъ вѣдома Польши! Витовтъ самостоя-

тельно уступалъ большую часть Жмуди. Даже обѣщалъ подчинить ему нашъ Псковъ, а рыцари собирались поддержать его при покореніи Новгорода. И громкіе клики и безчисленныя здравицы повторялись расходившимися гостями. Витовтъ и Конрадъ вели уже въ бой свои могучія рати. Блестящія свиты предрекали бранную славу, громкія побѣды «королю Литвы и Руси».

Ничего не могло быть пріятнѣе славолюбивому Витовту. Онъ торжествовалъ и положилъ въ своей честолюбивой душѣ добиться, дѣйствительно, своего коронованія въ Вильнѣ.

Отклики этихъ торжествъ, вѣсть о роковомъ договорѣ донеслась, конечно, и до Кракова. Чѣмъ надменнѣе поднималъ голову ловкій литвинъ, тѣмъ ниже склонялась гордая дочь Пястовъ, подъ тяжестью горькой обиды, поразившей ее въ самое сердце. Она болѣла, чахла и пошла въ могилу, унося отчаянное сознаніе, что безцѣльно принесена ею жертва для славы и величія Польши. Литва окрѣпла, объединилась, а католическая вѣра еще не восторжествовала надъ православіемъ, несмотря на всѣ усилія примаса въ Краковѣ и прусско-тевтонскихъ рыцарей. Двойственная, ловкая политика Витовта, возводя Литву въ первенствующую державу, умаляла значеніе монархіи Пястовъ.

ИСТОЧНИКИ.

Д. Иловайскій. Исторія Россіи, т. II.
А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы.
Н. М. Павловъ. Русская исторія до новѣйшихъ временъ, т. I.

Побѣда славянъ надъ нѣмцами.

15 іюля 1410 г.

ВЕСЕЛО проводятъ Рождественскій постъ въ Мазовіи, при дворѣ добрѣйшаго князя Януша и его умной супруги, княгини Дануты, сестры русско-литовскаго великаго князя Витовта.

Мазовщане, какъ литовцы и наши новгородцы, много страдали отъ постоянныхъ набѣговъ, грабежей неугомонныхъ сосѣдей—орденскихъ братьевъ. Мучили они, разоряли до тла, сжигали жилища бѣдняковъ, а ихъ самихъ, цѣлыми селеньями, часто уводили въ тяжелую неволю, пополняя этимъ способомъ ряды своихъ безотвѣтныхъ, многострадальныхъ рабовъ.

Князь Янушъ самъ былъ миролюбивѣе Ягайла, прямодушнѣе Витовта. Но его бояре, тѣ, которые владѣли обширными землями, многочисленною вооруженною челядью, не давали спуска надоѣдливымъ рыцарямъ. Въ свою очередь, они переходили границы, нападали на орденскія земли и уводили плѣнниковъ въ свои укрѣпленные, точно крѣпости, замки съ подъемными мостами, бойницами и даже подземными тюрьмами. Только, въ противоположность тевтонамъ, въ этихъ темницахъ держали они плѣнныхъ рыцарей-предводителей, а не бѣдный замученный людъ.

Мазовецкіе воеводы сводили свои личные счеты съ ненавистными сосѣдями, вовсе не стѣсняясь тѣмъ, что любимый ими князь Янушъ часто ласково принималъ при своемъ дворѣ и рыцарей и ихъ сановитыхъ гостей изъ западной Европы. Почтительная любовь къ князю ничуть не убавляла ихъ постоянной боевой готовности постоять за себя и за свое добро. Часто обѣ враждующія силы дружелюбно братались до первой ссоры подъ гостепріимнымъ кровомъ державныхъ хозяевъ.

Дворъ княгини Дануты славился своими веселыми праздниками. Сильно добивались рыцари и вельможи чести быть приглашенными на нихъ и съ особеннымъ рвеніемъ спѣшили туда, получивъ милостивый зовъ. Въ концѣ 1409 года дворъ былъ особенно оживленъ. Веселые пиры смѣняли блестящія охоты въ заповѣдныхъ пущахъ, окружавшихъ Теханово, княжескій замокъ, не далеко отъ столицы Варшавы. Нарядное общество собиралось по вечерамъ вокругъ роскошно убраннаго стола. Веселыя рѣчи довольныхъ гостей утихали только при звукахъ лютней или сладкихъ пѣсенъ трубадуровъ; они славили доброе сердце и красоту милостивой княгини съ ея придворными дамами, или боевые подвиги сподвижниковъ князя, напоминая о тѣхъ битвахъ, гдѣ вмѣстѣ рубились они, подъ знаменами своего славнаго вождя. Ярко горѣлъ огонь въ громадныхъ каминахъ. Съ потолка изъ красивыхъ люстръ падалъ мягкій свѣтъ отъ множества зажженыхъ восковыхъ свѣчей. Ласковые, добродушные хозяева отъ души радовались беззаботному веселью своихъ гостей. Ясная зимняя ночь покойно глядѣла въ стрѣльчатыя окна, точно любуясь мирными радостями нарядной толпы. Никто рѣшительно

не могъ предчувствовать, объяснить себѣ рѣзкаго повелительнаго звука рога, оборвавшаго на полусловѣ увлекательную пѣснь сладкозвучнаго пѣвца. Смолкло въ мигъ все собраніе. Княгиня поблѣднѣла, набожно закрестилась. Дамы пробовали слѣдовать ея примѣру, да дрожащія руки не слушались, побѣлѣвшія губы съ трудомъ лепетали молитвы. Со двора доносился лязгъ цѣпей отъ опускавшагося подъемнаго моста и стукъ подковъ по вымощенному двору. Князя разсердила такая несвоевременная тревога. Онъ гнѣвно смотрѣлъ на входную дверь. Не успѣли молодые шляхтичи, прислуживавшіе за столомъ своихъ державцевъ, броситься къ дверямъ, какъ на порогѣ показались три крестоносца въ полномъ боевомъ нарядѣ. Съ ними цѣлыми клубами ворвался морозный воздухъ, наполняя страшнымъ холодомъ всю теплую, свѣтлую палату. Суровы лица вошедшихъ, злостью искрятся глаза.—«Суда, наказанья требуемъ мы у вашей княжеской мости *) дерзкому рыцарю Юрандѣ изъ Спыхова», почти повелительно заговорилъ старшій крестоносецъ. Еще блѣднѣе стала княгиня. Она испуганно подняла свои чудные, умные глаза на князя-супруга. Сама же ласково прижимала къ сердцу одну изъ молодыхъ боярышенъ, чуть не ребенка, съ воплемъ отчаянія бросившуюся передъ ней на колѣни.

Величественно взглянулъ князь Янушъ на нахала. Отчетливо, твердо заговорилъ:—«Кто смѣетъ тревожить покой княгини мазовецкой, ея и моихъ гостей, когда съ сосѣдями—рыцарями у меня заключенъ миръ?»—«Его нарушилъ дерзкій Юранда изъ Спыхова! Смерть ему, князь Янушъ»!—«Не въ моемъ обычаѣ безъ суда

*) Милости.

наказывать даже послѣдняго смерда, а не то что вельможнаго Юранда, моего вѣрнаго рыцаря и друга».—«Онъ разбойникъ! Однимъ ударомъ копья закололъ брата Мейнегера и плѣнилъ фонъ-Бергера!»—«Только въ честномъ бою поднимаетъ руку Юранда, никогда не нападаетъ на безоружнаго,» отвѣтилъ твердо князь. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросительно посмотрѣлъ на княгиню, старавшуюся, что было силы, успокоить горько плакавшую дѣвочку Дануту, дочь Юранды, и вмѣстѣ съ тѣмъ напрягавшую весь свой умъ, чтобы сообразить причину такого невозможнаго переполоха.—«Мы и вызвали его на честный бой. Онъ принялъ вызовъ, только требовалъ, чтобы мы оставили его земли, вернулись къ границѣ и удалили нашихъ людей. На это мы не согласились. Тогда онъ съ своимъ отрядомъ напалъ на насъ, разогналъ нашихъ кнехтовъ, убилъ Мейнегера, а фонъ-Бергера, заковавъ, посадилъ въ страшные спыховскіе подвалы». Все громче поднималъ голосъ надменный крестоносецъ. Онъ кончилъ угрозой, что, если князь мазовецкій не выдастъ ему своего подданнаго, гроссмейстеръ Ордена найдетъ расправу и надъ его княжескимъ величествомъ. Князь вспыхнулъ.—«Мнѣ грозить?» и съ этими словами онъ всталъ, положилъ свои крѣпкія руки на плечи крестоносца, да такъ сильно тряхнулъ его, что тотъ струсилъ. Онъ заговорилъ примирительнымъ тономъ: «положимъ, наши гости изъ Германіи сами захотѣли помѣряться силою съ непобѣдимымъ силачомъ Юрандой. Но и онъ не въ первый уже разъ убиваетъ нашихъ. Его люди жгутъ и грабятъ безнаказанно на спыховской границѣ, и Бергеръ не первый, не единственный изъ нашихъ, изнываетъ теперь въ его подземельяхъ. Всѣхъ нашихъ бѣглецовъ укрываетъ онъ за

крѣпкими стѣнами своего замка! Нѣтъ, нѣтъ! Или самъ накажи смертью своего подданнаго, или гроссмейстеръ собственными силами расправится съ злѣйшимъ врагомъ Ордена».—«Не вамъ, не вашему гроссмейстеру предписывать законы мазовецкому князю», вспыхнулъ Янушъ.—«За гроссмейстера постоитъ вся Германія во главѣ съ императоромъ!»—«Со мной пойдетъ Польша да Русь съ Литвой! А это будетъ побольше всѣхъ вашихъ союзниковъ-друзей».—«Развѣ, ваше княжеское величество, желаете начать войну съ Орденомъ?»—«Войны не хочу, но и не дамъ въ обиду своего вѣрнаго слугу и друга!»—«Тогда мы сами позаботимся о наказаніи и мести!»

Въ конецъ обозлился князь Янушъ. Въ его памяти пронеслись всѣ обиды, нанесенныя орденскими братьями ему лично, и всѣ ужасы, отъ которыхъ терпѣла бѣдная Мазовія.—«Берегись»,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ,—«не вынуждай меня взяться за оружіе! Всегда вы и рыцари, живущіе на вашихъ земляхъ, первые нападаете на мирную Мазовію. Угоняете наши стада, сжигаете деревни, уводите въ плѣнъ мужчинъ, убиваете женщинъ и дѣтей. Когда я жалуюсь, гроссмейстеръ вашъ отвѣчаетъ изъ-за стѣнъ своего Мальборга: «Обычныя пограничныя шалости. Оставьте меня въ покоѣ!» А когда мой другъ въ честномъ бою одолѣваетъ вашихъ, ты приходишь требовать его смерти? Пугаешь местью? Такъ гдѣ же справедливость? Попробуй только силой распоряжаться въ моихъ владѣніяхъ, тогда и я поднимусь, и ты вновь очутишься здѣсь, но уже не гостемъ, а узникомъ!»

Очевидно, терпѣнье князя истощилось. Онъ схватилъ съ головы шапку, изо всѣхъ силъ ударилъ ею

по столу и вышелъ, громко хлопнувъ дверью. Разстроенная, вся блѣдная княгиня давно увела плакавшую дѣвушку. За нею удалилась перепуганная свита. Трубадуры молча понурили головы. Казалось, точно и свѣчи-то горѣли тусклѣе.

Удалились, позеленѣвши отъ злости, крестоносцы. Никакъ не ожидали они такого исхода. Бѣшенство отразилось на ихъ лицахъ. Что дѣлать? Какъ поступить? Мщеніемъ кипѣли ихъ злобныя сердца. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они знали, что гроссмейстеръ бережетъ польскаго короля Ягайла. Тотъ въ свою очередь, конечно, не дастъ никому въ обиду свою двоюродную сестру, княгиню Дануту, видимо принимавшую близко къ сердцу дѣло Юранды. При томъ же, за нее можетъ энергично вступиться и ея родной братъ, воинственный Витовтъ. Хорошо должны были помнить рыцари и то, что Ягайло никогда не проститъ разбойничьяго захвата каравана съ мукою, посланнаго имъ водою черезъ прусскія владѣнія въ Литву, страдавшую отъ страшнаго голода. Ни Ягайло, ни Витовтъ въ вѣкъ не забудутъ такого варварскаго грабежа! Слыхать, у обоихъ дѣлаются сильныя приготовленія къ какому-то походу. У нихъ скоро кончается срокъ перемирія съ Орденомъ. Ихъ соединенныя силы безчисленны, прекрасно вооружены. Тутъ поднимется еще съ ними этотъ мазовецкій князекъ. Тогда, пожалуй, орденскимъ силамъ и дѣйствительно не справиться съ врагомъ. Ясно, что отъ гроссмейстера не дождаться имъ поддержки. Ну, а какъ же оставить фонъ-Бергера въ мазовецкихъ рукахъ? Какъ не мстить за смерть Мейнегера?—И начали совѣщаться хищные коршуны, враги порядка, всего добраго, честнаго, мирнаго. Пошли устроять тайныя козни, обсуждать погибель

тѣхъ, съ кѣмъ не могли справиться въ честномъ, открытомъ бою.

Умная, кроткая княгиня успокоила сначала ребенка Юранды, ввѣреннаго ея попеченію; затѣмъ отправилась къ князю-супругу поддержать его добрымъ совѣтомъ, успокоить, насколько это было возможно. Звѣрства крестоносцевъ уже не первый разъ до боли волновали его мягкую душу!

Томительно шли дни за днями. Послы одинъ за другимъ летѣли изъ Теханова въ Спыховъ узнать, гдѣ Юранда, отчего не ѣдетъ, какъ обѣщалъ, повидаться съ дочерью еще до переѣзда двора въ Варшаву, къ Рождественскимъ праздникамъ. Наконецъ, пришелъ отвѣтъ, но очень странный. Юранда сообщалъ, что въ Спыховѣ приключился большой пожаръ, и что его самого, во время борьбы съ расходившеюся огненной силой, ударило упавшее съ высоты обгорѣвшее бревно, да такъ тяжело придавило, что засыпало искрами его единственный глазъ. Боясь умереть, ослѣпнуть, онъ поручилъ своему духовнику умолить княгиню отпустить къ нему дочь, желая передъ смертью благословить ее и проститься съ единственнымъ своимъ сокровищемъ. Весь княжескій дворецъ поднялся на ноги при такой удручающей вѣсти. Безусловно честный, беззавѣтно храбрый, Юранда считался лучшимъ другомъ князя, вѣрнѣйшею опорой мазовецкой короны. Вокругъ бѣдной Дануси хлопотала княгиня съ своими придворными. Посланцевъ разспрашивали о пожарѣ, требуя подробнаго отчета о здоровьѣ Юранды. Никому въ голову не приходило вглядѣться въ лица присланныхъ людей, вслушаться въ ихъ односложные, подъ-часъ сбивчивые отвѣты. Объ одномъ горевали, заботились благодушные ма-

зовщане: какъ бы скорѣе собрать бѣдную дѣвочку, удобнѣе усадить и скорѣе отправить утѣшать больного отца, лѣчить его раны.

Княгиня сама за всѣмъ присматривала и, вмѣстѣ съ заботливымъ батюшкой, сердечно благословила свою любимицу въ далекій путь.

Но не успѣли успокоиться жители за́мка. Князь все еще волновался. Княгиня тихонько плакала. Придворный штатъ вздыхалъ, переговариваясь о тяжеломъ испытаніи, ниспосланномъ Богомъ славному старому бойцу. Челядь въ подвалахъ все еще по косточкамъ перебирала и рѣчи и въ особенности блестящій видъ молодцовъ, присланныхъ отъ Юранды за его красавицей-дочкой. Кое-кто кое-какъ, невзначай, только удивлялся: отчего это бояринъ не послалъ своихъ старыхъ, испытанныхъ соратниковъ? Но какъ-то не вдомёкъ было собесѣдникамъ на этомъ вопросѣ остановиться. И вдругъ всѣ вздрогнули. Раздался опять звукъ трубы у воротъ техановскаго замка.— «Да никакъ это спыховскій рогъ?» вопросительно заговорили въ толпѣ, мигомъ очутившейся на дворѣ. Отецъ Стефанъ стоялъ уже около княгини, уговаривая ее не пугаться, а лучше надѣть шубейку.

Ворота настежъ растворились, и на дворъ, верхомъ на огромномъ конѣ, въѣзжалъ статный, еще крѣпкій, красивый старикъ. Сѣдые волосы спускались до плечъ. Соболья шапка, нарядная, крытая бархатомъ шубка, все богатое убранство всадника и его коня доказывали знатность родовитаго гостя.— «Юранда?» повторялось на всѣ лады. Изумленіе, испугъ, ужасъ такъ ясно отражались на лицахъ не только княгини, но и всѣхъ придворныхъ, что спыховскаго боярина, (это былъ, дѣйствительно, онъ самъ)

охватилъ страхъ. Не видя дочери около всемилостивѣйшей княгини, онъ почувствовалъ, какъ ёкнуло у него сердце. Въ одно время и у него и у державной хозяйки Теханова вырвался вопросъ: «Дануся»?—«Къ вамъ поѣхала?» послышался нерѣшительный отвѣтъ. Какъ-то странно было видѣть здоровымъ на конѣ того, чью жизнь считали въ опасности, кого начинали оплакивать, сомнѣваясь, что онъ выживетъ. Говорить даже съ нимъ какъ-то казалось страннымъ, страшноватымъ. Крѣпкая привязанность къ своимъ державцамъ удержала рѣзкое словцо на языкѣ старика. Князь, желая пояснить отвѣтъ своей супруги, выговорилъ немного обиженно: «Ты же самъ потребовалъ ее?»—«Во имя Отца и Сына! Ничего подобнаго не было!» воскликнулъ Юранда. Съ княгиней сдѣлалось дурно. Съ крикомъ «Дануся!» она упала на руки сопровождавшихъ ее женщинъ. Тогда князь, приказавъ Юрандѣ скорѣе сойти съ коня, увелъ его и отца Стефана въ свои дальніе покои. Старикъ растерялся, точно пораженный громовымъ ударомъ, послушался своего державца и шелъ за нимъ, машинально повторяя: «Дануся, Дануся!»

— «Припомни внимательно все, что было съ тобою въ послѣднее время и давай отвѣтъ», сказалъ грустно, серьезно князь старику. Старый воинъ какъ будто пріободрился, услышавъ въ вопросѣ повелительный звукъ.—«Что дѣлалъ ты послѣднее время?»—«Собирался къ тебѣ, пресвѣтлый князь, хотѣлъ поклониться благодѣтельницѣ-княгинѣ, взглянуть...» дальше онъ не могъ говорить,—споткнулся. Слезы градомъ полились изъ старческихъ глазъ.—«Не то, не то», кротко заговорилъ священникъ, «успокойся, перескажи нашему свѣтлѣйшему господину по порядку, что случилось

съ тобою за послѣдній мѣсяцъ». Юранда провелъ рукою по мокрому отъ слезъ лицу, погладилъ бороду, потомъ ударилъ себя по лбу.—«Что дѣлалъ? Билъ ихъ, ненавистныхъ хищниковъ, кровопійцъ! Убилъ Мейнегера, засадилъ въ спыховскіе подвалы фонъ-Бергера..»—«А твои молодцы перерѣзали всю ихъ свиту?» сказалъ священникъ съ разстановкой.—«Это они подожгли твой Спыховъ?» спросилъ князь. Старикъ переводилъ удивленные глаза отъ одного къ другому, видимо, ничего не понимая. На вопросъ князя онъ отчаянно вскрикнулъ: «Ничего не горѣло въ Спыховѣ»! Князь поблѣднѣлъ. Священникъ осторожно подошелъ къ ларцу, стоявшему въ углу, и вынулъ изъ него сложенную бумагу съ привѣшенной къ ней печатью.—«Это писано твоимъ духовникомъ?»—«Пожалуй, что имъ, печать моя».—«Такъ вотъ же, по твоему приказу, отецъ Ксаверій писалъ нашей пресвѣтлѣйшей госпожѣ-княгинѣ, что въ Спыховѣ былъ пожаръ, тебя почти ослѣпило горѣвшее бревно, которое упало тебѣ на голову. И потому ты всепокорнѣйше просишь позволить Данусѣ пріѣхать ходить за тобой».—Юранда слушалъ, ушамъ своимъ не вѣря. Глаза расширились, злой огонь въ нихъ загорѣлся. Грудь высоко поднималась. Наконецъ, онъ заревѣлъ, какъ раненый левъ.—«Неправда, все неправда!» Отецъ Стефанъ перекрестился. Тяжело вздрогнулъ князь.—»Это—месть, ихъ адская месть!» И съ этими словами несчастный отецъ бросился изъ комнаты, забывая все свое уваженіе къ князю. Янушъ грустно махнулъ рукой: «Онъ правъ. Это—месть ему, неслыханная дерзость мнѣ, моей коронѣ, моему дому!»—«Всей землѣ мазовецкой нанесена обида, княжеское величество!» невольно вырвалось у смиреннаго служителя

алтаря Господня.—«Помоги ему, отецъ святой, собрать своихъ и моихъ людей и летѣть въ погоню за разбойниками! Надо стараться вырвать скорѣе изъ рукъ несчастную овечку».

Въ это время блѣдная, вся въ слезахъ показалась на порогѣ княгиня.—«Янушъ! дорогой мой Янушъ! что сдѣлала я? Какой грѣхъ, какое преступленіе допустила! Отдала несчастнаго, ввѣреннаго мнѣ ребенка неистовымъ извергамъ, безбожнымъ разбойникамъ.—Кровь невиннаго ребенка будетъ обвинять меня передъ престоломъ Всевышняго!» И потоки горькихъ слезъ полились изъ глазъ доброй христіанки, честной, сердечной княгини.

Много труда стоило князю успокоить ее кое-какъ, остановить на время ея горькія, чуть не кровавыя слезы. Онъ заговорилъ объ обидѣ, нанесенной ихъ любимой Мазовіи, о томъ, что нельзя больше терпѣть такихъ отношеній.—«Монашествующіе братья, произнесшіе обѣтъ бѣдности, доведутъ до полной нищеты наше княжество, если мы оставимъ и этотъ случай безнаказаннымъ», задумчиво говорилъ князь. Ясный государственный умъ княгини заработалъ. Она отстранила сердечную заботу. Точно, вѣрно опредѣлила положеніе дѣла.—«А гроссмейстеръ еще проситъ насъ не дружить съ моими братьями? Если это такъ выгодно для Ордена, пусть удерживаетъ своихъ разбойниковъ. Но теперь, князь, разъ навсегда положи конецъ двусмысленнымъ отношеніямъ. Не сомнѣвайся въ правотѣ братьевъ твоихъ, поднимающихся на Орденъ. Перестань молчать, соедини свою бранную силу съ ихъ полками! Ягайло собираетъ подъ свои знамена чеховъ, моравовъ, кромѣ Литвы, чтобы сильнѣе разбить рыцарей. Съ Витовтомъ пойдетъ вся Русь. У

нихъ есть наемники-татары. Слейся съ ними, князь мой дорогой, любимый! И да поможетъ намъ Господь, общимъ дружнымъ ударомъ всѣхъ славянскихъ силъ, уничтожитъ злѣйшаго врага нашего счастья, нашего покоя, процвѣтанія нашихъ любимыхъ подданныхъ!» Задумался князь Янушъ надъ горячей рѣчью умной своей подруги. Понималъ онъ и сердцемъ и умомъ что она права, что онъ, какъ державецъ—христіанинъ, отвѣчаетъ передъ Богомъ за благосостояніе своихъ подданныхъ. Этого же благосостоянія не достигнуть во вѣки, если не обуздать хищническаго своеволія орденскихъ братьевъ. Несмотря на врожденное миролюбіе, онъ примкнулъ къ союзу братьевъ.

А тѣмъ временемъ на границѣ Мазовіи съ Пруссіей стряслась та лютая напасть, которая переполнила чашу преступленій, совершенныхъ рыцарями на сосѣднихъ земляхъ.

Юранда, во главѣ своего и княжескаго отряда, поскакалъ разыскивать свою дочь. Никто не сомнѣвался, что ее съ злымъ умысломъ похитили рыцари изъ мщенія за смерть и плѣнъ своихъ товарищей. День, другой разъѣзжали всадники по округѣ, нигдѣ не нападая на слѣдъ. Окрестные жители или, дѣйствительно, ничего не видѣли, или знали, но боялись сказать что нибудь про страшныхъ сосѣдей. На вторую ночь, весь отрядъ, переутомленный до изнеможенія, остановился отдохнуть на опушкѣ лѣса. Развели костеръ. А отцу Ксаверію и Юрандѣ приготовили постели въ убогой хаткѣ лѣсника.

Помолившись, они улеглись. Только сонъ бѣжалъ отъ очей старика. Страннымъ казалось ему, что до сихъ поръ они никого не встрѣтили. Обыкновенно по дорогамъ попадались маленькіе отряды смѣльчаковъ,

которые, подъ бѣлыми плащами орденскихъ рыцарей, скрывали свои разбойничьи привычки. Теперь точно все вымерло. А они уже довольно далеко проѣхали. При тускломъ свѣтѣ догоравшихъ углей, ему вдругъ показалось, что какая-то тѣнь вошла въ хатку, оглядѣлась, вперила въ него глаза и, точно, поманила къ себѣ. Сердце дрогнуло у Юранды: ему почудилось, что онъ видитъ тѣнь своей дочери, и быстро вскочилъ съ постели. Тѣнь вышла, онъ за нею. Все дальше шли они, минуя спящій отрядъ. Стража видѣла своего предводителя и оставалась покойна. Наконецъ, отойдя довольно далеко, тѣнь остановилась, подошла къ Юрандѣ и заговорила: «Ты ищешь Данусю?»—Онъ только стиснулъ зубы.—«Она въ надежныхъ рукахъ. Никакія силы человѣческія не могутъ помочь тебѣ найти ее».—«Такъ я созову адскія силы, чтобы вырвать ее».—«И то будетъ напрасно. Она служитъ залогомъ твоего послушанія Ордену». Юранда вскипѣлъ было, но во-время опомнился. Всей душой, всѣмъ сердцемъ рвался онъ найти свою голубку.—«Видитъ Богъ, я сдѣлаю все, лишь бы найти ее!»—«На это-то именно и разсчитываютъ братья».—«Что же дѣлать?» нетерпѣливо, кипятясь, спросилъ старикъ. — «Поклясться, что все останется тайной, что ни король, ни князья ничего не узнаютъ о нашихъ переговорахъ. Клянись!» И съ этими словами упало покрывало, скрывавшее таинственную тѣнь. Передъ удивленнымъ Юрандой стояла женщина въ одеждѣ, напоминающей монашеское платье, съ четками въ рукахъ, а за поясомъ, кромѣ маленькой странической тыквы, виднѣлся блестящій небольшой мечъ. При словѣ «клянись» она вынула его и подала крестообразною рукояткой Юрандѣ. Одну минуту онъ стоялъ въ раздумьѣ,

точно сомнѣніе промелькнуло въ его умѣ; но, вспомнивъ о дочери, онъ подумалъ, что это она протягиваетъ ему руки, моля о помощи.—«Клянусь никому ничего не повѣдать!» вырвалось стономъ изъ страдавшей груди. Тогда женщина отошла еще въ сторону. Старый, прежде такой беззавѣтно-храбрый воинъ шелъ за ней, чуть не труся. Изъ чащи вышли три всадника, держа въ поводу нѣсколько осѣдланныхъ лошадей. Поровнявшись съ ними, женщина заговорила уже громко, рѣзко, повелительно.—«Подпиши эту бумагу!» и она показала исписанный листъ.—«Какъ? не зная, что я подписываю?» опять волнуясь, вскрикнулъ честный мазовщанинъ.—«Святые братья не могутъ написать того, чего нельзя подписать честному рыцарю!» Юранда чуточку колебался.—«Тогда не видать тебѣ Дануси!»—«Ну, такъ скажи, по крайней мѣрѣ, какъ написать мой смертный приговоръ?»—Женщина скривила свой ротъ въ улыбку, глаза заискрились.—«Написать отъ твоего имени приказъ старому Тилиму—выпустить съ почетомъ на свободу многострадальнаго Бергера и его оруженосцевъ».—«Никто не страдаетъ въ Спыховѣ!»—«Одно сознаніе быть запертымъ въ подвалахъ мазовецкаго вельможи—страданіе для храбраго рыцаря,» проговорила насмѣшливо женщина. Въ бумагѣ требовалось еще уплатить узникамъ огромную сумму, а въ замѣнъ Юрандѣ было обѣщано освобожденіе его ребенка. Свѣта не взвидѣлъ отецъ! Онъ, конечно, былъ готовъ за это подписать свой смертный приговоръ. Да оно такъ и вышло.

Рыцари ставили условіемъ, чтобы онъ безъ своихъ тѣлохранителей, а только въ сопровожденіи двухъ орденскихъ воиновъ ѣхалъ за Данусей, пока другіе повезутъ отряду его письменный приказъ вернуться

въ Спыховъ и освободить крестоносцевъ. Умудренные горькимъ опытомъ, мазовщане, конечно, не вполнѣ довѣряли и письменному приказу и объясненіямъ посланцевъ, явившихся къ нимъ отъ имени Юранды. Женщина заявила, что спѣшитъ съ ними же въ Спыховъ, чтобы лѣчить несчастнаго плѣннаго послѣ его освобожденія.

Нѣсколько болѣе юркихъ да ловкихъ изъ отряда сумѣли обмануть бдительность своихъ спутниковъ. Незамѣтно поотстали они да и помчались одинъ въ Техановъ, съ докладомъ о случившемся, а остальные отыскивать, какъ ищейки, слѣдъ своего любимаго боярина. И тѣ и другіе опоздали.

Горя нетерпѣніемъ увидѣть свое любимое дитятко, старикъ мчался, что есть мочи, въ направленіи, которое ему указывали его спутники. Зная мѣстность съ дѣтскихъ лѣтъ, онъ видѣлъ, что путь идетъ къ щитнинскому замку. Раза два по дорогѣ встрѣтились имъ стрѣлки, которые вели закованныхъ въ цѣпи крестьянъ. Видно, что въ за́мокъ, на судъ, за какую-нибудь провинность тянули несчастныхъ. Руки у нихъ были связаны, на ногахъ виднѣлись кандалы, которые едва позволяли двигаться. Обычное обращеніе рыцарей священнаго ордена съ ихъ несчастными рабами! Подъѣзжая къ замку, путники спугнули стаи вороновъ, съ громкимъ карканіемъ разлетѣвшихся въ стороны. Это они сидѣли на перекладинахъ висѣлицъ, стоявшихъ при дорогѣ, на которыхъ болтались тѣла повѣшенныхъ орденскихъ крестьянъ. Опять обычная расправа святыхъ братьевъ-тевтоновъ. «Щитнинскій замокъ! Тотъ самый, гдѣ рыцари отравили двухъ невинныхъ мальчиковъ, сыновей князя Витовта», подумалъ про себя Юранда. Холодный потъ выступилъ на его муже-

ственномъ лицѣ. Онъ перекрестился. Одинъ изъ спутниковъ насмѣшливо замѣтилъ: «Да, пора и молиться, ужъ подъѣзжаемъ». Другой рѣзко затрубилъ въ рогъ. Съ зловѣщимъ скрипомъ спустили подъемный мостъ, распахнулись ворота страшнаго замка, чтобы опять долго не раскрываться.

Князь, княгиня, весь дворъ пришли въ ужасное смятеніе, когда вѣстники горя явились передъ ними, разсказывая, какъ ночью Юранда съ какою-то тѣнью ушелъ отъ нихъ, потомъ отъ его имени пришла женщина съ рыцарями, показала письмо и отправилась въ Спыховъ. Снарядили спѣшно отрядъ вооруженныхъ людей. Поднялась вся округа спасать любимаго, честнаго Юранду изъ Спыхова. Его собственные отряды храбро шли на приступъ Щитна. Рыцари чувствовали, что замокъ оцѣпили со всѣхъ сторонъ. Съ крикомъ—«выдайте намъ Юранду и его дочь!»—мазовщане съ остервененіемъ рвались на приступъ. Дать знать въ сосѣдніе рыцарскіе замки осажденные уже не могли. Умереть съ голоду, конечно, никому не хотѣлось. И вотъ, когда кольцо осаждавшихъ сузилось, когда ихъ не могли остановить ни стрѣлы, ни пищали, ни камни, летѣвшіе со стѣнъ и башенъ замка, раздался въ воздухѣ звукъ рога, и отворилась калитка большихъ замковыхъ воротъ. Зорко слѣдили мазовщане за каждымъ движеніемъ непріятеля: все ждали, что имъ отвѣтятъ на ихъ крики, требованіе освобожденія Юранды. Имъ отвѣтили, но именно такъ, какъ вѣками привыкли отвѣчать братья христіанскаго ордена, дающіе обѣтъ смиренія, терпѣнія, любви и милосердія. Они отдали требуемое отъ нихъ, но отдали одни только обезображенные, измученные трупы. Отца-старика и дочь — почти ребенка — замучили, изуродовали раз-

бойники, кровожадные тевтоны.—«Смерть за смерть!» завопили мазовщане и ринулись впередъ. Мостъ подался. По нему, несмотря на безумное сопротивленіе, они ворвались въ замокъ, истребляя всѣхъ, кто только попался подъ руку. Никто не могъ спастись. Стѣны подожгли и испепелили то мѣсто, на которомъ страдалъ любимецъ мазовецкаго народа, храбрый, надежный слуга княжескаго рода.

Это послѣднее преступленіе обострило въ конецъ сосѣдскія отношенія тевтонскихъ рыцарей съ мазовщанами. Янушъ рѣшительно повелъ свои полки въ союзѣ съ польскимъ королемъ на общаго ужаснаго врага. На этотъ разъ бокъ-о-бокъ съ ними шелъ и русско-литовскій великій князь. Соединенныя войска углубились въ ту самую землю, которая изстари составляла достояніе Польши, но которую неразумный князь Конрадъ мазовецкій утвердилъ за тевтонами полтора вѣка тому назадъ.

Во главѣ войскъ стоялъ Ягайло. Военными дѣйствіями руководилъ Витовтъ. Кромѣ своихъ жмудиновъ и татаръ, которыхъ онъ имѣлъ обычай содержать цѣлыми полчищами, съ нимъ въ этомъ походѣ были русскіе полки: смоленскій, стародубскій, кременецкій, мельницкій, дрогичинскій, волковыйскій, брестскій, новогрудскій, пинскій, кіевскій, витебскій, полоцкій, мѣдницкій, гродненскій. А перемышльскій, львовскій, галичскій и подольскій считались на-половину Витовтовыми, на-половину польскими полками.

Полчища двинулись, и 15 іюля стали лагеремъ у Еловой Горы (Танненбергъ) подъ зеленымъ боромъ (Грюнвальденъ). Тутъ встрѣтили ихъ нѣмецкія силы, которыя велъ самъ великій магистръ Тевтонскаго ордена Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ.

Какъ велика была сила враговъ славянства, можно судить по тому, что павшихъ на полѣ сраженія нѣмцы насчитывали сорокъ тысячъ, да пятнадцать тысячъ плѣнныхъ.

Витовтъ, давъ знакъ вождямъ начинать сраженіе, самъ бросился въ бой, съ обычною отвагой. Ягайло же удалился въ походную свою часовню на холмѣ и молился, издали слѣдя за сѣчей. Его окружали шестьдесятъ латниковъ, самъ онъ былъ съ головы до ногъ облеченъ въ желѣзо. Витовтъ поспѣвалъ всюду, хотя его силы были сосредоточены на правомъ крылѣ соединеннаго войска. Въ самый рѣшительный часъ битвы, когда часть союзныхъ силъ начала-было колебаться, смоленскія русскія войска не шелохнулись, выдержали всѣ яростнѣйшіе напоры непріятеля и тѣмъ самымъ спасли Польшу съ Литвою отъ нѣмецкаго пораженія 15 іюля 1410 года. Отъ славянскихъ бердышей, пищалей и мечей на вѣки разлетѣлось обаяніе ратной славы, совершенной непобѣдимости орденскихъ братьевъ! Въ лоскъ положены отряды венгерцевъ, богемцевъ, даже англичанъ, шотландцевъ, шведовъ, стремившихся участвовать въ побѣдѣ Запада надъ Востокомъ. Немногіе изъ нихъ вернулись домой. Раненые, искалѣченные, они разнесли по бѣлу свѣту страшную вѣсть о полномъ погромѣ тевтоновъ! Съ тѣхъ поръ Орденъ тевтонцевъ или крыжаковъ, какъ ихъ звали поляки, утратилъ навсегда прежнюю силу и славу. Не подняться бы рыцарямъ во вѣки вѣковъ послѣ бойни на Грюнвальдскомъ полѣ, если бы не помогло имъ промедленіе славянскихъ державцевъ, которые упустили время и потомъ вынуждены были заключить слишкомъ добросовѣстный миръ. Въ благопріятную для себя пору они не уничтожили крыжа-

ковъ совершенно, какъ непремѣнно поступили бы съ врагами своими братья-рыцари, если бы побѣда осталась на ихъ сторонѣ.

Въ Москву полетѣли гонцы съ радостной вѣстью о славной побѣдѣ и привезли въ даръ двѣ мѣдныя пушки изъ числа тѣхъ, которыя безъ счета достались Витовту на полѣ сраженія. Великій князь Василій Дмитріевичъ искренно радовался побѣдѣ надъ кровожаднымъ сосѣдомъ, такъ часто обижавшимъ его окраинныя отчины: Псковъ и Новгородъ. Пушки были приняты съ почетомъ, и великая княгиня сама ѣздила видѣться съ отцомъ, когда онъ пріѣзжалъ погостить въ подвластную ему смоленскую нашу область.

ИСТОЧНИКИ:

Н. М. Павловъ. Русская исторія до новѣйшихъ временъ. Т. I.
А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы.

Свидригайло

1418—1437 гг.

ЧЕСТНЫЙ пруссъ Конрадъ Франкенбергъ, комендантъ кременецкаго замка, былъ очень озабоченъ тяжелой отвѣтственностью, возложенной на него великимъ княземъ Витовтомъ. Ему поручено зорко стеречь своего славнаго узника, врага-родича, князя Свидригайла Ольгердовича, но не смѣть строжить, безпокоить его. Надо даже допускать гостей, если найдутся желающіе навѣстить именитаго плѣнника.

На его бѣду, по Волыни, то и дѣло сновали отряды самого Витовта, не перестававшаго воевать съ татарами. Кременецкій замокъ стоялъ какъ разъ на пути. Воеводы русскіе являлись частенько передъ запертыми воротами. Осторожно, съ опаской, а все же приходилось спускать подъемный мостъ, принимать и хотя оглядывать, но не обижать гостей. Вотъ уже девять почти лѣтъ длится это плѣненіе. Опасенъ Свидригайло своему счастливому сопернику. Онъ, хотя былъ и католикъ, но его любили литвины и даже русскіе, какъ защитника и покровителя завѣтовъ литовско-русской старины, земельныхъ государственныхъ правъ. Онъ оказывалъ явное расположеніе къ православію и явную ненависть къ Польшѣ. Съ нимъ надо соблю-

дать большую осторожность. Изъ двухъ соперниковъ счастье улыбнулось именно Витовту, онъ одолѣлъ врага-родича, вотъ и упряталъ его подальше отъ Вильны, на югъ, на Волынь. Тюремщикомъ поставилъ стараго знакомца, еще со времени своего собственнаго плѣненія въ Пруссіи у рыцарей. Ему и поручилъ эту отвѣтственную охрану. А какъ тутъ охранять, когда такъ много людей рвется видѣть своего любимца, поскорбѣть, поплакать о своихъ горяхъ-напастяхъ бывшему отважному вѣрному покровителю? Осмотрительность положительно необходима, но очень разумная: Витовтъ, ревностный католикъ, изъ расчета очень считался со всѣми своими подданными, нельзя никого изъ нихъ обижать!

Когда подъ стѣнами кременецкаго замка, у подъемнаго моста раздавался призывный звукъ трубы, осторожный комендантъ являлся самъ къ воротамъ. Отдавая должную честь знатнымъ гостямъ, онъ не поступался и своими правами: разспрашивалъ, разглядывалъ одинаково зорко, что русскихъ, что литвиновъ. Казалось, все было предусмотрѣно. Надежная стража хорошо подобрана: она состояла изъ опытныхъ, вѣрныхъ слугъ Витовта, лично извѣстныхъ коменданту. Они донесли ему однажды, весной 1418 г., что, слыхать, идутъ по Волыни, набѣгомъ на татаръ, вооруженные отряды двухъ князьковъ русскихъ: пинскаго Александра Носа и сына князя Ѳеодора острожскаго, юнаго Дашка *). «Пожалуютъ на поклонъ къ нашему», сообразилъ Франкенбергъ, зная, какая крѣпкая дружба соединяла этихъ воеводъ съ его плѣнникомъ, и пошелъ, по обычаю, гулять вдоль замковой

*) Даніилъ.

стѣны. Осмотрѣлъ часовыхъ. Вздохнулъ съ облегченіемъ: «пусть пріѣзжаютъ,—все наготовѣ; пройдетъ благополучно опасное посѣщеніе».

У воротъ между тѣмъ собралось нѣсколько человѣкъ. То люди, ходившіе изъ замка въ городъ, возвращались домой. Видѣлъ комендантъ, какъ привратникъ называлъ ихъ по именамъ, потолковалъ съ ними и пропустилъ въ ворота. Войдя въ замокъ, они направились прямо къ коменданту, и старшій сталъ докладывать, что къ нимъ пристали вотъ эти два «русина», до нитки обобранные татарами—грабителями, и молятъ, чтобы ихъ зачислили на службу въ замокъ. Видно, что они совсѣмъ обобраны, что не съ чѣмъ имъ идти домой. А въ замкѣ они обѣщались нелѣностно трудиться и нести сторожевую службу, къ которой съ дѣтства пріобыкли. Остороженъ былъ пруссъ. Осмотрѣлъ, разспросилъ, подумалъ: «двое среди сотенъ ничего не могутъ предпринять. Съ лица предобрые, простые, съ ясными веселыми глазами, широкими плечами, видно, сильные ребята». И зачислилъ въ гарнизонъ.

Вечеромъ, въ Великій четвергъ, жители замка и всѣ свободные отъ службы воины пошли въ замковую каплицу на молитву. Сторожей разставили по мѣстамъ. Князь плѣнникъ остался у себя: говорятъ, не можется ему—лежитъ. Никому невдомёкъ, что среди молящихся не было видно двухъ новобранцевъ. Ихъ мѣста еще не были обозначены на обычной молитвѣ, ихъ и не примѣтили.

Пока набожные католики съ своимъ комендантомъ молились, больной Свидригайло перечитывалъ въ сотый разъ на дощечкѣ намазанныя слова: «жди избавленія, не покидай своихъ хоромъ».—«Ну, вотъ

онъ не покинулъ ихъ, и что же? Да не обманъ ли ужъ это? Не подвохъ-ли пруссовъ? Ну, нѣтъ, шалишь, пріятель! Меня не проведешь!» И со злостью кинулъ онъ объ стѣну дощечку. «Гдѣ-то теперь мои други-князья?» Самъ съ собою продолжалъ говорить князь-узникъ.—«Здѣсь, въ виду замка раскинули они свои шатры», неожиданно прозвучалъ отвѣтъ. Удивленно воззрился князь. Глазамъ не вѣритъ.—«Дмитрій!» вырвался у него громкій возгласъ. Онъ узналъ слугу своего друга, Александра Носа. Тотъ бросился передъ нимъ на колѣни. Сталъ цѣловать ноги, руки.—«И Илья здѣсь, со мною».—«Напрасно губите вы свою жизнь. Зачѣмъ сюда попали?»—«Нельзя же, князь пресвѣтлый, идти походомъ въ эти святые дни Великаго поста. Раскинули мы станъ подъ самымъ Кременцомъ: люди-то и могутъ свободно ходить въ городъ, по церквамъ, къ службамъ Божіимъ».—«Да сюда, въ замокъ-то вы оба какъ попали? зачѣмъ?» допытывался князь.—«Чтобы тебя предупредить. Будь на сторожѣ, скажись люто хворымъ, не вставай до самаго Христова Воскресенья!»—Прямодушный Свидригайло все не понималъ.—«Да развѣ не видать, что я здоровъ?» — Димитрій усмѣхнулся. — «Постони малость, покряхти. Право слово, не долго ужъ тебѣ томиться. Какъ только настанетъ Свѣтлая ночь, мы тебя и умыкнемъ». — Недовѣрчиво слушалъ плѣнникъ. — «Да скажи ты мнѣ: кто, гдѣ стоитъ станомъ? зачѣмъ?»—

— «Князь Александръ Носъ съ Дашкой Острожскимъ порѣшили высвободить тебя, ихъ друга-князя. Собрали рати, какъ будто бы походомъ на татаръ пойти хотятъ. Подогнали передохъ подъ стѣнами этого замка, какъ есть, къ Страстной недѣлѣ. Здѣсь и раскинули свой станъ. А меня съ Ильею къ тебѣ

отправили: все выглядѣть, уладить, тебя оповѣстить. Въ ночь же на Свѣтлый Праздникъ, какъ Господь поможетъ, и освободить».

Увѣренность воина положительно подбадривала князя, но и бдительность Франкенберга смущала. Димитрій передалъ ему всѣ наставленія князей, сказалъ, какъ Илья и онъ удачно пробрались до самаго коменданта. Какъ вотъ эти дни они—своимъ усердіемъ, готовностью вездѣ поспѣть, все сдѣлать,—задабриваютъ товарищей и старшихъ. Илья не показывался князю. Онъ сторожилъ, чтобы во время дать условный знакъ и Димитрій могъ бы незамѣтно скрыться, въ темныхъ переходахъ.

Прошла пятница, за ней суббота. Стонетъ, кряхтитъ плѣнникъ, съ ложа не встаетъ. Франкенбергъ искренно встревоженъ.—«Патера бы, а не то сестру изъ ближняго монастыря позвать? Да дни то такіе ужъ великіе. Пожалуй, что и не пойдутъ: молиться будутъ. Хотя бы до Праздника не ухудшилась болѣзнь». А у Свидригайла отъ волненія, нетерпѣнья вся кровь кипитъ, жаръ разливается самъ собой. Чуть-что не бредить начиналъ и еще больше волновался: ну, какъ въ бреду сорвется правда, услышатъ слуги Витовта. И трусилъ неустрашимый князь, беззавѣтно храбрый витязь!

Наконецъ наступила Пасхальная ночь. Кременецкіе храмы засвѣтились огнями, собирался набожный людъ на молитву. Въ каплицу замка пришла вся стража. Франкенбергъ навѣстилъ своего плѣнника и успокоился, убѣдившись, что онъ крѣпко заснулъ,—авось полегчаетъ. На дворѣ ни души, всѣ молятся, сторожевые посты заняты по обычаю. Темень—хоть глазъ выколи. Тучки набѣгаютъ. По улицамъ тихо-

шенько шажкомъ, по одиночкѣ двигаются какія-то тѣни, все по одному направленію, къ замку. У моста точно воронъ каркнулъ. Чуть-чуть скрипнули цѣпи, спустилось подъемное полотно, и по нему пробираются черныя тѣни изъ всѣхъ городскихъ улицъ. Вотъ ужъ на замковомъ дворѣ копошатся. Тихо, даже копыта не стучатъ: обмотаны, видно, куделей.

Въ каплицѣ шла служба. Благочинно дѣлалъ свои возгласы замковый капелланъ, сосредоточенно-благоговѣйны храбрые воины,—стоятъ, не шелохнутся, погруженные въ умиленіе при мысли о святомъ воскресеніи Спасителя міра. Одному коменданту не побороть своего безпокойства. Молитва бѣжитъ отъ него. Чудится шорохъ. Волненье какое-то пробираетъ всю душу. Не выдержалъ! Направился къ выходу,—шорохъ слышнѣе. Торопится на дворъ, а тамъ, въ темнотѣ, движутся черные духи!—«Адъ что-ли разверзся?» мелькнуло въ мысляхъ прусса. Но въ мигъ онъ понялъ, что тѣни—это Русь святая, пришедшая освободить своего любимца въ свѣтлый часъ Христова Воскресенія! Съ воинственнымъ призывомъ, выхвативъ мечъ, бросился храбрецъ на пришельцевъ. За нимъ высыпала стража изъ каплицы. Рѣзня поднялась страшная. Франкенбергъ бился храбро и палъ только подъ напоромъ толпы. Гарнизонъ долженъ былъ уступить, на него крѣпко напирали русскіе. И счастливый Свидригайло, покинувъ свою многолѣтнюю тюрьму, полетѣлъ въ родной лагерь, къ друзьямъ, пріятелямъ, прямо къ розговѣнью.

Положимъ, на этотъ разъ некогда было веселиться. Не вступать же въ новый бой въ день Святой Пасхи? Станъ Свидригайла поднялся. Отряды поскакали со своимъ дорогимъ княземъ прямо на Луцкъ. Тамъ, въ

замкѣ Витовта, хранились безчисленныя сокровища его двора. Ими распорядился, конечно, не спросясь, освобожденный плѣнникъ и удалился, чтобы не заводить новыхъ кровопролитій, сначала, въ Молдавію, потомъ въ Венгрію. Король Сигизмундъ вполнѣ удачно взялся за примиреніе родичей.

Сначала поддался его просьбамъ Ягайло, отличавшійся привязанностью къ родственникамъ. Онъ горячо заступился за освобожденнаго родного брата своего передъ строптивымъ Витовтомъ. Тому въ данную минуту было необходимо ладить со всѣми сосѣдними державами, поэтому и онъ легко пошелъ на мировую. Братья даже дали Свидригайлу, для прокормленія, Брянскъ и Новгородъ Сѣверскій. Онъ удовольствовался, на этотъ разъ, отведеннымъ ему владѣніемъ, главнымъ образомъ, потому, что никто не трогалъ его друзей-освободителей, князей острожскаго и пинскаго, и не взыскивалъ съ нихъ. Смирно прожилъ въ своихъ маленькихъ земляхъ Свидригайло до самой смерти Витовта, равнодушно глядя на постепенное расширеніе владѣній соперника, на славу и почести, которыми окружали великаго князя друзья и недруги, дальніе и близкіе сосѣди. Чего бы, кажется, еще желать маститому правителю Литвы? такъ нѣтъ же! Королевской короны захотѣлось ему! И онъ съ юношеской горячностью ухватился за предложеніе Сигизмунда, тогда уже императора «Священной Римской Имперіи», короновать его.

Блестящіе, роскошные пиры и въ Луцкѣ и въ Трокахъ собирали именитыхъ гостей великаго князя литовскаго. Къ нему съѣзжались, кромѣ его подручныхъ литовско-русскихъ князей, послы европейскихъ владыкъ, нѣкоторыя же владѣтельныя особы и сами

лично явились. Такъ, въ 1429 году, въ Луцкѣ былъ знаменитый съѣздъ трехъ коронованныхъ особъ — императора Сигизмунда, короля Владислава-Ягайла и великаго князя Витовта. Но, когда открылась цѣль съѣзда—признаніе Витовта независимымъ королемъ Литвы и Руси, епископы и вельможи польскіе подняли такой шумъ, оказали такое рѣшительное противодѣйствіе Витовту, что церемонію пришлось отложить.

Въ Вильнѣ вышло еще хуже. Тамъ собрались именитые гости изъ западной и восточной Европы, среди которыхъ былъ внукъ Витовта, московскій великій князь Василій Васильевичъ. Они долго ждали пріѣзда императора, который уже выслалъ съ особеннымъ почетнымъ посольствомъ приготовленную для Витовта корону. «Но ляхове не жичивша коруну Литвы и коруну у нихъ тую отняли и разсѣкши ее наполы, и приложили ко коруне бискупа краковскаго, которая и теперь при замку краковскомъ и костелѣ Св. Станислава ѣсть» *).

Гости разъѣхались, праздники прекратились. Этой страшной обиды не выдержало даже и колоссальное здоровье Витовта. Восьмидесяти-четырехлѣтній старецъ, удрученный тяжкою скорбію, заболѣлъ; хотѣлъ переѣхать въ любимые свои Троки, но дорогой, отъ слабости, упалъ съ коня и черезъ двѣ недѣли умеръ (1430 г.).

— «Онъ умеръ! Вильна, вся Литва,—да нѣтъ,

---

*) Но поляки короны Литвѣ не захотѣли дать и отняли у нихъ ту корону и разломили ее на половины и присоединили къ коронѣ бискупа краковскаго, которая и теперь находится въ краковскомъ замкѣ, въ костелѣ св. Станислава.

куда Литва!—вся Русь теперь уже наша! Попались схизматики! Смерть вамъ теперь! Придушимъ, сотремъ васъ съ лица земли!» Расшумѣлись въ Краковѣ ясновельможные польскіе паны.

Конечно, смерть пришла бѣдному русскому православному люду. Племянники Ягайла, внуки Ольгерда—православные. Ихъ никто не допуститъ сѣсть на Литвѣ. Младшій же братъ Витовта, Сигизмундъ,—католикъ, ему то и должно вручить бразды правленія. А что же король?—Онъ тамъ, въ Вильнѣ, плачетъ. И, дѣйствительно, Ягайло горько, неутѣшно плакалъ, что умеръ товарищъ его юношескихъ лѣтъ; то другъ, то врагъ, обманутый обманщикъ! а все же близкій родичъ, не чужой! Плакалъ польскій король, понимая, что его паны уморили Витовта. Онъ прекрасно понималъ цѣли, которыя они преслѣдовали, и то, что забрали они такую волю только потому, что ихъ поддерживаетъ католическій западъ. Вотъ этимъ-то властнымъ магнатамъ, краковскимъ заправиламъ, и вздумалъ насолить Ягайло.

Онъ прекрасно сознавалъ, что они намѣтили Сигузмунда наслѣдникомъ Витовту. Такъ нѣтъ-же, друзья-пріятели, погодите! Вотъ я вамъ поднесу своего великаго князя Литвы и Руси! Будетъ онъ мой другъ, а не вашъ. Будетъ любить мою Литву родную, не дастъ вамъ въ обиду моихъ тихихъ, запуганныхъ любимцевъ.

Вступивъ въ свои права по литовскому престолу, послѣ смерти Витовта, Ягайло, согласно съ желаніемъ русскихъ и литовскихъ вельможъ, послалъ въ Брянскъ, звать въ Вильну своего брата Свидригайла. А послѣ похоронъ, не собравъ польскихъ пановъ, объявилъ его великимъ княземъ. Очень обозлились

краковскіе главари. Свидригайло, вѣдь, удержитъ всѣ литовско-русскія владѣнія по старинѣ. Бросились они въ Вильну къ королю высматривать, выслѣживать, свои дѣла обдѣлывать. А на Подолье, въ Каменецъ послали войско, чтобы отобрать у Литвы это мнимое польское добро.

Узналъ Свидригайло о распоряженіи ясновельможныхъ заправилъ да и напустился на своего брата, только что пообѣщавшаго неприкосновенность великокняжескихъ земель. Ягайло гостилъ тогда еще въ Вильнѣ, охотился въ своихъ любимыхъ пущахъ. Чтобы вѣрнѣе добиться его согласія, младшій Ольгердовичъ припряталъ старшаго брата подъ замокъ и клялся-божился, что не отдастъ Польшѣ ея короля, пока ему не вернутъ Подолію съ Каменцомъ.

Свита Ягайлы пробовала освободить его силой,— убить великаго князя и поставить на своемъ. Но Ягайло пошелъ на мировую съ братомъ. Опять все наобѣщалъ. Торжественно, въ присутствіи всего двора, своихъ и виленскихъ вельможъ, онъ далъ порученіе Тарлу Щекаревичу — летѣть гонцомъ къ Бучацкому, коменданту Каменца, съ приказомъ — «сдавать безъ проволочки замокъ русскому воеводѣ, князю Михаилу Бабѣ». Искренно обрадовалась вся Вильна такой удачѣ своего державца. На радостяхъ самъ онъ не зналъ, какъ достаточно одарить и Тарла и добрѣйшаго брата Ягайла. Съ почетомъ, съ богатѣйшими дарами отпустилъ онъ во-свояси польскаго короля и его приближенныхъ.

Вздохнули всѣ свободно. Вотъ теперь улажены несогласія, распри, ссоры. Покойно заживутъ русско-литовскія земли! А вышло-то совсѣмъ не такъ. Не домекнули малость самъ Свидригайло—да и близкіе

къ нему русины съ литовцами, что они имѣютъ дѣло съ своими недругами.

Когда король Ягайло торжественно при нихъ отпускалъ Тарла съ порученіемъ передать державный свой приказъ каменецкому коменданту о сдачѣ крѣпости посланцамъ, одинъ изъ королевскихъ приближенныхъ поляковъ чуточку отдѣлился отъ свиты. Смиренно, низкопоклонно обратился онъ къ кому-то изъ сопровождавшихъ Тарла и подалъ ему большую восковую свѣчу.—Униженно просилъ онъ передать ее Бучацкому, чтобы тотъ, «поискавъ свѣту, затеплилъ ее передъ образами, въ домашней своей каплицѣ».

Обычай посылать свѣчи для зажиганія ихъ передъ иконами былъ очень распространенъ на Руси, въ Литвѣ и Польшѣ.

Конечно, никому изъ близкихъ къ Свидригайлу невдомёкъ было, что такой набожный поступокъ причинитъ новыя свары, бѣды, кровопролитія. Свѣча, какъ даръ благочестивый, пришла по назначенію. Поискалъ въ ней свѣту ляхъ Бучацкій да, освѣщенный этимъ свѣтомъ, и отложилъ въ сторону приказъ короля, а Тарла и его спутниковъ связалъ и заключилъ подъ стражу. Такъ было ему повелѣно въ письмѣ, уложенномъ въ восковую свѣчу, не то самимъ королемъ, не то, помимо его, ясновельможными панами.

Поднялся взбѣшенный Свидригайло. Пошелъ на югъ со своими многочисленными полками. Жестокая борьба поднялась тогда въ западной Руси. Свидригайлу помогали рыцари, пользовавшіеся всякимъ случаемъ, чтобы поддержать раздоръ среди сосѣдей и тѣмъ ослаблять и Польшу и Литву.

Польша выставила сильнаго соперника Свидригайлу. Пользуясь его отсутствіемъ, поляки образовали среди литовцевъ—католиковъ партію вельможъ, недовольныхъ Свидригайломъ за особое сочувствіе его къ православнымъ русскимъ подданнымъ. Свидригайло былъ свергнутъ съ литовскаго престола и на мѣсто его избранъ братъ Витовта, Сигизмундъ Кейстутовичъ, князь стародубскій, ревностный католикъ. За него были всѣ католики въ Литвѣ и вся Польша; но Малороссія, Смоленскъ и Витебскъ остались вѣрны Свидригайлу (1432). Онъ долго еще тревожилъ Литву, сносясь съ русскими, татарами, волохами и рыцарями, имѣя дѣятельнаго защитника въ Ѳеодорѣ, князѣ острожскомъ.

Черезъ два года умеръ Ягайло, и на престолъ польскій вступилъ сынъ его Владиславъ. Между тѣмъ въ Литвѣ продолжались междоусобія до Вилькомирской битвы (1435), въ которой Свидригайло и союзники его — рыцари — потерпѣли жестокое пораженіе. Но Сигизмундъ недолго наслаждался своимъ торжествомъ: русскіе князья, братья Чертор ыйскіе составили заговоръ противъ Сигизмунда, и онъ лишенъ былъ жизни. По смерти Сигизмунда, литовскіе вельможи раздѣлились: одни хотѣли видѣть великимъ княземъ Владислава Ягайловича, другіе Михаила, сына убитаго Сигизмунда, третьи, наконецъ, хотѣли Свидригайла. Наконецъ, большинствомъ приверженцевъ провозглашенъ былъ великимъ княземъ литовскимъ младшій братъ Владислава — Казимиръ Ягайловичъ. (1446).

Свидригайлу пришлось разстаться съ мыслью, когда бы то ни было поднять свое знамя на Литвѣ и, подъ гнетомъ горькой необходимости, ушелъ онъ

за Карпаты, откуда вернулся только около 1444 года и присутствовалъ въ Краковѣ на торжественномъ коронованіи польскаго короля, своего племянника—Казимира Ягайловича, великаго князя Руси и Литвы.

ИСТОЧНИКИ:

Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. II.
Н. М. Павловъ. Русская исторія съ древнѣйшаго времени. Т. III.
Августъ Коцебу. Свидригайло.
А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика.

Месть за гнетъ народный.

1440 г.

СИГИЗМУНДЪ, рьяный католикъ, всю жизнь былъ счастливымъ соперникомъ Свидригайла, до самой смерти этого любимца русскаго народа. Онъ слылъ искреннимъ врагомъ православнаго вѣроученія и настойчиво преслѣдовалъ ненавистную ему народность. Чтобы достичь ея полнаго ослабленія, если не уничтоженія, онъ пользовался всѣми средствами, правдами или неправдами, которыя были въ его рукахъ. Оттягалъ земли у богатыхъ, православныхъ, русскихъ бояръ, надѣляя ими литвиновъ—католиковъ или тѣхъ изъ русскихъ бояръ, которые отрекались отъ вѣры отцевъ. Большія пространства, маетности, или имѣнія, цѣлыя княжества переходили такимъ образомъ въ руки латынянъ. Изъ жадности къ богатству и власти, изъ страсти къ наживѣ, число отступниковъ все прибывало на нашемъ югѣ. Костѐлы *) и кляшторы **) выростали, какъ грибы, на прежнихъ чисто русскихъ земляхъ. Попадется православный, по мнѣнію латинянъ, еретикъ, схизматикъ, подъ тяжелую руку сми-

*) Католическія церкви.

**) Католическіе монастыри.

ренныхъ братій доминиканцевъ или францисканцевъ, заслужитъ ихъ нерасположеніе, его и запрутъ подъ тяжелые своды монастырскихъ тайниковъ, за замки вѣковѣчные католическихъ тюремъ. Руководясь совѣтами своихъ друзей, король учредилъ въ русско-литовскомъ, болѣе чѣмъ на половину православномъ государствѣ западную инквизицію (верховный тайный судъ, безъ малѣйшей возможности оправданія,—съ истязаніями и смертной казнью). Во главѣ стоялъ монахъ, братъ Николай изъ Ленчицы. Онъ имѣлъ право привлекать къ отвѣту всякаго, кто, по его мнѣнію, былъ еретикомъ, схизматикомъ, или просто навлекалъ на себя его несправедливый гнѣвъ. Преслѣдовать, карать муками, лишать имущества, свободы, жизни за то только, что не отказывались отъ вѣры отцовъ, считалось совершенно законнымъ. Прирожденные князья, бояре терпѣли ту же участь. Они теряли свои наслѣдственныя имущества, земли, замки, города. Сигизмундъ же передавалъ эти родовыя богатства опальныхъ вельможъ людямъ низкаго происхожденія, лелѣя вполнѣ ошибочную надежду, что несправедливостью купленные приверженцы будутъ ему преданы до гробовой доски.

Тяжелый, по словамъ лѣтописцевъ, даже полякамъ и литовцамъ, Сигизмундъ совершенно оттолкнулъ отъ себя русскихъ. Исторически благодушные, уклончивые, они, наконецъ, вышли изъ терпѣнія. Отчаяніе накипало, зрѣло чувство мести за гоненія и обиды въ средѣ угнетаемаго населенія.

Доступъ къ князю былъ очень труденъ для постороннихъ. Его стража была бдительна, осторожна: съ ней надо было очень считаться. Во главѣ русской партіи стояли два брата, ревностные православные

люди, князья Иванъ да Александръ Чарторыйскіе, и ихъ друзья-воеводы: виленскій Довгердъ и трокскій Лелюшъ. Для большей осторожности, они привлекли на свою сторону близкаго слугу Сигизмунда, подконюшаго Скобейка.

«Великій князь уже пожаловалъ въ свой любимый трокскій замокъ», узнали князья отъ своего соучастника. «Скоро начнется обычный привозъ сѣна для прокормленія многочисленныхъ лошадей княжеской конюшни. Всѣ сосѣднія вотчины повезутъ въ замокъ свою поставку»! опять своевременно сообщилъ собратъ. «Это надо непремѣнно принять къ свѣдѣнію, да воспользоваться, когда придетъ пора», рѣшили промежъ себя радѣтели о благѣ русскаго народа.

Въ концѣ марта 1440 года, дѣйствительно, триста саней съ сѣномъ въѣхали на замковый дворъ. Возы были огромные, при каждомъ шелъ дюжій, прекрасно одѣтый, почти вооруженный возница. Ихъ пропустили и поставили пока поближе къ конюшнямъ. Случилось это въ субботу, какъ разъ наканунѣ Вербнаго воскресенья. Все тихо въ твердынѣ литовскаго владыки. Спитъ Сигизмундъ, и сынъ его, и надежная стража, и вѣрная челядь. Всѣ покоятся мирнымъ сномъ, точно и въ правду ихъ совѣсть могла быть спокойна! Изъ города доносился ударъ церковнаго колокола. Сзывалъ онъ людъ христіанскій въ храмъ Божій къ заутрени подъ Вербное воскресенье. Зашевелились въ замкѣ. Изъ воротъ потянулись въ городъ набожные богомольцы. За ними шелъ княжичъ Михаилъ Сигизмундовичъ съ своими дворянами. И дворъ и замокъ опустѣли, затихли совершенно. Кто въ церковь не пошелъ, тотъ завалился снова спать. Только для старика Сигизмунда въ каплицѣ, рядомъ съ опочи-

вальней, тихо служатъ раннюю мшу *). Онъ не выходитъ изъ своихъ покоевъ. Старику не здоровится. Онъ кряхтитъ, вздыхаетъ, молится. Ужъ какъ-то очень тяжело онъ себя чувствуетъ. Душа у него изныла, мучила совѣсть, хотя всѣ свои казни и преступленія онъ совершалъ въ полной увѣренности, что поступаетъ совершенно справедливо, что проливаетъ онъ кровь еретиковъ, схизматиковъ во славу Божію и католической церкви. Его душа болѣла, ныла въ самомъ отдаленномъ ея уголкѣ. Не умолкала отъ укоровъ несговорчивая совѣсть, когда упрямая память воскрешала образы истерзанныхъ жертвъ! До боли сосала сердце пробуждавшаяся правда!

Еще темень кругомъ. Все тихо, лишь близко, за дверью, слышенъ шопотъ молитвы, чувствуется запахъ ѳиміама, виднѣется свѣтъ на алтарѣ. И въ этой-то темной тиши, при молитвенномъ настроеніи, все громче, все тверже стучится неугомонная совѣсть. Слабѣетъ старикъ, тупѣютъ его мысли. Стучится совѣсть у дверей души. Вотъ она точно идетъ, вотъ скребется, все громче! Холодный потъ выступилъ на старческомъ лбу. Ему почудились странные шумы, померещилось, что гдѣ-то кто-то встаетъ, зоветъ его къ отвѣту.—«Да нѣтъ-же! это я вздремнулъ!» И крестясь, и озираясь невольно, берется снова князь за свой оброненный молитвенникъ.

Шумъ же, дѣйствительно, слышался. Какъ будто волны подымались изъ бездны. Точно вода журчала по замковымъ переходамъ. То шли мстители, карателн за невинно пролитую русскую кровь. Идутъ они требовать отчета у земного владыки, но, при своемъ

*) Католическая обѣдня называется миссою, простой народъ въ Польшѣ зоветъ ее—мша.

рвеніи спасти единовѣрцевъ, они забываютъ, что не о кровавомъ мщеніи, а о прощеніи обидъ проповѣдывалъ міру Кроткій Учитель любви, правды и добра!

Забыто евангельское ученіе. Человѣческіе грѣховные порывы взяли верхъ даже у православныхъ, по природѣ добрыхъ князей. Не одно сѣно привезли наканунѣ къ замковымъ конюшнямъ. Въ саняхъ, подъ сѣномъ были укрыты князья Чарторыйскіе съ своей дружиной. Какъ только ночью опустѣлъ замокъ и дворъ, Скобейко предупредилъ своихъ товарищей: «Пора, идемъ! Насталъ удобный часъ,—вонъ Мишка бродитъ у забора».

Медвѣдя-Мишку—Сигизмундъ очень любилъ. Онъ самъ вспоилъ, вскормилъ, выростилъ его и держалъ при себѣ почти неотлучно. Когда косолапый уходилъ гулять, князь ждалъ его возвращенія и пріучилъ царапаться лапой у входной двери, чтобы предупредить о своемъ возвращеніи. Часто самъ и впускалъ своего любимца. На этотъ разъ онъ, по обычаю, выпустилъ Мишутку. Конечно, Скобейко зналъ всѣ привычки своего господина и объяснилъ ихъ сообщникамъ. Тихошенько, еле слышно, стали они наполнять замокъ, приближаясь къ дверямъ великокняжеской опочивальни. Призывный звонъ церковнаго колокола не расшевелилъ сердецъ мстителей за други своя. Они шли безъ оглядки; не дрогнувъ, собирались поднять мечъ на безоружнаго старика.—«Заперта?» шепотомъ спросилъ князь Иванъ.—«Надо поскрести помедвѣжьи», такъ же тихо отвѣтилъ Скобейко и сталъ скрестись, подражая звѣрю. Поцарапалъ, поцарапалъ, да и остановился, прислушиваясь. За дверью было тихо. Тогда подошелъ Чарторыйскій и сталъ сильнѣе, настойчивѣе царапаться.

Сигизмундъ совсѣмъ очнулся. Обрадовавшись, что живое существо пришло дѣлить съ нимъ одиночество, онъ торопливо подошелъ къ дверямъ и распахнулъ ихъ съ радостнымъ привѣтомъ. Заговорщики стремительно бросились на свою жертву, осыпая его упреками за всѣ обиды, притѣсненія, мученія, чинимыя имъ несчастнымъ его православнымъ подданнымъ.

Въ это время изъ другихъ дверей вбѣжалъ любимый слуга Сигизмунда. Онъ бросился, чтобы своимъ тѣломъ заслонить князя отъ сыпавшихся на него ударовъ, но было уже поздно. Люди согрѣшили. Они отомстили, не помня Божьяго закона: «не мстить, а прощать обиды».

Вѣрнаго слугу связали и выбросили черезъ окно на дворъ, гдѣ онъ до смерти расшибся. Тѣло же князя положили въ сани и отвезли на ледъ среди озера.

Вѣсть о кровавой расправѣ съ великимъ княземъ быстро разнеслась по лицу русско-литовской земли. Михаилъ Сигизмундовичъ, съ перепугу, бѣжалъ въ малый Трокскій замокъ. Онъ былъ очень нелюбимъ въ народѣ. Но и у него были сторонники. Они стали шевелиться. Лелюшъ, въ свою очередь, поднялъ бѣлое знамя Свидригайла надъ замкомъ въ старыхъ Трокахъ. Именемъ народнаго любимца его приверженцы торопились дѣлать добро. Освобождали изъ-за тяжелыхъ запоровъ православныхъ страдальцевъ,—жертвы безмѣрной ярости католиковъ. Возвращались священники въ свои приходы. Торжественный звонъ колоколовъ сталъ снова созывать православный людъ подъ сѣнь святыхъ храмовъ—молиться о всѣхъ страдавшихъ въ неволѣ, мучимыхъ за вѣрность молитвѣ родной, родному крестному знаменію

Опять по полямъ и доламъ русской земли, хотя и оторванной отъ восточной ея части, сталъ работать, хозяйничать православный поселянинъ. Бояринъ удѣлялъ свое добро въ помощь единовѣрнымъ худобнымъ людямъ. Богатая юго-западная природа разсыпала свои дары, точно торопилась, какъ можно, скорѣе наградить людей за всѣ грабежи да набѣги, чинимые у нихъ католиками. Бѣда была только въ томъ, что самъ-то любимецъ народный не могъ уже встать во главѣ движенія. Одряхлѣлъ Свидригайло, старый боецъ, ревнитель судебъ православнаго населенія, ослабъ онъ и отъ лѣтъ и отъ житейскихъ невзгодъ! У него ужъ не было силъ двинуться въ Вильну. Онъ не могъ покинуть свой Луцкъ.

Призадумались лучшіе люди Литвы, знатнѣйшіе ея сановники: Гаштольдъ—смоленскій намѣстникъ, Кезгайло—жмудскій, Николай Немировичъ,—староста виленскій, Николай Радзивилъ,—маршалъ литовскій. Отъ Михаила они не ждали добра родинѣ. Старика имъ, видимо, не дождаться. Начнется новая сумятица—междоусобіе. И порѣшили они, съѣхавшись въ Ольшанахъ *), что надо выбрать третье лицо и ему передать бразды правленія русско-литовской земли. Судили, рядили и рѣшили, наконецъ, позвать на княженіе младшаго брата польскаго короля, юнаго Казимира Ягайловича.

Этотъ выборъ былъ положительно непріятенъ полякамъ. Имъ не хотѣлось видѣть въ Литвѣ хотя бы тѣнь самостоятельности. Слить все въ одно единое, цѣлое, нераздѣльное! Поставить въ Вильнѣ королевскаго намѣстника изъ своей среды! Вотъ чего же-

*) Нынѣ мѣстечко Ошмянскаго уѣзда виленской губерніи.

лали ясновельможные паны! Поставить на своемъ имъ было трудно, такъ какъ ихъ король Владиславъ былъ занятъ кровопролитной войною съ Турціей. Ему было не до Литвы. Польшѣ приходилось подчиняться обстоятельствамъ и дать свое согласіе на выборъ 14-ти лѣтняго Казимира.

Такъ вотъ нѣтъ-же, вывернулись ловкіе паны!— «Пусть его ѣдетъ въ Вильну, нашъ королевичъ!» милостиво соглашались они, «но»... и глубокомысленно прибавляли: «не какъ великій князь Литвы и Руси, а только какъ намѣстникъ своего брата, нашего круля, съ титуломъ князя». Конечно, ему въ помощь поѣдутъ и ближайшіе его пѣстуны, польскіе сенаторы, духовные наставники. Тутъ пришлось смолчать литовцамъ!

Враждебно смотрѣла литовская знать. Хмурились бояре, недовѣрчиво встрѣчалъ народъ и горожане, когда юный Казимиръ, въ сопровожденіи блестящей свиты и тѣлохранителей, торжественно въѣзжалъ въ древнюю Гедиминову твердыню. «Какъ быть? Какъ горю пособить?» ломали себѣ головы литвины, чествуя на славу новаго правителя и его вельможную панскую свиту.

Все давно готово къ торжественному коронованію великаго князя Литвы и Руси, а принимать приходится только намѣстника да еще считаться со всѣми тѣми, кто, конечно, ни за что не разстанется съ нимъ, не перестанетъ пѣстовать его, совѣтовать юному князю. Бѣда одна, да и только! Подъ гнетомъ этихъ черныхъ думъ, блеснула въ умѣ у кого-то изъ старыхъ родовитыхъ литовскихъ бояръ пресчастливая мысль.

Устроили они пиръ роскошнѣй всѣхъ предыдущихъ. Собрали пріѣзжихъ и мѣстныхъ поляковъ, же-

лая чествовать ихъ такъ шумно, блестяще, какъ еще никогда не бывало. Рѣшили ихъ такъ угостить, чтобы помнили до смерти высокомѣрные ляхи, какъ умѣютъ литвины принимать своихъ именитыхъ гостей. Не было числа замысловатымъ снѣдямъ. Не было конца задушевнымъ здравицамъ. Заморское вино лилось рѣкою. Литовскіе меда мутили головы, веселили сердце. Вся ночь пролетѣла въ шумномъ, безпечномъ весельѣ. Яркіе лучи взошедшаго солнца заблестѣли на великолѣпныхъ кубкахъ, чаркахъ, ендовахъ, красовавшихся на боярскомъ столѣ.

Спохватились ляхи, торопливо разбрелись по домамъ, гдѣ съ наслажденіемъ заснули самымъ богатырскимъ сномъ.

Того только и ждали литвины; убѣдившись, что «райцы» *) Казимира теперь имъ помѣшать не въ силахъ, они ударили въ соборный колоколъ. Раздался торжественный призывъ по Гедиминовой столицѣ. Спѣшитъ крещеный людъ. Вся Вильна поднялась. И старъ и малъ стремится поглядѣть на княжеское шествіе въ каѳедральный соборъ.

Собрались всѣ именитые бояре. Юный Казимиръ охотою сѣлъ на великокняжескій столъ. На голову его возложили шапку Гедимина, надѣли на плечи великокняжескую мантію, подали мечъ и единодушно, торжественно присягнули ему, какъ своему выбранному государю, великому князю.

Гудѣли колокола, раздавались въ воздухѣ безконечные радостные возгласы, которыми Литва и Русь привѣтствовали юнаго державца. Веселье народное широкой, радостной волной неслось по улицамъ сто-

*) Совѣтники—отъ слова «рада»—совѣтъ.

лицы. Пробудило оно и сонливыхъ поляковъ. Не понимаютъ, не могутъ, а пожалуй, даже и не хотятъ они понять причины этого восторга. Къ нимъ съ поклонами спѣшатъ литовцы. Имъ подносятъ золото, парчи, камни многоцѣнные. Подарковъ всѣхъ не перечесть. Задаренные, угощенные на славу, паны сумѣли справиться съ своимъ недоумѣніемъ и затаить неумѣстное въ данную минуту недовольство. Они почтительно принесли вѣнчанному князю свои поклоны, поздравленія, пожеланія долгаго, счастливаго и мирнаго правленія, 3 іюля 1440 года, и удалились изъ Вильны и Литвы въ Польское королевство.

ИСТОЧНИКИ:

Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. II.
С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
Васильевскій. Очеркъ исторіи города Вильны.

Кіевъ 30 августа 1481 года.

НОЯБРЬ на дворѣ. Чуть-чуть подморозило. Осеннее солнышко, по старой памяти, оглянулось на землю и даритъ ей одну изъ своихъ послѣднихъ прощальныхъ улыбокъ. Литовскія пущи подъ Троками оживились веселыми звуками охотничьихъ роговъ, лаемъ собакъ да гиканьемъ доѣзжачихъ. Вся многочисленная великокняжеская охота собирается отдохнуть на полянѣ, окруженной вѣковыми соснами и елями. Темный боръ стоитъ—не шелохнется, какъ бы оберегая своего державнаго гостя. Еще очень юный, красивый, ловкій Казимиръ Ягайловичъ только что соскочилъ съ замореннаго коня и разлегся на мягкія подушки, покрытыя медвѣжьими шкурами и пушистыми пестрыми коврами. Ихъ въ изобиліи возятъ татары, наши тогдашніе мучители, грабители, продавая въ Вильнѣ ту добычу, которую забираютъ въ Персіи, на Кавказѣ, въ Венгріи и Греціи.

Вокругъ Казимира собрались его бояре. Нарядные рослые, стройные, какъ дубы, соколами смотрѣли они рядомъ съ неуклюжими, неказистыми челядинцами.

Мраченъ видъ сосенъ, загадочна темнота, выглядывающая изъ-за густыхъ, сросшихся кустовъ. Къ нимъ ближе разложены костры, трещатъ дрова, на яркомъ пламени готовятъ охотничій обѣдъ. Слуги шныряютъ

хлопотливо, стараясь угодить юному державцу. Конюхи поодаль проводятъ усталыхъ скакуновъ. Псари и голосомъ и плеткой унимаютъ собакъ. Въ кустахъ совсѣмъ далеко прячется, лежа и сидя въ безпорядкѣ, темная группа загонщиковъ. Плохо одѣты, чуть не босы, безъ шапокъ, съ взбитыми отъ колтуна волосами, они любопытно разсматриваютъ оживленную поляну. Весело блестятъ ихъ узенькіе глаза, разглядывая и своры собакъ, и костры, отъ которыхъ струится пріятный запахъ вкусной пищи, и бояръ, и самого князя. Не громко, живо, дѣлятся они другъ съ другомъ своими впечатлѣніями. Въ сравненіи съ ними особенно странными кажутся озабоченныя лица нарядныхъ охотниковъ.

Тамъ, около князя, сѣлъ его ближайшій, лучшій совѣтникъ, бывшій пѣстунъ, виленскій воевода Гаштольдъ, за нимъ по чинамъ, по возрасту усѣлись остальные. Самъ Казимиръ очень задумчивъ. Его голубые глаза мечтательно оглядываютъ пространство. Впереди, въ широкой просѣкѣ виднѣется безконечная даль. Веселенькая рѣчка, сбросивъ оковы ночного мороза, шурша убѣгала изъ глазъ. Весело блестѣло солнышко въ ея веселыхъ, не глубокихъ струйкахъ. Видимо, нравилась князю эта милая немудреная картина. Онъ уже полюбилъ Литву, привыкъ къ ея обычаямъ, языку. Страстно привязанъ къ охотѣ въ этихъ, дѣйствительно, ни съ чѣмъ не сравнимыхъ пущахъ. Отчего-же теперь такъ грустно смотрятъ его молодые глаза? Чего не достаетъ юному державцу?

Да и кругомъ его остальные охотники отчего такъ загрустили? Охота, кажется, удалась на славу. Что гнететъ духъ этихъ сытыхъ, богатыхъ баръ? Чѣмъ

озабоченъ Казимиръ? Что говоритъ въ утѣшеніе ему мудрый Гаштольдъ?

— «Не кручинься, милостивый нашъ государь! Мало-ли бываетъ слуховъ? Тѣла державнаго Владислава еще не нашли, значитъ, о преемствѣ не должно быть и рѣчи.» — «До похоронъ какая же можетъ быть присяга?» отозвался бояринъ Чупъ, сидѣвшій подальше.

— «Слыхать, венгры уже выбрали себѣ круля», проговорилъ кто-то. Гаштольдъ сердито блеснулъ глазами. Казимиръ повернулся и тихо проговорилъ: «Спросить бы посланца, кто видѣлъ, какъ убили брата?»—Явился ляхъ, усталый, въ разорванномъ кунтушѣ, очень запыленный. Его принялись разспрашивать и, какъ ни старались, точныхъ указаній не могли дознаться. Послѣ кровопролитнаго боя подъ Варной, гдѣ Владиславъ отважно бился во главѣ своихъ полковъ, турки все же одолѣли и на голову разбили поляковъ. Храбрецы должны были бѣжать и въ общей сумятицѣ уже не видѣли своего вѣнценоснаго вождя.

Еще болѣе загрустилъ Казимиръ. Онъ, такъ пристрастившійся къ охотѣ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ управлять Литвою, даже и ее теперь позабылъ. На вопросъ ловчаго, — можно ли подниматься? — только рукой махнулъ и, обращаясь къ воеводѣ, сталъ энергично доказывать свое нежеланіе покидать Вильну. Свободно говорилъ юноша на литовскомъ языкѣ, тогда употреблявшемся только народомъ,—такъ какъ правительственнымъ языкомъ былъ русскій, паны-же изъ поляковъ говорили по-польски.

Онъ доказывалъ всѣ неудобства жизни въ Краковѣ, гдѣ привыкли властвовать королева-мать и кардиналъ Збигнѣвъ Олесницкій. Гаштольдъ самъ хотѣлъ бы удержать своего державнаго питомца на

Литвѣ. Разъ Венгрія, дѣйствительно, выберетъ себѣ собственнаго короля, то маленькой Польшѣ, пожалуй, не справиться съ обширнымъ Литовско-Русскимъ государствомъ.

Озабоченно возвращались въ Троки Казиміръ и Гаштольдъ. Забыта охота, покинуты любимыя пущи. Затихла, заглохла поляна, еще такъ недавно полная жизни, движенья, хлопотливой веселости. Ноябрьское солнышко стало медленно затягиваться сѣрою мглою. Осенніе сумерки сгущались, забирая верхъ надъ яркимъ свѣтиломъ. Вся природа тускнѣла, хмурилась, грустила, точно понимая, что надвигается тяжелая непроглядная темень, что надолго заглохнетъ самобытность бѣдной Литвы.

Казиміръ очень не хотѣлъ соглашаться на просьбы своихъ избирателей. Попасть подъ гнетъ духо́вныхъ и свѣтскихъ высшихъ сановниковъ и шляхты Польскаго королевства послѣ литовской свободы, простора, безыскусственности, право же, было тяжело. Года два (1444—1446) настойчиво отказывался юный правнукъ Гедимина отъ чести носить «коруну Пястовъ». На Петроковскомъ сеймѣ въ 1446 г., послы Казимировы, русскіе князья, объявили панамъ прямой отказъ своего князя наслѣдовать брату на польскомъ престолѣ. Второе посольство поляковъ также не имѣло успѣха. Когда же узнали, что на сеймѣ идетъ рѣчь о выборѣ въ короли мазовецкаго князя Болеслава, Казиміру пришлось уступить панамъ.

Въ концѣ концовъ, на горе себѣ, особенно же Руси православной, онъ долженъ былъ короноваться въ Краковѣ 26 іюня 1447 г. По вступленіи на престолъ, Казиміръ цѣлыя шесть лѣтъ не подтверждалъ привилегій польской шляхты, единственно потому, что

она домогалась отъ него такой присяги, которая была противна данной уже имъ Литвѣ. Поляки на каждомъ сеймѣ возобновляли свои домогательства и притомъ требовали тѣснаго соединенія съ Литвою; литвины, напротивъ, увлекаемые чувствомъ народнаго самолюбія, изъявляли явное намѣреніе разорвать союзъ, боясь, чтобы, «имя и слава ихъ не погибли, а Литва не обратилась бы въ Польшу».

Въ угожденіе Литвѣ, Казимиръ присоединилъ къ ней Луцкое княжество, упраздненное смертью Свидригайла (1452); но когда поляки начали грозить войною, и литвины, разссорясь съ ними на Парчовскомъ сеймѣ, возвратили гербы, данные Ягайломъ, Казимиръ рѣшился подписать привилегіи польской шляхты (1453 г.), тѣмъ болѣе, что при волненіяхъ въ Пруссіи представился случай исполнить домогательство шляхты насчетъ возвращенія утраченныхъ областей. Скрѣпивъ своею подписью всѣ сдѣланныя обѣщанія, Казимиръ, съ облегченнымъ сердцемъ поторопился снова уѣхать въ любимую Литву охотиться въ ея сказочныхъ пущахъ.

При такомъ порядкѣ вещей въ Польско-Литовскомъ государствѣ, понятно, не могло быть и рѣчи о покоѣ, мирѣ, добромъ единеніи всѣхъ разновѣрныхъ и разноплеменныхъ подданныхъ Казимира. Образовались партіи: во главѣ русской, православной стоялъ кіевскій князь—намѣстникъ Симеонъ Александровичъ Ольшанскій. Цѣлый рядъ его предмѣстниковъ на кіевскомъ столѣ—Владиміръ Ольгердовичъ, Скиргайло, Александръ или Олелько Владиміровичъ—и самъ онъ, несмотря на всѣ невзгоды и частые татарскіе погромы, заботились, какъ ангелы-хранители, о возможномъ охраненіи древней русской святыни. Симеонъ

особенно горячо потрудился надъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ кіевлянъ. Онъ отлично понималъ, что надо утвердить въ народѣ стойкость въ вопросахъ вѣры, расширить его умственный кругозоръ, и потому усердно строилъ школы, усердно и дѣятельно поддерживалъ духовенство въ его трудахъ и стараніяхъ сѣять животворныя сѣмена евангельскаго ученія среди темнаго, загнаннаго люда. Съ большимъ стараніемъ возвращалъ къ жизни святыя обители, любимое прибѣжище горемычнаго православнаго народа. Особенно много положилъ Симеонъ заботъ и стараній на то, чтобы поднять изъ пепла разоренную до тла Кіево-Печерскую Лавру. Зная, какое огромное значеніе имѣетъ она для всего русскаго міра, онъ «украсилъ ее иконнымъ писаніемъ, обогатилъ златомъ и сребромъ и сосуды церковными». Это былъ послѣдній подвигъ послѣдняго русскаго удѣльнаго князя Кіевской области.

Въ 1470 г. кончена была постройка Успенской церкви, а въ 1471,—подъ ея сводами,—погребенъ «умершій по-христіански, Симеонъ Александровичъ (Олельковичъ), наслѣдственный панъ земли кіевской». Такъ значилось въ подписи, вырѣзанной на гробницѣ князя Ольшанскаго. Онъ былъ уже только пожизненнымъ правителемъ Кіева. Казиміръ, не терпѣвшій родъ Олельковичей, не допускалъ и мысли о наслѣдственности ихъ правъ. Послѣ смерти Симеона, чтобы показать, какъ можно, больше пренебреженія къ старой православной столицѣ, онъ назначилъ въ Кіевъ воеводою Мартына Яновича Гаштольда, католика. Взволновались кіевляне, обидѣлись, «яко не токмо не князь бѣ, но болѣе, яко ляхъ бѣ».

Они отправили къ польскому королю посольство,

моля себѣ князя православнаго. Конечно, объ этомъ и думать не хотѣли ясновельможные заправилы Польско-Литовскаго государства. Въ отвѣтъ Казимиръ послалъ съ Гаштольдомъ вооруженную силу! Кіевляне заперлись за своими вѣковѣчными стѣнами. Городъ пришлось взять приступомъ. Противъ воли народной, силою оружія, водворился воевода польскаго короля въ древней столицѣ Олега, «матери городовъ русскихъ» и занялъ своимъ отрядомъ литовскій замокъ. Этимъ поступкомъ Казимиръ и его польская рада, конечно, не достигли цѣли. Значеніе Кіева еще не было вполнѣ стерто съ лица южно-русской земли. Князь Михаилъ Олельковичъ, проживая въ доставшемся ему Копылѣ, глубоко чувствовалъ обиду, нанесенную его роду. Подъ его знаменами сплочивались мелкіе, захудалые княжескіе роды, у которыхъ всѣми правдами и неправдами отнимали послѣдніе клочки ихъ наслѣдственныхъ земель.

Неудовольствіе росло, зрѣло! За князей стоялъ народъ. Ихъ сплочивало единство вѣры, преслѣдованіе родного православія. Разросся обширный заговоръ. Душой его, кромѣ князей Михаила Олельковича Копыльскаго и Ѳеодора Ивановича Бѣльскаго, были князья Ольшанскіе. Хотѣли они или плѣнить Казимира и высвободить Литву со всѣми русскими православными землями изъ подъ гнета Польши, или же просто отойти со всею южною Русью къ единовѣрному родичу, великому князю московскому, подъ его, тогда уже окрѣпшую, державу. Значитъ, они задумали вернуть въ прежнее русло русскую народную рѣку, сплотить распавшуюся Кіевскую и Московскую Русь.

Въ 1481 году было рѣшено привести въ исполненіе доброе намѣреніе. На блестящую свадьбу князя

Ѳеодора Бѣльскаго съ дочерью князя Александра Чарторыйскаго пригласили заговорщики и короля Казимира. Предполагали, лишивъ его свободы, добиться желаемыхъ благъ родному народу, родной землѣ. Еще день, и все должно было уладиться! На горе, враги русской народности догадались, заговоръ раскрылся, великое доброе дѣло пропало. Нашелся измѣнникъ, перебѣжчикъ, который донесъ полякамъ о намѣреніи князей плѣнить короля. Схватили слугъ Бѣльскаго и, конечно, стали неистово пытать. Тѣ, отъ страшныхъ страданій, выдали своего господина. Во время предупрежденный, князь ночью, полуодѣтый, успѣлъ вскочить на коня и умчался за московскую границу. Михаилъ же Олельковичъ и князь Ольшанскій были заключены въ тайники кіевскаго замка. Съ большими предосторожностями, въ глубокой тайнѣ, вели надъ ними судъ неправедный. Народъ ничего не зналъ о томъ, что творится надъ его любимыми князьями. Все было скрыто.

30 августа 1481 года, съ ранняго утра, когда благочестивые жители, по удару церковнаго колокола, стали направляться изъ верхняго Кіева на Подолъ, въ храмъ Божій къ ранней обѣднѣ, ихъ глазамъ прямо противъ воротъ литовскаго замка предстало что-то странное, необычное.—«Господь Милосердый! Мать Пресвятая Богородица! Никакъ что приключилось? Что тамъ высится къ ясному небу, такое темное, непонятное?»—А то были столбы черные и на нихъ укрѣпленный помостъ; когда православный людъ добѣжалъ до него, увидѣлъ ужъ только обезглавленныя тѣла, до-свѣту казненныхъ страдальцевъ за вѣру родную. Плачъ раздался по всему древнему Кіеву. Застонала Русь православная. Завопила горько, от-

чаянно! Пораженные ужасомъ, жители видѣли, какъ невинная кровь лилась по помосту и по ступенямъ, заливая родную землю, которую страстотерпцы отстаивали отъ хищническихъ захватовъ еретиковъ-католиковъ.

Убиты князья русскіе. Изъ нихъ Михаилъ былъ прирожденнымъ державцемъ кіевской земли. Любилъ ее, печалился о бѣдномъ людѣ, какъ и братъ его, покойный князь Симеонъ. Болѣлъ скорбями угнетеннаго народа, жилъ его жизнью, понималъ, облегчалъ, какъ только могъ, его тяготы и страданія. Приговоръ былъ подписанъ польскимъ королемъ. Боясь народнаго вмѣшательства, паны торопливо привели его въ исполненіе еще до зари. Погибъ отъ руки палача русскій князь Михаилъ Олельковичъ, правнукъ—по отцу—Великаго Ольгерда, по матери же, русской княжнѣ Анастасіи Васильевнѣ, дочери Василья Дмитріевича,—двоюродный братъ московскаго великаго князя Іоанна III Васильевича.

ИСТОЧНИКИ:

В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Руси.
Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. II.
Ѳ. Ив. Р. Иллюстрированная народная исторія Руси.
Генрихъ Шмиттъ. Исторія польскаго народа.

Москва заговорила.

ЗАДУМЧИВЫЙ, склонивъ голову на сложенныя руки, сидѣлъ въ роскошныхъ покояхъ Трокскаго замка вновь избранный великій князь Александръ Казимировичъ. Еще нѣтъ и года, какъ русскіе люди, князья Глинскіе, Слуцкіе, Гальшанскіе, Мстиславскіе, Гедройцы, пользуясь обстоятельствами и опираясь на собственныя силы родной Литвы, рѣшили, послѣ смерти польскаго короля Казимира IV, выбрать своимъ великимъ княземъ его третьяго сына, Александра. Въ Краковѣ сидѣлъ на престолѣ старшій сынъ Казимира, Янъ Альбрехтъ, что дѣлало вполнѣ удобнымъ сохранить независимость Литвы отъ опеки вельможныхъ польскихъ пановъ.

По душѣ пришелся литвинамъ новый державецъ. Добрый, мягкосердый, онъ искренно желалъ счастья, мира, покоя своимъ подданнымъ.—«Не могу понять», съ сердцемъ повторялъ онъ, разводя руками, «въ толкъ взять не могу, чего это наши князья надумали? Съ семьями, маетностями *), людьми и всѣмъ добромъ перебираются въ эту далекую Москву. Я же не преслѣдую схизматиковъ? Оставляю въ цѣлости ихъ храмы?

*) Имѣнье, имущество.

Не обижаю духовенства?»—«Такъ это же ты такъ поступаешь, княже. А давно ли ты на престолѣ?» внушительно возражалъ его любимый собесѣдникъ, православный князь Хребтовичъ. «Что же дѣялось до тебя, когда владыкою была польская рада? Да и теперь: вонъ виленскій епископъ—умный, честный, а не хочетъ понять нуждъ, желаній твоихъ православныхъ подданныхъ. Ревностный слуга Рима, онъ видитъ счастье литовско-русскихъ земель въ ихъ сліяніи съ Польшей. Чужда ему кроткая, незлобивая православная Церковь. Жестокая, немилосердая, но католическая Польша, не разбирающая средствъ, никогда не останавливающаяся передъ преступленіемъ,—ему понятнѣе. Покорно страдаетъ русскій народъ, твои православные подданные. Понятно, что князья болѣютъ за него,—ищутъ ему облегченія. Москва же не дремлетъ. Чу, она ужъ поднимаетъ голову. Ея орлиный взглядъ обращенъ на западныхъ своихъ единовѣрцевъ»... Глазъ не сводилъ Александръ съ краснорѣчиваго собесѣдника. Живая, образная рѣчь Ходкевича будила его душу, шевелила сердце, кровь.—«Какъ бы это такъ сдѣлать, чтобы московскій державецъ изъ врага сдѣлался моимъ другомъ?» живо заговорилъ онъ. «Вмѣстѣ стали бы мы пещись о нашихъ одноплеменныхъ подданныхъ. Вмѣстѣ и враговъ бы отражали. Обоюдная дружба придала бы нашимъ народамъ крѣпость. миръ, богатство». Призадумался Хребтовичъ...

— «Ну, а если бы половчѣе приняться попробовать, разузнать», сталъ онъ говорить, растягивая слова, всматриваясь пытливо въ глаза князю. Тотъ такъ и впился въ него любопытнымъ взоромъ.—«Что разузнать-то?» торопилъ онъ.—«Князь ты нашъ преслав-

ный! въ Москву ѣдутъ послы съ вѣрящей грамотой о смерти твоего родителя и о твоемъ восшествіи на литовскій престолъ. Пусть они, подъ рукой, у думныхъ бояръ московскихъ, своихъ друзей-пріятелей, поразузнаютъ, какъ будетъ принято ихъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ твое сватовство къ одной изъ его дочерей. Слыхать, цезарь присылалъ рыцаря Поппеля въ Москву, сватать одну изъ великихъ княженъ за своего сына, короля римскаго. А другая—пусть будетъ твоею супругою». Ласково, внушительно говорилъ Хребтовичъ. Отрадныя думы тѣснились въ его добромъ русскомъ умѣ. Ему такъ и казалось, что, при теплой отзывчивости главы государства, можно вирямь надѣяться въ будущемъ на все хорошее, счастливое для родины.

— «Какъ радуется душа твоего преданнаго слуги, княже нашъ великій!» послышался голосъ изъ за дверей. На порогѣ стоялъ видный, еще молодой, епископъ виленскій Войтѣхъ Таборъ. Его умные, блестящіе глаза, высокій, ясный лобъ и крѣпко сжатыя губы показывали человѣка желѣзной воли, твердаго нрава и большого ума. Онъ уже давно рѣшилъ самъ съ собой вопросъ о необходимости удалить отъ Александра его православныхъ друзей, а тутъ, какъ на зло, опять стоитъ одинъ изъ нихъ, чуть ли не опаснѣйшій. Но бровью не повелъ—выдержанный царедворецъ. Съ прежней ласковостью продолжалъ онъ начатую рѣчь: «Читая довольство на твоемъ свѣтломъ челѣ, тяжело сообщать о горѣ, постигшемъ Литву».—«Горе?» испугался князь. Въ глазахъ Хребтовича блеснуло безпокойное удивленіе.—«Да, горе и большое. Изъ подъстѣнъ Смоленска спѣшно примчался гонецъ. Москва идетъ на наши порубежные города. Вотъ, что значитъ

отдѣленіе отъ Польши! Насъ однихъ, безпомощныхъ, собрался обидѣть строптивый сосѣдъ». И слышалась язвительная злоба въ голосѣ епископа.

Хребтовичъ не выдержалъ. Онъ забылъ обычное поклоненіе уму говорившаго. Не могъ даже дождаться, что скажетъ князь. Заговорило въ немъ негодованіе.— «Да развѣ только теперь, послѣ нашего отдѣленія, зашевелились на Руси? Какъ только начали сплачиваться слабые державцы вокругъ окрѣпнувшей Москвы,—она стала зорко слѣдить за судьбою своихъ единовѣрцевъ на западномъ рубежѣ. И народъ и князья изъ дома Мономаха твердо помнятъ, что ихъ ближніе предки владѣли и Кіевомъ, и Смоленскомъ, и Черниговомъ! Помнятъ, что въ Галичѣ, на Волыни и Подолѣ властвовали ихъ кровные родичи. Великій Витовтъ прекрасно понималъ, куда мѣтитъ Москва! онъ предвидѣлъ ея мощь, оттого и выдалъ свою дочь за русскаго великаго князя». У Александра заискрились глаза. Нравилась ему несдержанность любимца.— Дѣйствительно, много надо было храбрости, чтобы возразить всевластному, недоброму Войтѣху.

Грозно сверкнули его черныя очи. Злая улыбка заиграла на тонкихъ губахъ.—«Такъ, можетъ, и теперь князь Хребтовичъ найдетъ возможнымъ говорить о сватовствѣ христіаннѣйшаго нашего господина—князя съ схизматичкою, дочерью враждебнаго намъ народа, предки которой всегда отвергали миролюбивыя предложенія о сліяніи съ Римомъ и о дружбѣ со святѣйшими владыками католическаго міра?»—«Развѣ то, къ чему стремится цезарь, не можетъ пригодиться для великаго литовскаго державца?» настойчиво продолжалъ Хребтовичъ. Войтѣхъ опѣшилъ. Онъ не зналъ о сватовствѣ Максимиліана.—«Вотъ куда шагаетъ

православная Москва?!» мучительно отозвалось въ его католической душѣ. Александръ поддержалъ князя.—«Максимиліанъ хотѣлъ женить своего сына на одной сестрѣ, отчего же мнѣ не жениться на другой?» Крѣпко не хотѣлось сдаваться епископу, да пришлось уступить. Опасно было еще болѣе раздражать Александра.

И поѣхало въ Московію литовское посольство; повезло грамоту о вступленіи на престолъ великаго князя Александра Казимировича и осторожно, съ опаскою, какъ бы не умалить значенія своей родины, стало развѣдывать у друзей—пріятелей, русскихъ бояръ, какъ приметъ ихъ великій державецъ сватовство сосѣда. Въ свою очередь, и въ Москвѣ насторожились.—Значитъ, уже понимаютъ на западной окраинѣ, что Москва окрѣпла настолько, что съ нею надо считаться даже сильной Литвѣ. Столь важное дѣло требовало осторожности. Не входя въ многоглаголивыя толкованія, посламъ изъ Вильны съ большою ласкою, но очень твердо дали понять, что надо прежде утвердить искренній вѣчный миръ между сосѣдями;—онъ же возможенъ только въ томъ случаѣ, если Литва удержится отъ лишнихъ рѣчей, ни на чемъ не основанныхъ требованій, и если, наконецъ, утвердитъ за Москвою вновь отнятыя ею у Литвы земли. Ну, а потомъ можно будетъ говорить и о свадебныхъ узахъ между обоими царственными домами.

Задумался Войтѣхъ. Не ждалъ, не гадалъ такого отвѣта. Какъ Москва-то заговорила! Вотъ напасть! Значитъ, она вправду чувствуетъ свою силу. Значитъ, крѣпка ея дружба съ татариномъ Менгли-Гиреемъ. Недавніе угнетатели сдѣлались вѣрнѣйшими союзниками. Новгородъ и Псковъ, вѣчные крамольники,

вольнолюбцы,—и тѣ стихаютъ передъ грознымъ самодержцемъ. Мы къ ней ѣдемъ съ привѣтомъ, съ сватовствомъ, а намъ на словахъ подносятъ условія, совѣты. А на дѣлѣ такъ и еще хуже: войска, подъ предводительствомъ князя Даніила Васильевича Щени и другихъ воеводъ, побѣдоносно идутъ по нашей восточной окраинѣ. Безъ большихъ потерь взяли они Вязьму, Дорогобужъ, Мценскъ, Серпѣйскъ, Любутскъ, Мезецкъ и Хлѣпень! Жители нисколько не помогали отчаянно бившимся литовскимъ войскамъ. Остатки храбрецовъ, вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ, княземъ Михаиломъ Вяземскимъ, взяты въ плѣнъ, закованы и, какъ слышно, заперты подъ тяжелые запоры. Въ полномъ отчаяніи пришелъ Войтѣхъ передавать горькія вѣсти своему великому князю. Александръ Казимировичъ схватился за голову.—«Что дѣлать? Надо кликнуть кличъ князьямъ Мезецкимъ, Бѣльскимъ, Верейскому Василію Дмитріевичу, чтобы вооружались, укрѣпляли свои города, твердой ногой встрѣчали врага»!

— «Бѣда въ томъ, княже великій, что ни одинъ не послушается». — «А Вереїскій? Онъ же изгнанъ Іоанномъ?»—«Къ нему писалъ самъ княжичъ Василій Іоанновичъ отъ имени родителя, звалъ его опять на родину. Прощалъ ему его нелюбье. Бѣльскіе же съ Мезецкими и многими другими князьками передаются Москвѣ со всѣми своими маетностями, людьми и безчисленнымъ добромъ». Литовскій державецъ все болѣе волновался.—«Надо скорѣе брату писать, чтобы и онъ поднимался за насъ».—«Ему не съ руки. Татары держатъ весь югъ на чеку, благодаря дружбѣ съ московскимъ державцемъ», досадливо докладывалъ епископъ. Его прервалъ все тотъ же, ему ненавистный

схизматикъ Хребтовичъ. Держа въ рукахъ пакетъ, онъ порывисто вошелъ къ князю и съ радостнымъ лицомъ возвѣстилъ: «Письмо изъ Кракова, великій государь!»—«Вотъ сердце сердцу вѣсть даетъ. Только что говорили съ его свѣтлостью о настоятельной потребности снестись съ Яномъ, а онъ и самъ пишетъ»!

Братья любили другъ друга и часто сносились, несмотря на вѣчную вражду ихъ ра́дныхъ пановъ.—«Вотъ новость! Послушайте оба!» заговорилъ великій князь.—«Варшавскій намѣстникъ Подося отъѣхалъ на Москву съ предложеніемъ отъ Конрада Мазовецкаго, выдать за него одну изъ дочерей Іоанна Васильевича».— Ничего не могло быть непріятнѣе Табо́ру. Александръ смотрѣлъ на него вопросительно, дожидаясь отвѣта.—«Торопи, князь, свое посольство!» опять, не дожидаясь старшаго, заволновался Хребтовичъ. «Пусть будетъ оно знатнѣе всѣхъ. Пусть повезетъ больше даровъ думнымъ московскимъ боярамъ».—«Не поступаться же мнѣ Литовскими землями?»—«Кто говоритъ о поступленіи! Іоаннъ, а главное его супруга, греческая царевна Софія, сильно любитъ свое дитя. Надо привлечь ихъ на свою сторону. Черезъ дочь и они оба будутъ твоими друзьями. Защищать Литву, а не нападать на нее будетъ тесть великій, и отдохнетъ наша земля, какъ это было при дѣдѣ Іоанна, великомъ князѣ московскомъ Василіи Дмитріевичѣ, женатомъ на дочери нашего великаго Витовта». Епископъ сидѣлъ сумрачный, недовольно вслушивался въ убѣдительную рѣчь Хребтовича.—«Смотри, князь литовскій, не надѣвай на себя неудобь-носимыхъ оковъ! Схизматичка на престолѣ не будетъ любима, народомъ». Тутъ ужъ и Александръ и Хребтовичъ въ одинъ го-

лось стали доказывать, что желаютъ добра именно народу православному, и выборъ княжеской невѣсты изъ семьи московскаго державца будетъ по душѣ, по сердцу, именно этому народу.

Въ январѣ 1494 года, рѣшили послать великое посольство во главѣ съ Трокскимъ воеводою Петромъ Яновичемъ Бѣлымъ и старостою Жмудскимъ Станиславомъ Яновичемъ Гостольдомъ. Поѣхали именитые литовскіе люди сватать дочь великаго князя московскаго Іоанна III Васильевича, княжну Елену Іоанновну, за своего великаго князя Александра Казимировича и заключать миръ между обѣими сосѣдними державами. Но московскіе дьяки, во исполненіе княжескихъ указаній, очень ловко переставили вопросы. Они сначала повели рѣчь о мирѣ. Обстоятельно разъяснили посланцамъ изъ Вильны, что рѣчь идетъ не объ уступкѣ ими земель Россіи, а только о возвратѣ исконныхъ русскихъ земель въ ихъ природныя границы. Наконецъ, договорились до мирнаго соглашенія, вполнѣ выгоднаго Москвѣ и равносильно тяжелаго Литвѣ. Для успокоенія, имъ оставляли Мценскъ, Брянскъ, Серпѣйскъ. Зато удерживали уже безповоротно, когда-то Ольгердомъ и Витовтомъ завоеванныя, земли: половину теперешней смоленской губерніи, часть калужской, могилевской, сѣверную половину орловской и черниговской.

Несмотря на кажущееся незнаніе географіи, московскіе дьяки провели границу такъ искусно, что завоеванныя земли входили острымъ клиномъ вглубь Бѣлоруссіи. Это, впослѣдствіи, очень облегчило Москвѣ ея военныя дѣйствія. Только Кіевъ пока оставался какъ бы въ плѣну. Его еще не требовалъ великій князь, но и то только подъ условіемъ, чтобы литовскій со-

сѣдъ признялъ за Іоанномъ титулъ: «Государя всея Руси». Весь январь 1494 г. послы вели переговоры. Москва съ Литвою торговались. Первая собиралась съ силами, чтобы закрѣпить за собою растерянныя удѣльными князьями русскія родовыя земли, вторая не хотѣла разставаться съ отвоеванными богатыми, населенными пространствами. Наконецъ, литовскіе послы, именемъ своего князя, присягнули въ вѣрномъ соблюденіи мира, а нашъ державецъ цѣловалъ крестъ на томъ, что не нарушитъ договора, не измѣнитъ дружбѣ съ сосѣдомъ.

Въ дѣлѣ о сватовствѣ Іоаннъ Васильевичъ далъ свое согласіе подъ условіемъ, что его дочь будетъ вполнѣ свободно исповѣдывать православную вѣру, что она будетъ окружена родными московскими боярами, будетъ имѣть свою церковь во дворцѣ, вольна носить одежду русскаго покроя и сохранять, въ частной жизни, порядки и привычки родины.

Въ блестящемъ теремѣ московской великой княгини Софіи Ѳоминишны, дочери греческихъ императоровъ, собралось русское именитое боярство. Духовенство и князья размѣстились по родамъ, въ порядкѣ, установленномъ сѣдою стариною. На почетномъ мѣстѣ стояли литовскіе послы: трокскій воевода Петръ Яновичъ Бѣлый и жмудскій Станиславъ Гастольдъ. Обоюдно преусердно старались и гости и хозяева перещеголять, удивить другъ друга роскошью нарядовъ, богатствомъ, блескомъ даровъ.

Славная дочь Палеологовъ перенесла на нашу почву много византійскаго изящества, вкуса, пышности. Когда ее оповѣстили, что всѣ собрались на торжество, двери внутреннихъ покоевъ распахнулись, и передъ очарованною знатною толпой появилась наша

блестящая великая княгиня во всемъ величіи своего высокаго сана и рядомъ съ нею ея красавица дочь. Статная высокая Елена Іоанновна была обворожительно хороша. Чарующая прелесть ея черныхъ глазъ, великолѣпные волосы, обаятельная улыбка, чудный цвѣтъ лица, вся ея изящная благородная внѣшность положительно поразили литвиновъ. Искренно склонили передъ русскою царственною красавицею свои сѣдыя головы послы державнаго сосѣда, принося къ ея ногамъ руку и сердце своего великаго князя. Любуясь ея красотою, они сравнивали ее съ ангеломъ въ человѣческомъ образѣ. Державная мать, съ необычайнымъ достоинствомъ, унаслѣдованнымъ отъ византійскихъ царей, отвѣчала на ихъ привѣтственныя рѣчи. Прелестная дочь, съ обворожительной улыбкой, спросила о здоровьи будущаго супруга, «если на то будетъ Божіе благословеніе».

Тутъ, въ присутствіи всего русскаго двора и литовскихъ пословъ, былъ совершенъ обрядъ обрученія. Мѣсто жениха заступалъ Станиславъ Гастольдъ, а не старшій посолъ, потомучто онъ былъ женатъ во второй разъ и, по принятому обычаю, не могъ выполнить этого высокаго порученія. Обмѣнялись драгоцѣнными перстнями и крестами изящной работы, осыпанными жемчугомъ и самоцвѣтными камнями на золотыхъ цѣпяхъ. Литовскіе послы передали подарки своего державца. Наши же бояре подносили имъ многочисленные дары отъ невѣсты жениху, которые могли наглядно свидѣтельствовать о несмѣтныхъ богатствахъ и щедрости великаго князя московскаго, государя всея Руси.

Великій князь пожелалъ видѣть портретъ своего будущаго зятя. Когда его спѣшно принесли, держав-

ные хозяева и именитые гости съ большимъ вниманіемъ разсматривали черты Александра Казимировича. Отъ него будетъ зависѣть судьба любимой великой княжны, и не одно, конечно, сердце сжалось тревожно и больно, разсматривая черты пригожаго литвина *).

— «Настоящій королевичъ польскій», замѣтилъ Иванъ Васильевичъ. «Пусть же нарисованный останется у меня въ покояхъ, а тебѣ, дочь моя Елена, живой великій князь литовскій на всю жизнь милымъ другомъ будетъ». Съ этими словами онъ благословилъ княжну, послы ударили челами и цѣловали руку у родителей и невѣсты.

Три раза обѣдали послы у самого государя. Отпуская ихъ, онъ еще разъ подтвердилъ свою волю. «Петръ и Станиславъ! Божіею милостію, мы утвердили дружбу съ зятемъ и братомъ нашимъ Александромъ. Что обѣщали, то исполнимъ. Пусть же онъ помнитъ условіе, скрѣпленное его печатью, чтобы дочь наша не перемѣняла закона ни въ какомъ случаѣ: ни принужденіемъ, ни по собственной волѣ».

Отъѣхали въ Вильну носители мира, дружбы и надежды, что родственныя узы сгладятъ, наконецъ, враждебныя настроенія двухъ правительствъ, успокоятъ измученный, бѣдный людъ, принесутъ счастье, спокойствіе, богатство. Съ ними ѣхали и наши послы: Василій и Симеонъ Ряполовскіе, Михайло Яропкинъ и дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ.

Радовался народъ православный, заслышавъ, что и вправду на литовскій великокняжескій столъ взойдетъ православная княжна, изъ единовѣрной и единоплеменной Москвы, той Москвы, которая сбросила

*) Такъ говоритъ лѣтопись.

съ себя цѣпи татарскаго ига, которая такъ громко заговорила о правахъ восточной Церкви, вспомнила свое единеніе съ издревле ей родными порубежными землями.

Великій князь Александръ Казимировичъ былъ въ полномъ восторгѣ. Миръ заключенъ, скрѣпленъ. Невѣста? Единодушно, со всѣхъ сторонъ неслись о ней восторженные отзывы! Красоты невыразимой, добра безъ мѣры, умна несравненно. И это повторяли на всѣ лады передовые гонцы, отправленные послами порадовать своего державца.

За то католики, вельможные паны, были въ полномъ негодованіи.—«Схизматичка подходитъ къ литовскому престолу твердо, увѣренно, безповоротно».—«Что дѣлать?... какими путями обойти ненавистныя условія?»—«Какія формы рѣчи въ русской грамотѣ?»—«А титулъ? Государь всея Руси!» — «О Боже, какой для насъ позоръ!»

Такими гнѣвными словами перекидывались паны рады, могущественные рѣшители судебъ Литвы, расположившись уютно, въ удобныхъ креслахъ вокругъ камина, въ роскошномъ кабинетѣ виленскаго епископа. Ворохъ горѣвшихъ еловыхъ шишекъ, отъ которыхъ съ трескомъ отлетали красныя искры, распространялъ въ комнатѣ тепло и пріятный смолистый запахъ. Собесѣдники въ точности ознакомились съ содержаніемъ условій. Хотя и съ трудомъ, но все же имъ легче было согласиться на уступку земель, которыя они свыклись считать своими, чѣмъ съ подробностями, относившимися до женитьбы князя. Ревность по католическимъ обрядностямъ рѣшительно затмевала ихъ разумъ, выводила ихъ изъ себя, такъ какъ они хорошо знали твердость и непоколебимость въ дѣлахъ

вѣры и родныхъ православныхъ обычаевъ дочери московскаго государя.

— «Они еще хотѣли, чтобы ей особую церковь выстроили на сѣняхъ,—удобнѣе ходить».—«Ну, ужъ этому не бывать! Противозаконно!» вспылилъ епископъ.—«А захочетъ ли нашъ великій князь, весь проникнутый восторженнымъ почтеніемъ къ своей новой роднѣ, вспомнить дѣдовскій законъ, запрещающій вновь строить православныя церкви на литовской землѣ?» злорадно возразилъ кто-то изъ собесѣдниковъ. — «Законъ не забывается, ему покоряются и власти и силы!» наставительно отвѣчалъ епископъ.— «Меня занимаетъ другая мысль. Ну, а если, дѣйствительно, восходящее съ востока свѣтило—княжна такъ умна и образована, какъ идетъ о ней молва, не захочетъ ли она, ознакомившись ближе съ ученіемъ нашей церкви, подъ вліяніемъ достойныхъ наставниковъ, присоединиться, по собственному почину, ко всѣмъ намъ, вѣрнымъ сынамъ римскаго престола?» Все общество пришло въ полнѣйшій восторгъ отъ такой мысли. Всѣ наперерывъ желали высказать мудрѣйшему Войтѣху радостное сочувствіе по поводу его остроумнаго плана. И когда, дѣйствительно, собрались послы въ Москву за невѣстой великаго князя, Александръ, сгорая нетерпѣніемъ видѣть ее, такъ ихъ торопилъ, что и не замѣтилъ, какъ въ подписанномъ имъ отвѣтѣ будущему тестю—союзнику, паны его рады вставили выраженіе: «Если же великая княжна Елена сама захочетъ принять римскую вѣру, то—ея воля».

Точно ударъ грома разразился надъ русской столицей, когда разнеслась вѣсть, что русскаго государя хотѣли обойти ясновельможные литовскіе паны. Вся

Москва заговорила. И старъ и младъ поднялись за свою любимую княжну, голубицу бѣлокрылую, которую злые коршуны собирались заклевать на чужбинѣ.

— «Конецъ всѣмъ переговорамъ», рѣшительно, коротко и ясно сказалъ государь всея Руси. Его слова—голосъ всей Москвы—подняли бурю на Литвѣ. Александръ Казимировичъ былъ внѣ себя отъ негодованія и злости на хитросплетенныя уловки виленскаго примаса. Немедля ни одной минуты, онъ написалъ новую грамоту, безъ всякихъ двусмысленныхъ выраженій, и отправилъ ее въ Москву.

6 января 1495 г. въ нашей столицѣ явилось снова литовское посольство: виленскій воевода, князь Александръ Юрьевичъ, съ намѣстниками—полоцкимъ и бряславскимъ, въ сопровожденіи многочисленной, блестящей свиты, изъ самыхъ знатныхъ литовскихъ родовъ. Привезли они опять подарки и въ ввѣрительной грамотѣ литовскій князь называлъ нашего государя: отцемъ, тестемъ, а въ титулѣ, согласно требованію, писалъ: «Государь всея Руси». На привѣтственную рѣчь пословъ Іоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ пространно, отчетливо, повторяя свои желанія, требованія, и кончилъ словами: «Государь вашъ, мой братъ и зять, восхотѣлъ прочной дружбы съ нами,—да будетъ, отдаемъ за него дочь свою».

13 января загудѣли надъ Москвою ея сладкогласные колокола, оповѣщая православный людъ о днѣ прощанія отца-государя съ любимой дочерью, прелестной жемчужиной московскихъ теремовъ! Надо идти молиться за отъѣзжающую изъ родного гнѣздышка на далекую чужую сторонушку, либимицу народную, великую княжну Елену Іоанновну. Всѣ улицы въ Кремлѣ запружены народомъ. Къ Успенскому со-

бору спѣшили и литовскіе послы. Въ храмѣ слушала обѣдню великокняжеская семья. Сосредоточенно стоялъ самъ Государь. На великое народное дѣло рѣшилъ онъ послать свою разумную, добрую, сдержанную дочь. Ангеломъ мира и единенія шла русская княжна во вражій станъ. Любовью къ мужу, кротостью, терпѣніемъ и мудростью должна была доблестная дочь Рюрикова дома завоевывать сердца гордыхъ, рьяныхъ католиковъ, обижавшихъ всегда и во всемъ ея единовѣрцевъ. Подъ свою защиту брала она православныхъ подданныхъ литовской короны. Съ береговъ Москвы и Яузы юная христіанка шла спасать отъ горя, преслѣдованія и мукъ угнетенный русскій настрадавшійся людъ. По окончаніи обѣдни, великій князь благословилъ дочь свою чудотворною иконою Божіей Матери, (которая и теперь находится въ Виленскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, въ иконостасѣ по лѣвую сторону царскихъ вратъ). Потомъ, выйдя изъ церковныхъ дверей на паперть, передъ лицомъ духовенства, князей, бояръ и несмѣтной толпы народа, передалъ княжну Елену Іоанновну съ рукъ на руки литовскимъ посламъ и самъ провелъ до возка.

Въ эту торжественную минуту, сердце державнаго вождя Россіи слилось съ своимъ преданнымъ народомъ въ одномъ чувствѣ любви и горя, при разставаніи съ дорогимъ сокровищемъ. Одна молитва, одно пожеланіе было на душѣ каждаго. Слезы, моленія, благословенія неслись отъ всей Русской земли къ престолу Вседержителя; государь и народъ просили Господа благословить дитя Россіи на святой подвигъ единенія и умиренія двухъ родственныхъ сосѣднихъ земель. Тяжело было матери отпускать дочь въ такую даль, гдѣ такъ много было людей, настроенныхъ

къ ней враждебно. Горячо молилась благочестивая гречанка, мудрыми совѣтами напутствовала дочь, благословляя на трудную жизнь. Она проводила ее до загороднаго села Дорогомилова, гдѣ онѣ провели вмѣстѣ еще два дня. Великій князь не выдержалъ, дважды навѣстилъ свою любимицу, еще разъ благословилъ, еще разъ напутствовалъ твердымъ наказомъ, чтобы она была доброй женой своему мужу и непоколебимо вѣрной дочерью православной Церкви.

Все путешествіе нашей великой княжны отъ родной границы до самой Вильны было блестящимъ торжествомъ русско-литовскаго народа, привѣтствовавшаго въ ней залогъ долговременнаго и счастливаго мира. По всей дорогѣ,—въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, — духовенство, сановники, бояре, народъ встрѣчали ее съ крестами, иконами, дарами, радуясь, что дочь отъ дома Владиміра Святаго идетъ возсѣсть на Гедиминовомъ престолѣ; надѣялись, что сиротливая, безгласная, униженная въ Литвѣ Церковь православная найдетъ въ ней свою твердую заступницу и заботливую радѣтельницу. За три версты отъ Вильны встрѣтилъ Елену Іоанновну ея державный женихъ, окруженный своимъ дворомъ, боярами и всѣми вельможными панами.

Соскочивъ съ прекраснаго, роскошно-убраннаго коня, литовскій великій князь подошелъ къ разукрашеннымъ санямъ своей прелестной невѣсты. На снѣгу разостлали красное сукно и сверхъ его камку съ золотомъ, на которую и всталъ Александръ Казимировичъ. Наша великая княжна вышла изъ саней, подала ему руку и они обмѣнялись первыми добрыми ласковыми словами *). Потомъ она снова сѣла въ сани,

*) Изъ дѣлъ польскаго двора.

онъ поѣхалъ верхомъ рядомъ съ нею, и такъ явились они передъ ликующимъ народомъ, въѣзжая въ Вильну черезъ полоцкую заставу. Имъ навстрѣчу высыпалъ весь городъ. Православные съ восторгомъ привѣтствовали единовѣрную свою княжну. Около Пречистенскаго православнаго собора высокую путешественницу встрѣтилъ съ крестомъ и святою водой настоятель Троицкаго монастыря, архимандритъ Макарій, окруженный братіею и бѣлымъ духовенствомъ. Елена Іоанновна благоговѣйно отстояла молебенъ въ родномъ храмѣ, гдѣ родные звуки церковно-славянскихъ молитвъ напоминали ей далекую родину, семью, любимый народъ, съ которымъ протекло ея беззаботное дѣтство и лучшіе годы юности.

Въ тотъ же день состоялся и обрядъ бракосочетанія. Московскіе боярыни расплели, по русскому обычаю, косу своей великой княжнѣ, надѣли русскую повязку съ длиннымъ покрываломъ, осыпали ее хмѣлемъ и повели къ державному жениху, въ костелъ Станислава, гдѣ высокіе брачущіеся стали на соболяхъ, разостланныхъ сверхъ краснаго бархата, которымъ былъ обтянутъ полъ. Обрядъ вѣнчанія совершалъ виленскій епископъ Войтѣхъ Таборъ; въ то же время духовникъ нашей великой княжны, прибывшій съ нею въ Вильну, священникъ Ѳома произносилъ положенныя по православному чину молитвы. На вопросъ епископа,—по любви ли идетъ она за князя Александра? Елена Іоанновна внятно, громко отвѣчала: «любъ ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болѣзни, кромѣ Закона. Держать мнѣ Греческій, а ему не нудить меня къ римскому».

Прошли вѣка, а голосъ русской великой княжны все такъ же ясно, умильно отдается въ сердцѣ каждой

русской православной дѣвушки. Передъ престоломъ Божіимъ, окруженная чуждыми ей иновѣрными людьми, она съ достоинствомъ призналась въ своей любви къ Богомъ назначенному ей супругу, обѣщалась быть ему безгранично-преданной до гробовой доски во всемъ, исключая вѣры родной, родного Божьяго закона. Вѣра православная выше любви человѣческой, и ею русская княжна передъ лицомъ всего міра обѣщалась ни въ какомъ случаѣ не поступиться.

Послѣ свадебнаго обряда, великій князь литовскій принималъ пословъ своего тестя и государя всея Руси. Потомъ начались безконечные веселые пиры. Народъ принималъ въ нихъ сердечное участіе. На берегахъ Виліи, въ великокняжескомъ замкѣ, нѣкогда мѣсто принадлежавшее ревностной Ядвигѣ, искренножестокой въ слѣпомъ повиновеніи римскому престолу, заняла безгранично-кроткая, добрая, ласковая, православная княжна, покорная лишь волѣ Божіей, всепрощающей и многомилостивой.

ИСТОЧНИКИ:

В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Руси.
Д. Иловайскій. Исторія Россіи, т. второй.
Ѳ. Ив. Р. Иллюстрированная народная исторія Руси.
Генрихъ Шмиттъ. Исторія польскаго народа.

МИНСКЪ

13 августа 1500 года.

КАКЪ посмотришь изъ стрѣльчатаго, высокаго окна, такъ и кажется, точь-въ-точь уголокъ святой Руси раскинулся передъ глазами. Точно родное Замоскворѣчье улыбается изъ за красавицы Вилейки. Такъ думала супруга великаго князя литовскаго Александра Казимировича, москвитянка Елена Іоанновна, державная хозяйка загороднаго дворца, въ живописной Мѣстицѣ, неподалеку отъ Вильны.

На крутомъ берегу, на обрывѣ, гдѣ среди роскошной растительности раскинутъ чудеснѣйшій садъ, возвышается великолѣпное зданіе. Европейское искусство пришло на помощь изящному вкусу нашей славной Рюриковны и воздвигло ей, въ ея второй родинѣ, красивый замокъ, сдѣлавшійся ея любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ. Внизу шумитъ, рѣзвясь и пѣнясь, быстрая Вилейка, унося далеко свои свѣтлыя воды,— туда, гдѣ бурный Нѣманъ, подхвативъ ея волны, дико уноситъ ихъ въ морскую пучину. Противоположный берегъ весь утопаетъ въ роскошной зелени полей, луговъ и перелѣсковъ.

Задумалась, заглядѣлась московская красавица на этотъ чудный видъ. Душой перенеслась въ родную, бѣлокаменную, златоглавую, отцовскую столицу.

Тяжело бѣдняжкѣ на чужой сторонѣ. Враждебно воинственно настроено противъ нея и ея родной Церкви литовское правительство. Римскіе руководители, съ всевластнымъ папой во главѣ, силятся на ней наверстать свою неудачу въ обращеніи ея матери въ католичество. Даже великій князь-супругъ, находившій спасеніе Литвы въ бракѣ съ дочерью государя всея Руси, и тотъ сталъ колебаться въ этой увѣренности, поддаваясь ихъ вліянію. А паны рады? А свекровь королева? А кардиналъ Фридрихъ, рьяный фанатикъ, братъ великаго князя? Они напрягаютъ всѣ силы, чтобы убѣдить, уговорить, даже, если придется, запугать умную. твердую въ вѣрѣ отцовъ, русскую душу Елены Іоанновны.

Давно уже удалили ея русскихъ придворныхъ людей, замѣнили мѣстными боярами—частью католиками. На горе великой княгини, скончался и митрополитъ Макарій, вѣрный ея другъ, сподвижникъ въ борьбѣ съ фанатиками-католиками.

Съ горячей проповѣдью наступало на нее, одинокую, католическое духовенство. Бернардины, францисканцы и самъ грозный епископъ Войтѣхъ, получившій отъ папы право меча надъ еретиками. Всѣ дѣйствовали единодушно, назойливо, мучительно. «Язъ, безъ воли осподаря отца, не могу то учинити», былъ твердый, хотя и кроткій отвѣтъ вѣрной дочери православной Церкви, на всѣ приставанія приспѣшниковъ Рима. Духъ ея былъ бодръ, но здоровье не выдержало. Она слегла и такъ опасно заболѣла, что пере-

пуганный супругъ отправилъ спѣшно пословъ въ Москву оповѣстить великаго тестя.

Заволновались, разогорчились православные москвичи! Закипѣла пуще прежняго въ нихъ нелюбовь народная къ сосѣдямъ недругамъ! Догадались, перетревожились царственные родители. Послали гонцовъ въ Вильну съ вопросами явными, съ строгимъ наказомъ посламъ—тайно все разузнать, развѣдать, донести всю правду-истину. Государь Іоаннъ Васильевичъ дѣйствовалъ осмотрительно. Понялъ онъ ясно причины нездоровья и, какъ православный правитель, послалъ свой строгій наказъ любимой, дорогой дочери. Онъ и его супруга писали объ одномъ и томъ же: «помнить Бога, держаться твердо греческаго закона, пострадать до крови, до смерти, но къ римскому закону не приступити». Но и безъ этихъ совѣтовъ, «не за страхъ, а за совѣсть», дочь Москвы православной непоколебимо несетъ свой тяжелый крестъ. Какъ подвижница первыхъ временъ христіанства, чарующей, кроткой улыбкой сглаживаетъ она твердость своихъ отказовъ выслушивать назойливую рѣчь жестокихъ преслѣдователей. Болѣя, страдая тѣломъ, она не переставала думать о православномъ людѣ, гонимомъ, какъ она, за свою преданность вѣрѣ отцовъ. Заботилась о ихъ нуждахъ, поддерживала словомъ и дѣломъ бѣдныхъ горемыкъ. Далеко, широко неслась молва о горячей ея помощи всѣмъ обиженнымъ, обездоленнымъ православнымъ людямъ. Отовсюду идутъ къ ней жаловаться на обиды, притѣсненія, житейскія горя и невзгоды. Князья, священники, простые смерды, всѣ стремятся къ благой матери, доброй кормилицѣ-утѣшительницѣ.

Какъ только силы ей позволили, Елена Іоанновна

переѣхала въ свой любимый Мѣстицкій дворецъ, чтобы провести въ здоровой мѣстности осенніе мѣсяцы, поближе къ великокняжеской охотѣ ея супруга. Тамъ, по обычаю, широко раскрылись гостепріимныя двери ея замка. Свято хранятся подъ кровомъ радушной державной хозяйки обычаи далекой родины, точно соблюдаются преданія Руси православной. Часто можно повстрѣчать въ раззолоченныхъ хоромахъ замка и его переходахъ скромныхъ чернецовъ и черничекъ изъ русскихъ монастырей. Приносятъ они желанныя вѣсти любимой своей благодѣтельницѣ изъ тѣхъ мѣстностей, которыя она посѣщала съ своимъ державнымъ супругомъ. Разсказываютъ княгинѣ о тѣхъ обителяхъ, которыя она щедро надѣляла изъ своей собственной казны и утварью, и священными книгами, и деньгами, и имѣніями.

Такъ и теперь литовская великая княгиня, любуясь живописнымъ видомъ, разстилавшимся передъ ея глазами, въ то же время внимательно вслушивалась въ разсказъ иноковъ, пріѣхавшихъ изъ Минской Вознесенской обители, которую посѣтила она еще въ первый годъ своего супружества. Особенно почитала великая княгиня благочестиваго ея настоятеля, преподобнаго Іова, твердаго и ревностнаго борца за православіе и русскую народность. Родомъ москвичъ, онъ обратилъ на себя вниманіе великой княгини въ самое первое время ея жизни въ Вильнѣ. Когда священникъ Ѳома отъѣхалъ въ Москву, Елена Іоанновна писала родителямъ, чтобы они не кручинились, потому что есть у ней другой духовный пастырь, что «онъ добре добръ». Онъ то, можетъ быть, по желанію самой великой княгини и былъ поставленъ настоятелемъ чтимой ею минской Вознесенской обители. Духовное общеніе служителя Божія съ высокой покро-

вительницей православія и непоколебимой защитницей гонимыхъ чадъ его паствы не прерывалось. Иноки Вознесенскаго монастыря были всегда желанными посѣтителями двора русско-литовской великой княгини. Они были раздаятелями ея щедрыхъ пожертвованій и милостыни неимущему люду, храмамъ, монастырямъ. И Вознесенскую обитель наградила Елена Іоанновна недвижимымъ имѣніемъ Тростеницы со всѣми землями и службами. Волю свою она записала въ напрестольномъ серебряномъ Евангеліи, существовавшемъ еще въ XVII вѣкѣ, но потомъ, Богъ вѣсть, куда исчезнувшемъ.

Тихошенько усѣлись смиренные гости около своей благодѣтельницы. Оживленно передавали они ей безыскусственную свою повѣсть. Они принесли отрадную, благую вѣсть и въ сердечныхъ выраженіяхъ разсказывали, какъ ихъ родной Минскъ былъ утѣшенъ великимъ чудомъ, явленнымъ на водахъ скромной Свислочи.

— «Подъ вечеръ 13 августа, великая и милостивая наша государыня, весь городъ огласили радостные крики. Они неслись отъ твоего княжескаго замка *). Дворская прислуга», продолжали говорить монахи: «толпилась на крутомъ берегу, собираясь идти купаться въ прозрачныхъ водахъ любимой рѣчки, послѣ томительно-жаркаго, трудового дня. Съ ними шли и обездоленные горемыки, бѣжавшіе изъ Кіева. Матерь городовъ русскихъ была снова испепелена страшнымъ набѣгомъ Менгли-Гирея, непримиримаго врага Литвы и Польши, вѣрнаго союзника Москвы. Разбѣжались

*) На обрывѣ, надъ Свислочью, стояло древнее зданіе, жилище удѣльныхъ минскихъ князей. Въ немъ живала и великая княгиня съ своимъ супругомъ, когда они объѣзжали русскія земли.

разогнанные жители. Укрывались на пути, гдѣ кто могъ, наконецъ добрались и до Минска. Тутъ, конечно, нашли пристанище подъ твоимъ, государыня, благодѣтельнымъ кровомъ». Елена Іоанновна отрадно улыбнулась, заботливо освѣдомляясь, ласково ли обходится съ бѣглецами ея старая домоправительница, вывезенная ею изъ Москвы.—«Предобрая она, будь покойна, княгиня наша свѣтлая. Такая болѣзная, заботливая, что и сказать не можно. Бѣглецы, гдѣ и сойдутся, все твердятъ:—Спаси Господи, помилуй, Матерь Божія, нашу милостивицу. Приголубила горемыкъ! Точно на родной сторонушкѣ, точно дома, живется подъ ея крыломъ! Такъ докладывали наперебой иноки. По лицу великой княгини пробѣжала улыбка довольства своей правительницей.—«Ну, ну, продолжайте свой разсказъ!» подбодряла она иноковъ.—«Такъ вотъ, милостивица наша, пошли они къ рѣчкѣ, покупаться. Одинъ-то молодой дѣтина, стоя на откосѣ, съ подавленнымъ вздохомъ, и говоритъ: «А меня все домой тянетъ—на широкій, привольный Днѣпръ».—«Свислочь—не чета Днѣпру: такая-то ужъ узенькая», грустно вторили сверстники, поворачиваясь къ рѣкѣ.—«Ну, ну, не обижайте мою рѣченьку, молодыя вы головушки!» ласково ворчала домоправительница. «Глядите, какая она у насъ прозрачная да веселая. Ея мягкія воды васъ славно приласкаютъ, отмоютъ ваши скорби—напасти, душу оживятъ». Съ этими словами добрая москвичка повернула свои старѣющіе кроткіе глазки на любимыя струи.—«Гляньте, дѣтки! что тамъ блеститъ? точно мѣсяцъ ясный спустился до воды», всплеснувъ руками, вскрикнула старушка. Толпа остолбенѣла. Съ рѣки поднимались въ темную высь свѣтлые, пріятные лучи, разливая вокругъ

мягкое сіяніе. Закрестились православные. Бѣгомъ спустились съ обрыва. Кое-кто бросился назадъ, въ замокъ, сзывая товарищей,—главное же дѣло—побѣжали за замковымъ батюшкой». Общій наставникъ, другъ, учитель, онъ былъ, дѣйствительно, очень любимъ своей паствой.—«Да и я его очень уважаю и чту», вставила великая княгиня, и, конечно, вы хорошо сдѣлали, что послали за нимъ».—«Заторопился Божій слуга, поспѣшилъ со всѣми, на зовъ своихъ духовныхъ чадъ. И матушка его и дѣтки послѣдовали за нимъ. На берегу толпа все прибывала, горожане дивились, крестились. Всѣ стояли въ благоговѣйномъ недоумѣніи. По распоряженію священника, спустили лодку, два молодца взялись за весла. Онъ самъ, крестясь, послѣдовалъ за ними. Осторожно двигаясь, подошли они къ сіянію. Лучи поднимались отъ свѣтлой доски, точно стоявшей надъ водою. Отъ нея-то и лился тотъ мягкій, восхитительный свѣтъ, который увидѣли съ берега. Батюшка нагнулся: блестящій предметъ, дѣйствительно, оказался доской локтей около пяти высоты *), и одного локтя и девяти цалей **) ширины. На ней былъ прекрасно написанъ чудный ликъ Пречистой Дѣвы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. Въ умиленіи опустился смиренный служитель алтаря Господня на колѣни, крестясь, твердя молитву, испрашивая соизволенія свыше поднять святыню изъ воды. Спутники благоговѣйно помогали ему, и къ берегу пристала лодка съ образомъ, окруженная свѣтлымъ сіяніемъ».

---

*) Локоть,—древне-польская мѣра длины,—соотвѣтствуетъ приблизительно футу.

**) Цаль,—часть локтя,—около дюйма.

«Смиренно опустились мы всѣ на колѣни, растроганные, умиленные, повторяя за батюшкой, со слезами умиленія: «Откуда намъ сіе, да пріиде Матерь Господа нашего къ намъ, въ нашъ скромный градъ»? Молились мы, крестились, плакали. Впереди всѣхъ стояли обездоленные, призрѣнные тобою, государыня, бѣглецы изъ Кіева. Увидя ликъ Пречистой, они вскрикнули, повалились ницъ и заговорили: «Матушка наша пришла! Родная смиловалась, посѣтила своихъ горемыкъ»!.. Толпа озиралась на гостей, изумляясь и окончательно ничего не понимая. Тогда изъ среды кіевлянъ поднялся съ колѣнъ древній, сгорбленный старикъ. Всѣ посторонились. Пришлые плакали, глазъ не спуская съ образа, твердя слова пламенной молитвы. Минчуки благоговѣйно созерцали чудо, совершившееся на ихъ глазахъ».

«Какъ лунь, блестѣла сѣдая голова кіевлянина. На макушкѣ торчалъ малороссійскій чубъ. Онъ былъ подпоясанъ ремнемъ по бѣлой рубашкѣ, которая была очень опрятна. Руки, ноги свидѣтельствовали о постоянной тяжелой работѣ,—на нихъ виднѣлись заживавшія раны. Сквозь слезы, съ остановками, крестясь, началъ онъ, обращаясь къ батюшкѣ, свою чудную повѣсть. «Старъ я теперь, святой отче, но помню отъ родителей,—они же передавали сказы дѣдовъ да прадѣдовъ,—о томъ, какъ благовѣрный святой нашъ князь Владиміръ—Красное Солнышко—привезъ съ собою, изъ Корсуня, много святыни христіанской, когда вернулся въ стольный Кіевъ, крестить нашихъ предковъ. Воздвигъ онъ Десятинный храмъ, украсилъ его привезенными сокровищами, и вотъ—главнѣйшею изъ нихъ считалась сія пресвятая икона. Достовѣрно извѣстно, что писана она самимъ Еван-

гелистомъ Лукою. Такъ вѣдомо было кіевлянамъ. Такъ записано иноками, на листахъ лѣтописи народной. Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ прибѣгалъ славный русскій народъ съ горячей молитвой, твердой вѣрой, къ чудотворному образу Царицы Небесной. Хранила Она, Всемилостивая, стольный городъ, матерь городовъ русскихъ, и не допускала до Себя святотатственныхъ грабителей. Да, видно, ужъ совсѣмъ Ее, нашу Покровительницу, преогорчили мы, недостойные! Прогнѣвалась на насъ Мать—Пресвятая Богородица! Попустила злого хищника, татарскаго хана, опустошить родной Кіевъ, чуть не стереть его съ лица земли. Разграбилъ онъ, разрушилъ нашу родную столицу, испепелилъ жилища, а, главное, храмы всѣ разграбилъ». Тутъ разскащикъ отъ слезъ не могъ дальше говорить. Княгиня горько плакала. Ей было особенно тяжело: Менгли-Гирей, другъ ея отца, нападалъ на владѣнія ея мужа всякій разъ, когда требовалъ этого Іоаннъ Васильевичъ, желая припугнуть зятя, отстранить притѣсненія, чинимыя имъ православію, въ лицѣ великой княгини и многочисленныхъ русскихъ подданныхъ Литвы.

Твердая, какъ кремень въ вѣрѣ родной, она искренно страдала отъ вражды отца и мужа, любимыхъ, близкихъ ея сердцу. Погромъ Кіева болѣзненно отозвался и въ сердцѣ и въ душѣ бѣдной женщины. Горячія слезы такъ и лились по блѣднымъ, исхудалымъ послѣ перенесенной болѣзни щекамъ. Ни ея кротость, ни ея твердость, ни ея умъ, ни любовь не могли примирить непримиримое! Силъ не было обуздать католическую жестокость, оградить отъ нея православныхъ страдальцевъ. Ихъ судьба была родная ей. Все, что совершалось въ православномъ мірѣ, за-

нимало и умъ и душу русской княгини. Сквозь слезы потребовала она продолженія взволновавшаго ее разсказа.

Минскъ, съ его замкомъ, высокій берегъ маленькой Свислочи, ея тихія воды, лѣсистые берега оставили хорошее въ ней воспоминаніе. Любила она этотъ удѣльный русскій городокъ, собственность горемычной Рогнѣды. Онъ лежалъ по пути къ ея родинѣ, все же—поближе къ незабвенной Москвѣ. И теперь, съ бьющимся сердцемъ, перекрестясь, приготовилась она слушать животрепещущій разсказъ. Безыскусственная, сердечная рѣчь иноковъ текла прямо въ ея взволнованную душу. Монахъ отеръ слезы, передохнулъ и продолжалъ.—Старику тяжело было даже говорить,—видимо, воспоминаніе было ему мучительно. Душа страдала. Духъ заняло. Добрая дочь батюшки догадалась дать ему испить холодной воды. Онъ отдышался, вытеръ рукавомъ мокрое отъ слезъ лицо и принялся передавать потрясающія подробности».—Кругомъ раздавался горькій плачъ. Старикъ весь трясся отъ волненія. «Самъ я вотъ этими старыми моими глазами все видѣлъ, только двинуться-то не могъ, безсиленъ былъ. Повалили меня они, лютые грабители, руки ноги накрѣпко связали,—кровь такъ и сочилась. Но видѣть-то я, однако же, все видѣлъ: какъ хищники вынесли изъ церкви нашу святыню, стали срывать съ нея камни многоцѣнные, отодрали ризу золотую, тяжелую, потомъ потащили нашу Матушку—Царицу Небесную—къ Днѣпру да и бросили ее въ пучину. Рвался я, кричалъ. Мой слабый голосъ не слышенъ былъ въ страшномъ шумѣ. Некому было и слышать. Ползъ я къ рѣкѣ, натужился, сколько силушки было. Да попалъ подъ ноги конницы. Мертвъ бы былъ, да внучата выволокли. И сюда добравшись,

здѣсь все вздыхалъ да маялся, горюя о своей святынѣ, объ иконѣ родной»! «и старикъ повалился на землю передъ чудотворнымъ Ликомъ. Ласково глядѣли на него съ иконы чудныя очи Предвѣчнаго Младенца. Спаситель міра благословлялъ своего плачущаго раба, поднималъ, оживлялъ, укрѣплялъ съ вѣрою прибѣгавшаго къ Нему».

Описать восторгъ благодушныхъ набожныхъ минчуковъ—невозможно. Каждому хотѣлось хоть прикоснуться, хоть подержать святыню, которую съ законною гордостью они уже считали своею. Владычицѣ угодно было появиться въ волнахъ ихъ родной рѣчки. Издалека плыла Ея святая икона. По Днѣпру поднялась она, вверхъ по теченію. Изъ Днѣпра переплыла въ Березину, поднялась до Свислочи, а по ней до обрыва, на которомъ возвышался древній замокъ, гдѣ былъ столъ удѣльныхъ минскихъ князей—Мономаховичей. При пѣніи молитвъ, въ предшествіи любимаго батюшки, понесли жители Минска явленную имъ святыню въ замковую церковь. Не запирались двери храма Божьяго отъ наплыва желавшихъ молиться передъ чуднымъ образомъ. Духовенство провѣрило разсказъ старика. Удостовѣрились, что это именно и есть кіевская святыня, всѣми чтимая, какъ писанная самимъ Евангелистомъ Лукою и принесенная изъ Корсуни благовѣрнымъ Равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ, въ 988 г. Всѣ единодушно постановили праздновать тотъ день, когда совершилось чудесное явленіе святой иконы на водахъ Свислочи, т. е. 13-го августа. И такъ какъ Заступница міра—Сама чуднѣйшимъ образомъ восхотѣла избрать Минскъ мѣстомъ пребыванія Ея святаго лика, то и присвоили иконѣ наименованіе «Минскія». Къ великой же княгинѣ

литовской, Еленѣ Іоанновнѣ преподобный Іовъ отправилъ изъ числа иноковъ Вознесенской обители извѣстныхъ ей старцевъ—подѣлиться съ нею великимъ счастьемъ, выпавшимъ на долю любимаго ею города и ея замковой церкви.

ИСТОЧНИКИ:

Труды девятаго археологическаго съѣзда въ Вильнѣ. 1893 г. Т. II.

Е. Церетели. Елена Іоанновна, великая княгиня литовско-русская, королева Польши.

Свящ. Павелъ Афонскій. Православныя святыни г. Минска.

Архимандритъ Николай. Историко - статистическое описаніе минской епархіи.

Православная польская королева Елена Іоанновна.

На прусской границѣ, въ Торунѣ стоялъ въ іюнѣ 1501 г. польскій король Янъ Альбрехтъ съ войскомъ и тяжелыми орудіями, дожидаясь послѣднихъ подкрѣпленій, чтобы вооруженною рукою заставить магистра тевтонскаго ордена подчиниться своимъ законнымъ требованіямъ и принести должную присягу въ вѣрности польскому королю.

Прошли времена могущества гордыхъ крыжаковъ. Они уже не въ силахъ предписывать законы своимъ восточнымъ сосѣдямъ! Новгородъ и Псковъ стоятъ подъ защитой самодержавнаго московскаго государя. Литва сильна особенно своими русскими землями и дѣйствуетъ самостоятельно. Польша уже со временъ Казимира считаетъ Орденъ себѣ подручнымъ, подчиненнымъ. Непослушаніе магистра Фридриха обозлило поляковъ. Янъ Альбрехтъ дошелъ до Торуна, чтобы принудить къ присягѣ своего вассала*), силой оружія наказать за ослушаніе. Всѣ ждали нетерпѣливо кровавой расправы. И вдругъ пронесся по городу слухъ,

*) Подручнаго князя.

что король сильно заболѣлъ, что ему становится все хуже и хуже. Вмѣсто войскъ, по дорогѣ изъ Кракова спѣшатъ къ королю—гнѣзненскій архіепископъ, кардиналъ Фридрихъ, за нимъ вдовствующая престарѣлая королева-мать. Собираютъ докторовъ, лѣчатъ, молятся, плачутъ. Напрасно! Все кончено. На рукахъ своихъ близкихъ скончался польскій король. Заунывный ударъ съ костельной колокольни разнесъ печальную вѣсть. Плакали въ воздухѣ заунывные звуки. Заплакалъ и народъ вмѣстѣ съ престарѣлой королевой. Всѣмъ было понятно, что эта смерть принесетъ много тревогъ, заботъ, волненій государству. Янъ Альбрехтъ былъ еще молодъ, умиралъ бездѣтнымъ. Наслѣдниками польской короны дѣлались его братья. Котораго выбрать? На чью голову возложить корону Пястовъ? Кому довѣрить тяжелое бремя? Среди этихъ тревожныхъ думъ да пререканій спѣшно перевезли останки покойнаго въ Краковъ, и сейчасъ стали собираться на сеймики, чтобы совѣщаться и подготовлять выборы короля.

На польскій королевскій престолъ имѣли право три брата умершаго Яна Альбрехта. Малополяне, подъ вліяніемъ короннаго маршала, были за чешско-венгерскаго короля Владислава. Другіе указывали на глоговскаго правителя Сигизмунда. Третьи, вслушиваясь въ доводы литовскихъ пословъ, стояли горой за ихъ великаго князя Александра. Сеймъ собрался въ Петроковѣ. Партія Владислава оказалась всѣхъ слабѣе. За Сигизмунда была любовь народная. За Александра—прямо расчетъ. Дѣло въ томъ, что на востокѣ, сбросивъ узы вѣкового татарскаго ига, московская держава росла съ угрожающей быстротой. Православіе господствовало покойно, неколеблемое

никакими лжеученіями. Подъ его святой хоругвью поднималась все выше, все упорнѣе безпредѣльная—русская сила. Ну, если къ ней примкнетъ, болѣе чѣмъ на половину, православная Литва? Это уже былъ не призракъ, не игра излишняго болѣзненнаго воображенія, а возможная дѣйствительность. Католическое духовенство сознательно остановило свой выборъ на литовскомъ великомъ князѣ, потому что все еще не теряло надежды добиться черезъ него какого-нибудь вліянія на его тестя, московскаго государя. Духовенство нашло себѣ поддержку и въ магнатахъ, возлагавшихъ, въ личныхъ расчетахъ, очень большія политическія надежды на Александра Казимировича, зятя великаго князя Іоанна Васильевича. Такимъ образомъ, съ общаго согласія, выборъ Александра сдѣлался вполнѣ желательнымъ.

Враждебно смотрѣли только епископъ Фридрихъ да вдовствующая королева—мать, Елисавета. Они не могли помириться съ мыслію о коронованіи схизматички.

И совершенно напрасно! Православная Елена Іоанновна сама не думала о коронованіи по католическому обряду. Любя искренно своего мужа, она вдумчиво, мудро занималась церковными дѣлами его православныхъ подданныхъ. Въ то время, въ юго-западныхъ русскихъ земляхъ, еще слитыхъ съ Литвою, была уже отдѣльная митрополія. Она обнимала—Кіевъ, Вильну, Новогрудокъ, Слуцкъ, Городню, Минскъ, Галичъ, Холмщину, Подолье, Львовъ, вмѣстѣ съ ихъ округами. Кромѣ того въ Перемышлѣ, Полоцкѣ, Пинскѣ, Луцкѣ, Туровѣ были тоже православные архіереи, ихъ звали владыками, въ отличіе отъ католическихъ бискуповъ (епископовъ). Епархіи были бѣдныя, въ храмахъ утварь и облаченія убогія, часто деревянныя чаши и лжицы.

Въ книгахъ церковныхъ ощущался полнѣйшій недостатокъ. Православнымъ чинились явныя притѣсненія, обиды отъ враждебныхъ богатыхъ латынянъ.

Было о чемъ подумать и позаботиться мудрой дочери московскаго царя! Отправивъ въ ноябрѣ 1501 г. любимаго супруга въ Краковъ для коронованія, сама Елена Іоанновна отъѣхала въ Минскъ, поклониться вновь явленной иконѣ Божіей Матери. Тамъ, въ Вознесенской обители подвизался преподобный Іона, ея лучшій совѣтникъ и руководитель въ дѣлахъ благотворенія. Много жертвовала великая княгиня литовская на православные монастыри и изъ своей казны и изъ земель, которыя дарилъ ей ея царственный супругъ. Москва присылала священную утварь и книги церковныя. Тогда еще не была основана типографія въ Острогѣ на средства князя Константина Острожскаго. Иждивеніемъ этого ревнителя православія Библія была издана лишь въ 1581 году. Приходилось за всѣмъ посылать въ Москву, просить, разъяснять. Примѣру Елены Іоанновны охотно слѣдовали духовенство, князья, богатые вельможи. Князь Александръ Ивановичъ Ходкевичъ и владыка Солтанъ въ 1533 году основали супрасльскій монастырь, въ живописнѣйшей мѣстности *). Съ согласія самого Александра Казимировича, они не только щедро его обезпечили, но и постоянно, много жертвовали. Кіевскій воевода Димитрій Путятичъ, умирая, все свое огромное состояніе завѣщалъ православнымъ святы-

*) Въ двухъ миляхъ отъ Бѣлостока. Въ Супрасльскомъ монастырѣ была найдена въ 1825 году знаменитая славянская рукопись XI вѣка, содержащая въ себѣ житія святыхъ, празднуемыхъ въ мартѣ, слова Іоанна Златоуста, Фотія, св. Епифанія и Василія Кесарійскаго. По имени монастыря, эта древняя драгоцѣнная рукопись названа Супрасльскою.

нямъ. Имена виленскаго Свято-Троицкаго и минскаго Вознесенскаго монастырей были первыми въ спискѣ. При утвержденіи духовной, присутствовали охмистръ и канцлеръ великой княгини. Богушъ Боговитиновичъ сдѣлалъ богатый вкладъ въ Коложскій Борисоглѣбскій монастырь въ Гроднѣ.

Только въ февралѣ слѣдующаго 1502 г. Елена Іоанновна нашла своевременнымъ навѣстить своего царственнаго супруга. Она поѣхала въ Краковъ, окруженная блестящимъ многочисленнымъ дворомъ и православнымъ духовенствомъ. Предупрежденный объ этой радости, любящій король выѣхалъ далеко за городъ на встрѣчу дорогой гостьѣ. Безчисленныя толпы народа окружали своего государя и восторженными криками «виватъ, наша королева!» привѣтствовали дочь православной Руси. Пріемъ былъ сердечный, торжественный. Въ лицѣ Елены Іоанновны ликующіе поляки отдавали дань уваженія любящей, преданной женѣ, мудрой правительницѣ, вѣрной, твердой христіанкѣ. Искренностью встрѣчи жители Кракова доказали, что умъ народный, и безъ формальности коронованія, умѣетъ признавать дѣйствительное превосходство тѣхъ, кто своимъ духовнымъ и нравственнымъ совершенствомъ владычествуетъ надъ обыкновенной средой.

Въ сопровожденіи короля Александра, народа, блестящаго двора, въѣхала великая княгиня литовская и королева польская въ столицу своего государства. Въ Краковѣ былъ уже великолѣпный храмъ *), воз-

*) Соборъ этотъ, обращенный впослѣдствіи, конечно, въ католическій костелъ, стоитъ на Вавелѣ въ Краковѣ. Недруги восточнаго обряда и православія хотѣли скрыть отъ потомства всѣ слѣды того, что на польскомъ престолѣ сидѣли православныя королевы, и что въ польскомъ

двигнутый еще во времена Ягайла, его четвертой супругой, кіевской княжной Софіей Андреевной. Съ отраднымъ чувствомъ преклонила колѣни благочестивая дочь московскаго государя передъ родной святыней, окруженная своими единовѣрными подданными и придворнымъ штатомъ,—конечно, католическимъ. Такъ, на глазахъ всей Польши, передъ лицомъ Европы, отстояла свое право свободнаго исповѣданія родного православія польская королева, Елена Іоанновна. Король Александръ осыпалъ любимую супругу дарами и почестями. Въ честь ея устраивались пиры, турниры, чествовали вельможъ и ученыя сословія. Елена Іоанновна принимала во всемъ искреннее участіе, но сама была очень озабочена. Вдумчивая, сообразительная, она не могла не напоминать мужу, что гораздо большаго его вниманія требовали политическія событія. Подчиняясь ея совѣтамъ, онъ бросилъ пышный и веселый Краковъ и вернулся въ Вильну. По дорогѣ державные супруги объѣхали всю Польшу, возбуждая народъ поддерживать Литву, когда снова придетъ необходимость защищаться противъ напора русскихъ силъ. Вѣсти же съ востока были положительно угрожающія. Счастье, видимо, улыбалось Москвѣ. Московская рать разбила войска союзника Александрова, магистра ливонскаго ордена меченосцевъ, Вальтера-фонъ-Плеттенберга. Великій магистръ прусскаго или тевтонскаго ордена крыжаковъ писалъ

кремлѣ совершалось нѣкогда православное богослуженіе и раздавались чудные восточнаго напѣва на церковно-славянскомъ языкѣ. Стѣны этого собора, росписанныя фресками, были тщательно заштукатурены. Черезъ много вѣковъ (въ концѣ XIX вѣка), когда все уже было забыто, вдругъ обвалилась случайно штукатурка, и опять увидѣли свѣтъ Божій наши православныя иконы, написанныя на стѣнахъ храма.

папѣ, что ливонскій магистръ не въ силахъ бороться съ Москвою, а отъ сосѣдей плохая ему помощь. Въ то же время другъ Іоанна—Менгли-Гирей—совершенно покончилъ съ степною ордою Шигъ-Ахмата, часто помогавшаго Литвѣ. Русскія войска, взявъ Оршу, шли на Полоцкъ. Приходилось волей-неволей поднимать вопросъ хотя бы о перемиріи.

Надо отдать справедливость полякамъ: находчиво, хитро взялись за дѣло паны—рада. Ихъ союзники, друзья, послы венгерскаго короля, по ихъ просьбѣ, очень восхваляли при московскомъ дворѣ молодую королеву Елену Іоанновну, краснорѣчиво разсказывая о почестяхъ и поклоненіяхъ, которыми окружали ее въ Краковѣ. Пускали въ ходъ увѣщанія о необходимости союза христіанскихъ государствъ противъ возростающаго могущества магометанства. Все напрасно! Ничѣмъ нельзя было подкупить мудраго Іоанна.—«Мы съ Божіей помощью и волей, какъ напередъ того, за христіанство противу поганства стояли, такъ и нынѣ стоимъ и будемъ стоять». Былъ его гордый отвѣтъ.

Да и, дѣйствительно, не приходилось говорить трескучія фразы о борьбѣ съ варварствомъ въ странѣ, которая безъ словъ, на дѣлѣ, заслоняла собою, въ продолженіе двухъ вѣковъ, всю Европу отъ татарскаго владычества. Какъ ни туго приходилось Польшѣ, надо было поступиться, хотя бы то временно, отнятымъ добромъ. «Вся русская земля Божіей волею изъ старины, отъ нашихъ предковъ и прародителей, наша отчина», повторяли бояре Іоанновы. Не бороться же противъ правды? А не соглашаться и продолжать распрю также нельзя. Если не остановить такъ или иначе побѣдоноснаго напора русскихъ, тогда, пожа-

луй, не одной Литвѣ, но и самой Польшѣ будетъ худо. Такъ и чувствовалось, что государству грозитъ полное распаденіе. Склонили буйныя свои головы строптивые магнаты. Съ кардиналомъ Фридрихомъ во главѣ, пошли они на поклонъ къ схизматичкѣ молить православную польскую королеву—заступиться за своихъ бѣдствовавшихъ подданныхъ передъ могущественнымъ, побѣдоноснымъ родителемъ.

Письмо къ Еленѣ Іоанновнѣ было писано отъ лица кардинала Фридриха, архіепископа гнѣзненскаго, и отъ прочихъ епископовъ королевства. Въ немъ излагалась просьба о посредничествѣ передъ ея грознымъ отцомъ. Какъ видно изъ помѣтки на отвѣтѣ, королева писала имъ, изъ Минска, 28 іюля. Она прекрасно, въ изысканныхъ выраженіяхъ, по-польски, обѣщала очень охотно приняться за дѣло близкое ея сердцу, какъ только получитъ на то разрѣшеніе отъ короля, своего супруга. И сердце и умъ Елены Іоанновны водили ея рукою. Видимо, она съ молитвою о помощи и вразумленіи прибѣгала къ благой Заступницѣ и Руководительницѣ всѣхъ, въ нуждахъ сущихъ. Король Александръ былъ очень доволенъ, очень тронутъ рѣшеніемъ своей супруги писать отцу и спѣшно сообщилъ объ этомъ братьямъ. Письмо польской королевы къ родителю начинается оффиціально съ титула «Государю и отцу моему Ивану, Божіею милостью, Государю всея Руси и великому князю Володимерскому, Московскому, Новгородскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Болгарскому и иныхъ, Олена, Божіею милостью, королева Польская и великая княгиня Литовская, Русская, Прусская, Жемотцкая (Жмудская) и иныхъ, дочь твоя тебѣ, государю и отцу своему, челомъ бьетъ». О вѣчномъ примиреніи, дружбѣ, согласіи между от-

цомъ и мужемъ просила она. Сердечно, умно, обстоятельно разъясняла свои мысли, указывая на свои страданія и на общее несчастіе отъ ихъ вражды; все благополучіе—крѣпость союза въ любви. Мать и братьевъ, каждаго изъ нихъ молила королева печаловаться передъ отцомъ о примиреніи его съ зятемъ, польскимъ королемъ. Кромѣ писемъ она послала въ Москву своихъ вельможъ Войтѣха Яновича Клочко и канцлера Ивана Семеновича Сапѣгу, поручивъ имъ держать рѣчи и лично хлопотать объ общемъ дѣлѣ. Взвѣсивъ всѣ доводы, Іоаннъ Васильевичъ порѣшилъ заключить шестилѣтнее перемиріе съ Литвою. Самъ предписалъ условія,—они, дѣйствительно, были прежестокія. Только о благѣ государства, о своихъ единовѣрныхъ сосѣдяхъ думалъ, печалился владыка восточной Руси. Только о непоколебимой твердости въ вѣрѣ отцовъ польской королевы заботился великій князь московскій. Казалось даже, что онъ былъ равнодушенъ къ трудности ея положенія, къ ея нравственнымъ страданіямъ, хотя и послалъ ей пребогатые дары, выполнилъ всѣ ея порученія.

Неохотно подписывался Александръ Казимировичъ подъ условіями тестя. Тяжело было разставаться, хотя бы и на время, съ землями, когда то завоеванными его предками. Но судьба рѣшительно его преслѣдовала. За все время, пока тянулись мучительные переговоры, польскій сенатъ изъ рукъ вонъ плохо распоряжался дѣлами ввѣренной ему страны. Подати не взыскивались, жалованье войскамъ не выплачивалось, набѣги татаръ оставались безнаказанными. Повсюду свирѣпствовали разбои, народъ волновался, призывалъ на помощь своего короля.

При первой возможности, онъ поспѣшилъ на этотъ

зовъ вмѣстѣ съ своею супругою. Два года подъ рядъ жилъ въ Краковѣ, не покладая рукъ, трудился на благо государства, выказалъ большую твердость характера и добрую волю.

Опираясь на совѣты своего лучшаго друга, королевы Елены Іоанновны, онъ понемногу все успокаивалъ. Затихли разбои. Переловили, перевѣшали пановъ и даже двухъ женщинъ, принимавшихъ участіе въ грабежахъ. Былъ созванъ сеймъ, чтобы уладить денежныя затрудненія. За то въ Литвѣ стали подниматься смуты среди правящаго класса. Вельможные паны враждовали другъ съ другомъ; народились партіи. Во главѣ одной стоялъ другъ короля-князь Глинскій, русскій по происхожденію, католикъ по вѣрѣ. Онъ не былъ любимъ ни королевой, ни русскими людьми—они ему не довѣряли. Католики же его ненавидѣли за близость къ королю Александру, который, дѣйствительно, взялъ его сторону и наказалъ враговъ. Борьба мужа съ магнатами была понятна королевѣ. Воспитанная въ самодержавной Москвѣ, она поддерживала попытки короля освободиться изъ подъ опеки пановъ рады. Къ несчастью, времени на это уже не достало. На съѣздѣ въ Радомѣ, съ ея супругомъ сдѣлался нервный ударъ.

Оправившись, онъ спѣшно вернулся въ Польшу, потому что въ Украину вторгнулись шайки Менгли-Гирея; опустошая все огнемъ и мечемъ, они увели въ плѣнъ 100,000 жителей. Паны, сенаторы, собираясь на сеймики, шумѣли противъ Глинскаго и короля, а когда врагъ вторгнулся въ ихъ родную землю, бросились за Нѣманъ съ отчаянными криками: «татары»! Въ это время королевская чета была въ Краковѣ и отдавала послѣдній долгъ почтенія усопшей королевѣ-матери,

присутствуя на ея похоронахъ. Въ маѣ 1506 г. оба вернулись въ Вильну, но Александръ Казимировичъ былъ уже совсѣмъ боленъ. Доктора смѣнялись у его изголовья, подыскивая средства облегчить страданія. Королева не отходила отъ страдальца. Вдругъ, въ іюлѣ, пронеслась вѣсть, что приближаются сыновья Менгли-Гирея съ своими полчищами. Король издалъ указъ о посполитомъ рушеніи *). Паны же все ссорились, оттого и вооруженіе шло медленно. Требовали присутствія короля! А онъ лежалъ больной. Наша Елена Іоанновна не растерялась. Съ помощью вѣрнаго пана Ласкаго, она подняла своего дорогого мужа на ноги и, въ сопровожденіи епископа Войтѣха Табора, окруженная свитой, преодолѣвая всѣ препятствія и трудности, двинулась съ нимъ къ сборному пункту, въ Лиду.

Тамъ былъ великокняжескій замокъ, построенный еще Гедиминомъ въ 1223 г. Окруженный крѣпкими стѣнами, онъ представлялъ надежное мѣсто для временнаго пребыванія въ немъ короля. Въ одной изъ башенъ, въ верхнемъ этажѣ, находилась зала и внутренніе удобные покои, гдѣ помѣстились державные супруги.

Тамъ протекли послѣдніе дни жизни короля польскаго, великаго князя литовскаго. Онъ страдалъ, волновался, томился и тѣломъ и душой на рукахъ своего лучшаго друга, вѣрнаго, мудраго совѣтника, любящей жены, нашей русской великой княгини. Сколько ей пришлось бѣдной пережить среди этихъ чуждыхъ, враждебныхъ ей людей, не умѣвшихъ быть честными сынами родины, вѣрными подданными своего государя! Всю душу положила она въ сердечный уходъ

*) Поголовное ополченіе.

за умирающимъ, весь умъ въ необходимыя распоряженія для блага подданныхъ и для воздѣйствія на пановъ. Наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, ей удалось пристыдить крамольниковъ. Собрали они нѣсколько полковъ и, отогнавъ передовыя шайки, принесли на пикахъ головы разбитыхъ враговъ.

Ополченіе стало формироваться. Паны стихли, вооружались. Королю становилось все хуже, хотя сознаніе не покидало его. Елена Іоанновна посовѣтовала ему пріобщиться Святыхъ Таинъ (наша русская православная черта). Умирающій пожелалъ составить духовное завѣщаніе, по которому передавалъ все своему брату Сигизмунду, настойчиво-торжественно поручая ему пещись о польской королевѣ, стоявшей въ ту минуту во всеоружіи жены, сердечно ухаживавшей за больнымъ мужемъ, правительницы, мужественно и твердо державшей въ рукахъ кормило правленія. Ея цѣль была достигнута: умирающій супругъ, какъ вѣрный сынъ христіанской церкви, былъ напутствованъ къ переходу въ вѣчность. Собранное ея стараніями, народное ополченіе стояло, готовое ринуться на невѣрныхъ за церковь Христову, за землю родную! Глинскій двинулся съ войскомъ бить враговъ. Елена Іоанновна поняла, что безцѣльно, даже опасно оставаться королю въ замкѣ. Неожиданно могла налетѣть шальная шайка, а польскаго войска уже нѣтъ,—ушло въ походъ. Она рѣшила вернуться съ супругомъ въ Вильну. Устроили для него нѣчто въ родѣ носилокъ, которыя укрѣпили между двумя лошадьми; на каждой сидѣлъ верхомъ панъ изъ королевской свиты, стараясь уравнивать шагъ лошадей. Елена Іоанновна всю дорогу ѣхала рядомъ. Медленно, осторожно двигалось печальное шествіе и, наконецъ, достигло Вильны.

Царственнаго больного уложили въ его покояхъ, въ нижнемъ замкѣ. Онъ уже лишился языка, но былъ въ сознаніи и съ горячей любовью не спускалъ своихъ благодарныхъ глазъ съ нѣжно-преданной своей супруги. Князь Михаилъ Глинскій сдержалъ слово на этотъ разъ, оправдалъ довѣріе королевы, исполнилъ возложенное ею на него порученіе! Подъ Клецкомъ онъ одержалъ блестящую побѣду. Татары бѣжали, побросавъ обозъ, всю только что награбленную добычу и всѣхъ плѣнныхъ. Извѣстіе о побѣдѣ своевременно долетѣло до Вильны, и застало короля еще въ живыхъ. Онъ понялъ радостную вѣсть. Жалъ руку жены, брата и знаками выражалъ свою благодарность Богу.

Въ ночь на 20 августа 1506 г. его не стало. Онъ затихъ, упокоился вѣчнымъ сномъ, на рукахъ своей дорогой, любимой и любящей королевы.

«Если Литва и Польша могутъ помянуть Елену Іоанновну добрымъ словомъ, за ея горячее стремленіе успокоить разоренный войною край, если память о великой княгинѣ должна быть безконечно дорога и священна православнымъ людямъ Западной Руси, то Москва, въ свою очередь, можетъ гордиться тѣмъ, что умѣла создавать народный идеалъ и внушать его выроставшимъ на ея нивѣ людямъ».

Такими словами кончаетъ свой симпатичный трудъ о русской великой княгинѣ, православной польской королевѣ, русская женщина—историкъ Е. Церетели.

ИСТОЧНИКИ:

Архіепископъ Макарій. Исторія Русской Церкви, т. IX.
Труды IX-го Археологическаго съѣзда въ Вильнѣ, 1893 года, т. II.
Е. Церетели. Елена Іоанновна, великая княгиня литовско-русская, коро-ева Польши.

Не урокъ, а былъ.

КОРОЛЬ польскій, великій князь литовскій, Сигизмундъ думалъ, что можетъ ознаменовать свое вступленіе на престолъ войною съ государемъ всея Руси. Сговаривался о союзѣ съ крымскимъ ханомъ, который обѣщалъ переманить на его сторону пасынка своего, царя казанскаго. Сносился онъ и съ Плеттенбергомъ, магистромъ ливонскаго ордена, доказывая, что настало время, общимъ натискомъ, обезсилить всѣмъ имъ немилую Русь православную! Пошли большіе послы по знакомому пути отъ Вильны въ Московію тянуть все старую пѣсню: «Отдай намъ то, что отецъ твой вернулъ себѣ изъ земель, отнятыхъ нашими предками у твоихъ, *дабы кровь христіанская не лилась*». Угрозой звучали послѣднія слова литвина. — «Мы городовъ, волостей, земель и водъ Сигизмундовыхъ, его отчинъ, никакихъ за собою не держимъ, а держимъ, съ Божіею волею, города и волости, земли и воды— свою отчину, чѣмъ насъ пожаловалъ и благословилъ отецъ нашъ, князь великій, и что намъ далъ Богъ. А отъ прародителей и вся Русская земля—наша отчина». Такова была однообразная отповѣдь московскихъ бояръ. Да и что имъ было говорить? Правда проста, ясна и, дѣйствительно, однообразна. Вольно же

ее не понимать панамъ на берегахъ Вислы! Къ несчастью для нихъ самихъ, такъ и многое другое они не понимали, не знали.

Изъ Казани пришли послы: мира просили они,—не войны желали. О союзѣ съ врагами Россіи и не думали. Въ самой же Литвѣ шла внутренняя смута изъ-за князя Михаила Глинскаго. Любимецъ покойнаго короля Александра, привыкшій первенствовать, онъ не выносилъ заносчивости новоявленныхъ временщиковъ. Заступился за обиженнаго своего брата, князя Ивана, потребовалъ суда надъ ворогами и ничего не добился. Въ сердцахъ, пригрозивъ королю правосудіемъ свыше, учинилъ кровавую расправу съ своими личными врагами, начиная съ Заберезинскаго. А потомъ, отъѣхавъ въ Новгородъ, во главѣ надежнаго отряда, сталъ сноситься съ русскимъ дворомъ, предупреждая, что въ Литвѣ нѣтъ войска для защиты границъ; у него же самого приготовляется ополченіе. Прислушались въ Москвѣ къ такимъ рѣчамъ,—онѣ были на руку Василію Іоанновичу. Съ ужасомъ узнали въ Вильнѣ, что наши рати уже готовы, двигаются къ западной границѣ. Сигизмундъ перемѣнилъ рѣчь. Взмолился о мирѣ. Просилъ посредничества крымскаго хана, а главное—поддержки вдовствующей королевы Елены Іоанновны, родной сестры государя всея Руси. Казалось, дѣло пошло на миръ, войска наши стали отходить отъ границъ. До слѣдующаго года все было тихо. Но Глинскій не унимался! Онъ волновалъ Русь. Ему хотѣлось, съ помощью московскихъ силъ, овладѣть слуцкимъ княжествомъ въ свою личную пользу. Взывалъ онъ настойчиво о помощи къ государю, чтобы смилостивился, не изъ его только челобитья, но для пользы христіанства, которое всю надежду полагаетъ

на Бога и на него. Василій Іоанновичъ, склонясь на слова ловкаго литвина, двинулъ свои силы къ Минску. Сигизмундъ подошелъ къ Оршѣ. Встрѣчались, бились, опустошали все кругомъ, но ничего не рѣшили. Въ Литвѣ не унималась смута, поднятая Глинскимъ. Князь Михаилъ отъѣхалъ не одинъ; за нимъ слѣдомъ потянулись къ Москвѣ и другіе православные подданные Литвы со своими дружинами. Ихъ охотно принимали на Руси, жаловали, награждали землями. Сигизмундъ былъ принужденъ просить мира. Только этотъ миръ былъ для него вполнѣ не выгоденъ, такъ какъ онъ на вѣки закрѣплялъ за Москвою всѣ спорныя земли, отвоеванныя еще Іоанномъ. Нашъ же государь успокоился, получивъ желаемое, подписавъ окончательное умиреніе, какъ ему было пригоже. Этимъ было доказано, что все, чѣмъ онъ владѣлъ,—и не чужое и не временное, а исконная собственность Руси. Оба державные сосѣда обязались быть заодно на всѣхъ недруговъ и татаръ, исключая перекопскаго хана Менгли-Гирея. Съ этимъ они постоянно вели отдѣльные переговоры, держась относительно его настороже, посылая ему дары, стараясь каждый перетянуть его на свою сторону, ублажить безпокойную орду. Но договоры выполнялись крымцами недобросовѣстно: они дѣлали частыя нападенія на наши южныя границы и ихъ грабили. Василій Іоанновичъ потерялъ, наконецъ, терпѣніе. Онъ выслалъ сильное войско противъ неугомонныхъ нехристей. 9-го августа 1507 г. разбилъ ихъ на голову у береговъ Оки, и этимъ, хотя на время, успокоилъ свою южную окраину. Литвѣ прочный миръ съ Московіею принесъ еще другую выгоду,—миръ съ западнымъ сосѣдомъ, магистромъ ливонскаго ордена Плеттенбергомъ, очень

дорожившимъ дружбою съ Россіею изъ-за торговыхъ сношеній съ Новгородомъ и Псковомъ. Общее умиреніе раздражало только князя Михаила Глинскаго. Измѣнивъ Литвѣ, онъ не былъ доволенъ и Москвою. Осторожный Василій Іоанновичъ не далъ въ обиду Сигизмунду ни князя, ни его подданныхъ, но за то и его держалъ въ повиновеніи, не давалъ желаемаго удѣла. Михаилъ попробовалъ было испортить добрыя отношенія Даніи съ Литвою. «Берегись! Литва завистливо глядитъ на Колывань», писалъ онъ королю Іоанну. Тотъ переслалъ предательскій документъ Сигизмунду. «Повѣсь измѣнника!» въ свою очередь предупреждалъ нашего державца литовскій князь, пересылая письмо сѣявшаго раздоры. Государь смолчалъ. Не удалась хитрая затѣя. Миръ не нарушенъ. Опять Глинскому не посчастливилось. Онъ пустился искать новыхъ враговъ Сигизмунду,—себѣ новыхъ заступниковъ передъ русскимъ великимъ княземъ. На Литвѣ, какъ разъ въ то время, стряслась бѣда помимо его, вслѣдствіе вѣчной ненависти католиковъ къ православнымъ, пановъ рады къ русскимъ людямъ.

Изъ-за пограничныхъ обоюдныхъ ссоръ, недоразумѣній, жалобъ жителей другъ на друга, частенько приходилось сосѣднимъ правителямъ Москвы и Польши переписываться, пересылаться послами. Вотъ эти-то надежные московскіе люди и донесли своему государю, что на Литвѣ его единовѣрцы плачутся надъ участью вдовствующей православной своей королевы. Все хуже становится житье болѣзной, на чужой сторонѣ! Злобно смотрятъ паны рады, съ виленскимъ воеводою Радзивилломъ во главѣ, на заботы Елены Іоанновны о своихъ единовѣрныхъ подданныхъ. Ужъ очень они завидовали несмѣтнымъ богатствамъ умной, рас-

порядительной русской женщины. Вслушиваясь въ посольскія рѣчи, Василій Іоанновичъ раскинулъ умомъ-разумомъ, сталъ стягивать къ границамъ вооруженныя силы, а на Литву, по первому пограничному дѣлу, поторопился послать смышленаго и вѣрнаго Далматова, наказавъ обязательно повидать сестру, прислушаться къ ея рѣчамъ, переговорить съ нею и привести отвѣтъ. Откланиваясь польскому королю въ Краковѣ, русскій посолъ заручился позволеніемъ заѣхать въ Бѣльскъ—поклониться вдовствующей королевѣ. Съ торжествомъ и радостью были приняты русскіе люди своею великой землячкой. Ей, конечно, хотѣлось по душѣ переговорить съ посланцами брата, но, окруженная польскимъ дворомъ, она не рѣшалась на откровенныя рѣчи при ненадежныхъ вельможахъ. Приходилось извернуться, прибѣгнуть къ хитрости. За городомъ стояла русская церковь, и туда-то королева отправилась, съ единовѣрными своими гостями. Долго бесѣдовали русскіе люди подъ сѣнью родной святыни. Королева говорила не только о своихъ горяхъ, чинимыхъ ей обидахъ, она особенно заботилась объ участи единовѣрныхъ ей русскихъ людей, жившихъ въ ея пространныхъ владѣніяхъ, и о своихъ богатствахъ, часть которыхъ она пока отдала на храненіе въ монастырь братьевъ—миноритовъ.

Много, неисчислимо много передавала она сокровищъ черезъ князей Головчинскаго и Острожскаго то на построеніе или поддержаніе бѣдныхъ православныхъ храмовъ, то въ помощь нуждающимся русскимъ людямъ. Остальное же ей хотѣлось спасти отъ хищенія латынянъ и перевести на родину, куда, если Господь благословитъ, ей и самой хотѣлось укрыться. Объ этомъ-то именно и вела она рѣчи тайныя съ на-

дежными послами. Не только о своемъ возвращеніи думала великая княгиня: она вполнѣ сочувствовала завѣтнымъ мыслямъ своего царственнаго брата о воссоединеніи съ родиною ея собственныхъ земель, въ исконной русской-полоцкой области. Переѣхать въ Москву со всѣми богатствами, передать и ихъ и земли свои брату—вотъ завѣтное желаніе великой Рюриковны. Эти предположенія, эти желанія повезъ Далматовъ изъ Бѣльска къ своему государю въ 1512 г. И вотъ слѣдствіемъ его доклада — было движеніе нашихъ войскъ къ Полоцку. А на Литвѣ стряслось обычное для пановъ рады нечистое дѣло—преступленіе.

Пока княгиня въ церкви говорила по душѣ съ русскими людьми, въ самомъ темномъ углу храма, притаившись за столбомъ, стояла, ни жива ни мертва, ея придворная дама, полька. Не любила она, конечно, ни русской княгини, ни русскихъ людей, не признавала православной святыни и, все же, забралась подъ сѣнь нашего храма,—ужъ очень подозрительно показалось ея смѣтливой душѣ посѣщеніе княгинею загородной церкви. Навостривъ уши, затаивъ дыханіе, стояла, трясясь отъ волненія, духовная дочь католическихъ патеровъ, внимая словамъ сердечнаго изліянія ненавистной ей схизматички. Послы государевы пошли домой, на Москву, а гонецъ злой польки помчался къ гродненскому старостѣ съ доносомъ на вдовствующую королеву, такъ усердно и плодотворно потрудившуюся на пользу того же литовско-польскаго государства. Переполохъ въ католическомъ мірѣ былъ полный.—«Что? Какъ? Уѣдетъ, увезетъ, передастъ!» путалось въ головѣ пановъ рады.

Гродненскій староста полетѣлъ къ виленскому воеводѣ Радзивиллу. Тотъ отправилъ строжайшій при-

казъ патеру Яну Комаровскому: «не выдавать назадъ сокровищъ королевы, удержать ея собственность въ пользу польскаго правительства». Самъ же нарядилъ за схизматичкой строгій надзоръ, конечно, ни о чемъ не донося королю. Къ чему? Сигизмундъ такъ любитъ, почитаетъ свою родственницу, даромъ что она православная!

Давно знала Елена Іоанновна о постоянныхъ козняхъ своихъ недруговъ, была на сторожѣ, но все же усердно занималась своими дѣлами, заботилась о православныхъ людяхъ. Понадобилось побывать ей въ Бреславлѣ, почти на границѣ съ Русью. Предъ отъѣздомъ отправилась она помолиться на дорогу въ Пречистенскій соборъ и взять часть хранившихся тамъ своихъ сокровищъ. Выходитъ на паперть,—воевода виленскій, сопровождаемый четырьмя панами, загораживаетъ ей дорогу, именемъ короля запрещаетъ путешествіе! Даже руку протягиваетъ, чтобы удержать королеву. Отшатнулась гордая Рюриковна, не дала холопу дотронуться! Вернулась въ замокъ и послала жалобу Сигизмунду. Паны перепугались. Сигизмундъ крѣпко осерчалъ. Ему объяснили, что вышло недоразумѣніе, что они хотѣли почтительно провожать королеву, такъ какъ дорога въ Бреславль не безопасна отъ разбойниковъ, а не вмѣшиваться въ ея поступки. Имъ повѣрили,—только не Елена Іоанновна. Она отправилась въ свое имѣніе Бирштаны, подъ Троками, потомъ все же уѣхала въ Бреславль, еще горячѣе, настойчивѣе стремясь выполнить свою мечту—вернуться на родину. Но паны рады не дремали. Король разгнѣвается? Онъ же въ Краковѣ, далеко! Неужели имъ разстаться съ надеждою поживиться богатой казной схизматички? Для этого приходилось дѣйствовать очень осторожно. Сигизмундъ

честнѣе ихъ. Онъ не дастъ въ обиду родственницы, женщины, вдовствующей королевы! Надо обойтись безъ него, сдѣлать по своему и не быть въ отвѣтѣ. Паны—Радзивиллъ, Остиковичъ, Клочко, Абрамъ Езофовичъ—думали, судили промежъ себя и рѣшили воспользоваться свадебными праздниками при дворѣ.

Всегда милостивая, щедрая, по русскому обычаю, польская королева хотѣла устроить славный пиръ по случаю свадебнаго торжества въ домѣ любимаго своего сановника. Она потребовала столовое серебро отъ миноритовъ. Они вернули только 40 золотыхъ кубковъ. Это ее, конечно, взволновало, но суть дѣла была въ другомъ. Придворный ключникъ, Митька Ивановъ, былъ дурной человѣкъ. Онъ продалъ свою госпожу, свою благодѣтельницу, родную русскую великую княгиню! Къ нему, невѣрному рабу, отправили заговорщики въ Бреславль волынца Гетовта съ грамотой и ядомъ, да самыми точными указаніями, какъ извести православную польскую королеву. Іуда предатель поднесъ въ меду смертоносное зелье въ четвергъ, на всеѣдной недѣлѣ, и къ вечеру не стало великаго русскаго православнаго вождя на литовской землѣ *). Какъ это никому изъ беззавѣтно преданныхъ Еленѣ Іоанновнѣ русскихъ людей сердце-вѣщунъ ничего не подсказало? Враги торжествовали побѣду! Католичество избавлено отъ опаснаго, умнаго, серьезнаго врага. Радзивиллъ въ уплату

*) Великую княгиню литовскую, православную королеву польскую—Елену Іоанновну предали землѣ въ Вильнѣ, въ Пречистенскомъ соборѣ, ею обновленномъ, разукрашенномъ, обогащенномъ. Въ этомъ же соборѣ молилась она при въѣздѣ своемъ въ Вильну невѣстой. Миновали столѣтія, миновала унія, время войнъ,—въ Пречистенскомъ соборѣ сохранялась невредимо гробница великой княгини. Надъ нею была прибита серебряная доска съ надписью на славянскомъ языкѣ съ тремя выгравированными гербами: московскимъ, литовскимъ и польскимъ. На-

Іудѣ предателю подарилъ обширныя земли. Содрогнулась Русская земля!

Еще въ декабрѣ, по возвращеніи Далматова, нашъ государь, съ братьями и войскомъ, подошелъ къ границѣ Литвы. Они чуяли бѣду надъ головою сестры, но, все же, никакъ не могли додуматься до такого ужаснаго исхода. Глинскій не дремалъ. Онъ поддерживалъ ихъ законное раздраженіе. Онъ обнадеживалъ и ливонскихъ рыцарей, что Литвѣ худо будетъ отъ Руси. Цѣлью мстительнаго похода за смерть Елены Іоанновны былъ все тотъ же злополучный Смоленскъ. Храбро бились рати съ обѣихъ сторонъ. При третьемъ наступленіи великій князь приказалъ пушкарю Стефану ударить по городу изъ своего смертоноснаго орудія. Осажденные повалились, точно мухи, отъ этихъ ударовъ. Владыка Варсонофій пришелъ въ отчаяніе. Онъ не могъ безучастно смотрѣть на такую бойню. Служитель Божій вышелъ на мостъ, перекинутый черезъ рѣку, смиренно моля Государя помиловать несчастныхъ жителей. Василій Іоанновичъ остался непоколебимъ. Тогда владыка, вернувшись въ городъ, облачился, собралъ весь клиръ, намѣстника города Сологуба, пановъ, черный народъ и, въ предшествіи крестовъ, святыхъ иконъ, вышедъ изъ-за городскихъ стѣнъ, явился передъ Василіемъ Іоанновичемъ. Униженно били челомъ обезсиленные слуги Сигизмунда.

ступилъ просвѣщенный XIX вѣкъ. Въ царствованіе Императора Александра I, при его любимцѣ, попечителѣ учебнаго округа Адамѣ Чарторыжскомъ, Пречистенскій соборъ былъ превращенъ въ зданіе анатомическаго театра, и въ алтарѣ его рѣзались трупы. Въ 1810 г. ректоръ университета Францъ Малевскій снялъ серебряную доску съ гробницы и перелилъ ее себѣ на серебряную посуду. Можно найти эти свѣдѣнія въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ. 1846 г. Архимандритъ Іосифъ. «Островоротная икона Божіей Матери». Вильна 1890 г., стр. 251.

Владыка сказалъ: «Государь, князь всея Руси! много крови христіанской пролили, земля пуста,—она твоя отчина. Не губи народа, возьми его съ тихостью». Государь подошелъ къ архипастырю подъ благословеніе и приказалъ ему и Сологубу съ именитыми панами идти въ лагерь, въ великокняжескій шатеръ, остальнымъ же позволилъ вернуться въ городъ, въ который вошли и его крѣпкіе отряды. На другой день посланцы русскаго державца отправились въ Смоленскъ, переписали жителей, привели ихъ къ присягѣ. Когда все было выполнено, государь приказалъ собраться вельможамъ и самъ съ крестнымъ ходомъ въѣхалъ въ городъ. Послѣ молебна, въ присутствіи несмѣтной толпы православнаго люда, владыка привѣтствовалъ великаго князя словами: «Божіею милостью радуйся и здравствуй, православный царь Василій, великій князь всея Руси, самодержецъ, на твоей отчинѣ, городѣ Смоленскѣ, на многія лѣта»!

Раскатились, разнеслись слова рѣчи, пожалуй, и подневольной, но ужъ очень правдивой, по доламъ и весямъ Руси, Литвы и Польши. Отдались они радостью въ православныхъ сердцахъ, призывомъ къ оружію, борьбѣ не на животъ, а на смерть въ низкихъ польскихъ душахъ. Слышно было, что многіе смоляне переселяются въ Москву. Имъ денегъ даютъ на подъемъ; тѣхъ же, кто хотѣлъ вернуться на Литву, не удерживали, отпускали съ Богомъ. Кто смолянъ тянетъ къ Москвѣ? Все тотъ же злой ворогъ Литвы и Польши, князь М. Л. Глинскій. Это онъ изъ нѣметчины привезъ знаменитаго пушкаря, чтобы разрушить смоленскія стѣны. Сказывали, что московскій самодержецъ обѣщалъ ему литовскій столъ. Стоустая молва несла быль и небылицу. Пока въ ней разбирались

паны рады, Сигизмундъ собралъ многочисленное войско, отдалъ начальство надъ нимъ бѣжавшему изъ московскаго плѣна князю Константину Острожскому и отправилъ его навстрѣчу Василію Іоанновичу, на Днѣпръ, подъ Оршу, самъ же остался со своимъ отрядомъ въ Борисовѣ. Туда-то братъ короля—Владиславъ венгерскій прислалъ ему утѣшительную вѣсть. Тотъ самый Глинскій, измѣнникъ, перебѣжчикъ къ Москвѣ, котораго онъ считалъ опорою и надеждою русскаго державца, уже снова перемѣнилъ свои мысли и возвращается опять къ литовскимъ полкамъ. Возрадовался Сигизмундъ, ждетъ-пождетъ знаменитаго перебѣжчика. День и другой, и долгонько ждутъ оба, и король и князь Острожскій. Имъ уже было извѣстно, что недавній врагъ готовъ бросить ввѣренный ему русскій отрядъ, объявиться среди литвиновъ. Ждали-ждали, да такъ и не дождались.

Дѣло въ томъ, что въ темную августовскую ночь, въ ставку русскаго воеводы князя Михаила Голицы явился одинъ изъ русскихъ слугъ князя Глинскаго. Перепуганный, взволнованный, онъ доложилъ воеводѣ возмутительную вѣсть: его бояринъ собирается, въ слѣдующую ночь, передаться съ своими людьми королевскому войску. И дорогу указалъ конюхъ, по которой Глинскій поѣдетъ. Голица передалъ эту вѣсть другому воеводѣ, Челяднину. Самъ же вскочилъ на коня и съ своимъ отрядомъ перенялъ дорогу измѣннику. Проснулась, въ перепугѣ, лѣсная тишина. Ни темень, ни чаща не служатъ преградой отважнымъ наѣздникамъ. Поймать измѣнника, помѣшать передаться врагу: вотъ цѣль нашего отряда. Не ждалъ, не гадалъ удалый молодецъ, что русская вѣрность царю и родинѣ поставятъ преграду его изворотливости. Осторожно про-

бирался онъ къ своимъ прежнимъ друзьямъ, поотстали его соратники, вѣрные спутники, а тутъ, изъ-за кустовъ, изъ-за пней появились москали! Веревку на шею, руки скрутили на спину и на утро предстали съ добычей предъ ясныя очи своего державца. Сковали молодца, въ Москву отправили. Перешарили въ карманахъ, нашли всѣ дружескія грамотки къ нему короля. Улики на лицо. Тутъ ужъ не вывернешься, все вышло на чистоту, и раба Божьяго отправили въ Москву подъ замки вѣковѣчные. Войска же русскія государь двинулъ къ Оршѣ. На этотъ разъ намъ не посчастливилось. Князь Константинъ Острожскій разбилъ на голову наши беззавѣтно-храбрые отряды, съ обычнымъ искусствомъ справился съ превосходными силами. Наши потери послѣ Оршинскаго пораженія остались неизгладимыми на страницахъ исторіи. Челяднинъ не подоспѣлъ во время и никакія усилія, никакая отвага не могли поправить дѣло, спасти отъ послѣдствій страшнаго погрома. Дубровна, Мстиславль, Кричевъ сдались одинъ за другимъ. Долетѣла горькая вѣсть и до Смоленска. Сердце замерло у любвеобильнаго пастыря, владыки Варсонофія. Вернутся враги, злые латыняне, подвергнутъ несчастный городъ своей злой мести. Дорого поплатятся бѣдные жители за торжественную встрѣчу ненавистнаго московскаго державца. Мучился епископъ, думая, какъ отогнать бѣду, задобрить мстительнаго врага. Собралъ онъ князей, пановъ и, съ общаго согласія, отправилъ ихъ къ Сигизмунду съ поклонами и письмомъ. «Если пойдешь теперь къ Смоленску самъ или воеводъ пришлешь со многими людьми, то можешь безъ труда взойти въ городъ»!

Все было бы хорошо, только простой народъ,

православные горожане смотрѣли на дѣло иначе. Они поднялись со своими русскими единовѣрными боярами и пошли къ намѣстнику московскаго державца, Василію Шуйскому. Сказали, что подступаетъ къ городу князь Острожскій, что паны отправились къ нему на поклонъ, отдаютъ городъ безъ боя. Съ этими вѣстями отправилъ намѣстникъ гонца къ великому князю, самъ же, изъ осторожности, посадилъ подъ крѣпкіе замки нѣкоторыхъ друзей Сигизмунда, другихъ же повѣсилъ, разставивъ висѣлицы на городской стѣнѣ, въ виду литовскаго лагеря. Тѣмъ изъ казненныхъ, которые еще такъ недавно были взысканы милостью Василія Іоанновича, онъ повѣсилъ на шею полученные ими отъ него подарки: шубы дорогія, серебряные, золотые ковши да чары. Какъ ни старался Острожскій осилить смолянъ, это было невозможно. Его сторонники уже мертвы, а русскіе жители остались навсегда вѣрными своему прирожденному державцу.

ИСТОЧНИКИ:

С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. V.

Е. Церетели. Елена Іоанновна, великая княгиня литовско-русская, королева Польши. Біографическій очеркъ.

Королева Католичка.

СЪ ПОНИКШИМИ головами, со слезами на глазахъ, бродили престарѣлые иноки Печерской обители среди испепеленныхъ развалинъ родной святыни. Злые варвары, татары, вновь разграбили пріютъ смиренныхъ подвижниковъ, молитвенниковъ за землю родную, за православный страждущій людъ. Все уничтожено огнемъ и мечемъ. Однѣ обгорѣлыя стѣны напоминаютъ о прежнихъ обширныхъ строеніяхъ древней обители, гдѣ съ такой отрадой, подъ теплымъ кровомъ ласковыхъ иноковъ, отдыхали далекіе путники, богомольцы. Нѣтъ ни страннопріимныхъ дворовъ, ни пріюта для старыхъ и сирыхъ, ни лѣчебницы для болящихъ,—ничего не пощадили нехристи—грабители. Отъ святыхъ храмовъ виднѣлись однѣ только развалины. Горько было на душѣ у бѣдныхъ старцевъ, безпомощно жались они вокругъ своего маститаго наставника, архимандрита Игнатія.—«Ну, гдѣ помѣстить убогій людъ, начинающій уже снова проситься къ намъ за обычною помощью»? слышались грустныя сѣтованія среди братіи.—«Приспособить надо бы пещеры», ласково отвѣтилъ отецъ настоятель. Кто-то, не подумавши, сзади удивился: «А мы то»?—«Ну, что же, теперь весна, тепло,—кому мѣста не достанетъ, по-

мѣстится въ развалинахъ», былъ кроткій отвѣтъ другого.—«Кормить нечѣмъ», печалился келарь. Перекрестился Божій служитель, еще ниже поникъ головой.—«Господь не безъ милости, братья любезные», тяжело вздохнувъ, заговорилъ настоятель: «будемъ молиться, надѣяться и дѣлать все, на что Онъ, Милосердый, посылаетъ намъ силы. Не можетъ же оскудѣть благостная десница всеблагого Господа»! И побрелъ усталой поступью вѣрный пастырь стада Христова въ свою тѣсную пещерную келью. Еще св. Антоній около 500 лѣтъ тому назадъ, въ половинѣ XI вѣка нашелъ въ нѣдрахъ земли это темное, тѣсное жилище на берегу Днѣпра и укрылся въ немъ отъ мірской суеты; радѣлъ объ уединеніи, созерцательной молитвѣ, бдѣніи, изнуреніи тѣла, очищеніи, окрыленіи духа. Къ нему, по влеченію души, пришли сначала священникъ Николай, юноша Ѳеодоръ и съ нимъ 16 товарищей. Они своими руками вырыли келліи, потомъ общую трапезную и святой храмъ для совмѣстной молитвы. Вѣка протекали, смѣняли другъ друга, унося въ вѣчность одно за другимъ поколѣнія людей. Мѣнялись владыки земные, нравы, обычаи, жизнь народная протекала, теряя старые образы, страдая, борясь, погибая, возрождаясь въ новыя формы съ новыми стремленіями, обычаями, нравами. Неизмѣнно яркимъ свѣтомъ блестѣла на всю Русь православную лишь одна подвижническая жизнь смиренныхъ иноковъ Печерской обители. Люди мѣнялись, но неизмѣнны оставались только труды монастырской братіи на благо несчастныхъ, обиженныхъ, страждущихъ. Князья и смерды были одинаково приголублены въ святыхъ стѣнахъ православнаго монастыря. Ни свары князей, ни преслѣдованія пановъ, ни варварскія нашествія, ни—въ

послѣднія времена—гнетъ латынянъ, ничто не могло сокрушить всесильнаго духа любви и милосердія нашихъ чудныхъ иноковъ—богомольцевъ. Обитель святая, разсадникъ православія, борцовъ за родную вѣру, родную народность, по Божіей волѣ, возрождалась изъ пепла каждый разъ, когда святотатственные набѣги враговъ разрушали видимые, рукотворные ея храмы. Именно такъ случилось въ концѣ іюня 1522 г. Отецъ архимандритъ молился въ своей келліи. Его послушная братская семья напрягала всѣ старанія, чтобы своими силами помочь напасти, а въ разрушенныя стѣны уже въѣзжалъ блестящій воинъ, дородный на видъ, западно-русскій литовскій вельможа. Орлинымъ взглядомъ окинулъ онъ разоренную окрестность, истово перекрестился, остановилъ глаза на покосившемся искривленномъ крестѣ, блестѣвшемъ на колокольнѣ, точно чудомъ уцѣлѣвшей отъ общаго погрома. Грузно спустился всадникъ съ своего громаднаго коня и, отдавъ поводья конюху, сталъ пробираться среди развалинъ, направляясь къ пещерамъ.

Какъ ни былъ привыченъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (это былъ онъ) къ картинамъ воинскихъ погромовъ, разореній, опустошеній, но видъ разграбленной православной святыни жгучей болью отозвался въ его набожной душѣ. Твердя молитву, внимательно осматривая все окружающее, онъ, видимо, искалъ кого-то. И вотъ, ему на встрѣчу, изъ подземелья вышелъ самъ отецъ архимандритъ. Крѣпко обнялись исконные друзья, горько заплакали православные люди. Безъ словъ понялъ Острожскій, о чемъ болѣетъ инокъ.—«Пріѣхалъ я молиться въ родныя святыни, дорогой отецъ настоятель. Зналъ, что нехристи обидѣли, пожгли вашъ святой пріютъ; стѣны,

храмы разрушили, сокровища похитили, иноковъ мучили, но никакъ не могъ постичь, что разореніе такъ ужасно». И онъ снова закрестился. Прослышавъ о пріѣздѣ дорогого гостя, иноки спѣшили къ нему со всѣхъ сторонъ плакаться и сѣтовать на горькую участь, пересчитывая, что особенно необходимо, чтобы скорѣе дать обители возможность снова служить бѣдному русскому люду, возвратить ему родныя его церкви! Внимательно слушалъ князь. Обстоятельно переговорилъ съ сердечнымъ другомъ, по душѣ, основательно разсудилъ дѣло. И порѣшилъ, что увезетъ съ собою въ Вильну о. архимандрита Игнатія. Тамъ, въ то время, находился польскій король Сигизмундъ, наслѣдникъ своего брата Александра Казимировича. Тронули его правдивыя рѣчи любимаго воеводы. Храбрый воинъ былъ извѣстенъ своею неподкупною честностью. Его слова, моленія смиреннаго инока благопріятно повліяли на миролюбиваго державца. Сигизмундъ въ грамотѣ своей написалъ: «абы хвала Божія въ той церкви Божой ширила и множила, а намъ бы большее богомолье было»—*), даемъ слѣдующія льготы монастырю: право устроить общину, независимую отъ кіевскаго воеводы и пановъ католиковъ; по смерти архимандрита, монастырь будутъ держать монахи, а не воевода, какъ было прежде; избранный монахами, князьями, панами и земянами утверждается королемъ въ званіи архимандрита. Воеводы-католики могутъ ѣздить въ монастырь 1—2 раза въ годъ, а не по нѣскольку, какъ прежде. Обитель освобождается отъ «стацій» подъ пословъ и гонцовъ. Корчемъ около монастыря ставить нельзя. Военный налогъ съ монастыр-

*) Подлинныя слова дарственнаго акта.

скихъ имѣній—десять вооруженныхъ конныхъ ратниковъ *). «Всѣми этими благодѣяніями короля-католика православная Печерская обитель обязана вліянію на него честнаго, благожелательнаго, глубоко-религіознаго князя Острожскаго. Въ этомъ дѣлѣ король вводилъ даже новшество въ пользу нашей древней святыни, въ ущербъ воеводы и другихъ кіевскихъ чиновниковъ—католиковъ. Видимо, Господь свыше благословлялъ труды и заботы усопшей православной королевы. Возростали, укоренялись въ литовской землѣ такъ усердно, съ такимъ настойчивымъ смиреніемъ посѣянныя ею сѣмена благочестія и мирнаго труда. Множились храмы, обители святыя, разсадники подвижнической жизни на благо нуждающихся братьевъ.

Неустанными трудами сподвижники Елены Іоанновны, православные митрополиты Макарій, Іона, Іосифъ Солтанъ привлекали къ себѣ уваженіе короля. Онъ довѣрчиво выслушивалъ ихъ просьбы, клонившіяся ко благу русскихъ его подданныхъ. Такъ, Іосифъ Солтанъ, будучи епископомъ, прислалъ къ королю священника своей епархіи, съ жалобой на витебскаго воеводу Януша Костевича: «Обиды чинитъ намъ твой воевода, великій государь», писалось въ проситель-ной грамотѣ. «Огради насъ отъ его поборовъ. Доходы съ Лемницъ и Любашкова, наданныхъ Успенской церкви твоими державными предками, онъ отнимаетъ себѣ. Не даетъ содержанія церковнымъ людямъ, замковой стражѣ. Заступись за насъ, рабовъ твоихъ, милостивецъ ты нашъ». Іосифъ Солтанъ былъ близко извѣстенъ королевѣ Еленѣ: ему, значитъ, было можно повѣрить,—его посланцу должно помочь. И до

*) Акты З. Р. П. 140—142.

нашихъ дней дошла укорительная королевская грамота на имя провинившагося воеводы: «Мы, господарь, старины не маемъ рушить *), а церквамъ Божьимъ и овшемъ **) не надобѣ кривды чинити и стараго наданья рушити». Порадѣлъ Сигизмундъ и кіевскому Михайловскому монастырю. Еще братъ его, король Александръ, послѣ татарскаго разоренія 1482 г., отдалъ обитель на попеченіе Григорію Григорьевичу Поповичу. Но отъ этого не произошло ни малѣйшей пользы для мирнаго убѣжища благочестивыхъ отшельниковъ. Пустѣли, бѣднѣли святые храмы. Разваливались зданія древней обители. Разсадникъ подвижническаго житія исчезъ бы навсегда, если бы не вступился опять тотъ же князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Сердце его сжималось отъ состраданія къ угасающей древней святынѣ. Сигизмундъ внялъ его правдивой просьбѣ, далъ игумену Макарію разрѣшеніе освободить обитель отъ податей. Самъ же изъ своихъ средствъ жертвовалъ и на построеніе церквей и на ихъ содержаніе. По его приказу, монастырю были записаны земли подъ городомъ съ пашнями, огородами, сѣнокосами и озерами, на вѣчное пользованіе православному монастырю, основанному еще Ярославомъ Мудрымъ. Даже право патроната ***), примѣнявшееся королями-католиками къ православнымъ церквамъ и бывшее для нихъ въ большинствѣ случаевъ вполнѣ гибельнымъ,—при Сигизмундѣ, напротивъ, приносило только пользу. Лаврентьевскій монастырь предоставленъ Ѳеодору Хребтовичу. Церковь св. Василія во Владимірѣ Волынскомъ отдана, по желанію митропо-

*) Не можетъ уничтожать, не намѣрены нарушать.
**) Тѣмъ болѣе.
***) Покровительства, попечительства.

лита Іоны, князю Василію Михайловичу Сангушкѣ. Монастырь Рождества Богородицы въ Трокахъ—подскарбію дворному Ивану Андреевичу Солтану. Имена этихъ именитыхъ людей, которыя на каждомъ шагу встрѣчаются въ рядахъ столповъ православія, говорятъ за то, что король передавалъ права патроната въ надежныя руки. Эта благосклонность Сигизмунда къ православной святынѣ вызвала глубокую преданность ему цѣлаго ряда даровитыхъ его вельможъ. Ѳедька Святоша, Иванъ Горностай, Коптя, Иванъ Богдановичъ, Сапѣга, Богушъ Боговитиновичъ, въ то время еще искренно-благочестивые православные люди, были его приближенными писарями *). Польскія дѣла вели Сапѣги, финансы государственные—Богушъ Боговитиновичъ, личные Сигизмунда—Солтаны. Не говоря уже о князѣ К. И. Острожскомъ, всѣ они служили родинѣ и ея государю—усердно, разумно, съ большою пользою. Не таково было положеніе Червонной Руси, древняго Галицкаго княжества, она вошла въ составъ Польши, и поэтому на ней сильнѣе отразилась вся тяжесть инороднаго и иновѣрнаго владычества. Давно тамъ торжествовало латинство. Обстоятельства помогали Ягеллонамъ, и они съ успѣхомъ насаждали западное ученіе въ земляхъ Осмомысла, Романа, Даніила. Храмы обращали въ костелы. Епископскія каѳедры передавались католикамъ. Ягайло, уничтожая православную галицкую епархію, не передалъ заботы о ея смиренной, приниженной паствѣ кіевскому митрополиту, а назначилъ намѣстничество изъ именитыхъ пановъ-католиковъ. Ихъ дѣло было

*) Нынѣшніе статсъ-секретари, служащіе въ высокихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

распространять среди православныхъ латинское вѣроученіе всѣми неправдами, гнести, вытравлять восточные обряды, преслѣдуя за нихъ и безъ того загнанный бѣдный людъ.

Такъ шли вѣка. Росли напасти, страданія, и, конечно, отпаденія отъ вѣры отцовъ стали учащаться. Люди недобросовѣстные съ особой настойчивостью добивались мѣстъ епископскихъ намѣстниковъ въ православныхъ епархіяхъ, такъ какъ они давали огромные доходы. Католическіе епископы сильно поддерживали ставленниковъ. Въ случаѣ нужды, выпрашивали имъ покровительство самихъ королей. Противниками же такихъ выборныхъ являлись старосты *), оттягивавшіе себѣ значительную долю наживы и требовавшіе участія въ выборахъ. Зарождались частыя распри въ католическомъ лагерѣ. Ими-то рѣшили, наконецъ, воспользоваться православные галичане и обратились съ слезной просьбой къ тѣмъ приближеннымъ магнатамъ **) Сигизмунда, слава о которыхъ, какъ о защитникахъ родной, прадѣдовской вѣры, разносилась по всей польско-литовской Руси. При ихъ посредствѣ, они выпросили себѣ въ 1522 г. намѣстника-единовѣрца, надежнаго блюстителя ихъ церковныхъ нуждъ, опору въ ссорахъ съ латынянами. Видно, и тутъ добрый духъ, молитвенное единеніе королевы Елены Іоанновны съ своими единовѣрцами не оставляло православный людъ даже послѣ ея смерти! Сподвижники ея трудовъ успѣли повліять на Сигизмунда. Выборъ былъ удаченъ. Должность намѣстника, но безъ соизволенія католическаго архіепископа, получилъ Яцко

*) Старостой назывался гражданскій правитель страны,—что-то вродѣ нашихъ губернаторовъ.

**) Вельможамъ знатнымъ и богатымъ.

(Іоакинѳъ) Гдашицкій, вполнѣ православный. Его вѣдѣнію поручены были приходы восточнаго вѣроученія въ округахъ—львовскомъ, галицкомъ, коломыйскомъ, спѣтинскомъ, жидачевскомъ. Внимательно слѣдили православные вельможи за своимъ ставленникомъ. По ихъ просьбѣ, король удостоилъ его возведенія въ санъ архимандрита, облекъ властію суда въ церковныхъ дѣлахъ своихъ округовъ и передалъ ему нѣкоторыя изъ правъ, которыми пользовались въ старину галицкіе владыки. Православный галичанинъ Гдашицкій всей душей предался служенію своимъ братьямъ по вѣрѣ и народности. Во-очію видѣлъ церковныя нужды, душой болѣлъ о преслѣдованіяхъ, воздвигаемыхъ повсюду на приниженный православный людъ.

Всѣми силами стремился онъ сбросить съ себя ярмо жестокой, несправедливой зависимости отъ опекуна—латинскаго архіепископа. На его счастье, католическая Польша была въ ту пору охвачена волной протестантскаго ученія, съ силой нахлынувшаго съ Запада. Вниманіе большинства было занято старыми ссорами, происками другъ противъ друга. Это создало извѣстный просторъ для дѣятельности благочестивымъ сынамъ православной Церкви, дало возможность сплотиться имъ въ братства около своего единовѣрнаго, родного, ревностнаго служителя Божія. Объѣзжая неустанно ввѣренную ему паству, о. архимандритъ часто совершалъ торжественныя богослуженія, бесѣдовалъ съ прихожанами, благотворно вліялъ на ихъ дѣла семейныя и общественныя. Поддерживалъ въ вѣрѣ слабыхъ, колеблющихся, сомнѣвающихся. Проснулась, ожила православная прикарпатская Русь! Теплой молитвой огласились древніе

полуразрушенные храмы. Подъ ихъ сѣнь, по зову священнослужителя, спѣшилъ и старъ и малъ. Понеслась молитва пламенная, благозвучное православное пѣніе къ престолу Вседержителя, Господа и Спаса нашего. Сѣмена правды, чистоты убѣжденій стали приносить плоды. Крѣпко сплотились львовскіе мѣщане! Самоотверженно, грудью стали за вѣру свою и народность.

Спохватились паписты, заволновался ихъ архіепископъ! Рѣзкія лживыя жалобы настойчиво понеслись къ земному державцу на служителя Божьяго! Сигизмундъ внялъ имъ, отклонился отъ правды, отстранилъ нашего архимандрита отъ должности намѣстника, оставивъ ему доходы съ одного только монастыря св. Георгія. Большое, тяжкое горе постигло вновь бѣдную галицкую Церковь. Духовенство и міряне выбрали, на мѣсто Гдашицкаго, львовскаго гражданина Макарія Тучапскаго. Католическій же архіепископъ назначилъ своего клеврета-Сикору.

Поднялась свара. Православные выгнали чуждаго раба изъ намѣстническаго дома. Бросились къ королю, просили, молили черезъ своихъ единовѣрцевъ; наконецъ, вымолили себѣ утвержденіе Макарія намѣстникомъ галицкой митрополіи. Уроженецъ Львова, благочестивой, строгой жизни, онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ своихъ согражданъ. Искренно обрадовалась галицкая Русь, когда, по смерти Гдашицкаго, по приказу короля, перемышльскій епископъ Лаврентій Терлецкій и дворянинъ Андрей Расцкій ввели въ должность архимандрита Макарія. Этимъ поступкомъ Сигизмундъ заявилъ свои права попечителя православной Церкви помимо католическаго архіепископа. Опять, по обычаю, начались польскія хитрости, наушничество,

доносы. Страдали, волновались православные, отстаивая права своей Церкви. Сплотились міряне и духовенство въ многолюдное, единодушное братство. Какъ одинъ человѣкъ, стояли они за Макарія Тучапскаго противъ Сикоры. Безхарактерный Сигизмундъ былъ неустойчивъ въ своихъ мнѣніяхъ. Одинъ указъ смѣнялся другимъ, совсѣмъ противоположнымъ. Католики, все же, стали брать верхъ. Тогда, чувствуя свою безпомощность, православные бросились за помощью въ Кіевъ, къ митрополиту Макарію. «Защити, владыко, помоги твоей православной паствѣ! Отдай насъ въ усмотрѣніе и опеку перемышльскому епископу Лаврентію. Изнываемъ, гибнемъ подъ гнетомъ злого обидчика Сикоры»!

Митрополитъ не сразу и не вполнѣ могъ исполнить просьбу бѣдняковъ. Помогли православные совѣтники Сигизмунда. Общими усиліями и просьбами уважаемаго митрополита, архимандритъ Макарій былъ выбранъ, и король милостиво утвердилъ его.

Казалось, все пришло въ порядокъ. Православные собрались - было передохнуть, заняться дѣлами Церкви, подъ водительствомъ любимаго, благочестиваго намѣстника. Но ихъ ждали новыя испытанія. Какъ злой духъ, возсталъ Сикора. Безчисленными клеветами преслѣдовалъ онъ православнаго инока. Было наряжено слѣдствіе. Макарію пришлось явиться въ Краковъ, на судъ самаго короля. Его сопровождало множество галичанъ и подолянъ. Часть изъ нихъ бросились въ Кіевъ.—«Помоги намъ, святитель Церкви православной! заступись за своего ставленника передъ королемъ Сигизмундомъ! Собери своихъ князей, пановъ, вмѣстѣ всѣ молите! Не то»... Тутъ ужъ послышалась угроза. Страхъ потерять свою опору, своего

духовнаго пастыря придалъ рѣшимость вѣчно смиреннымъ, уступчивымъ чадамъ миролюбивой галицкой православной Церкви.—«Заступись, владыко, не то тебѣ трудно будетъ писаться галицкимъ митрополитомъ»! Пришлось послать въ Краковъ митрополичьяго боярина Расцкаго.

Плохо приходилось православнымъ галичанамъ. Грозила горькая бѣда. Король на сеймѣ выдалъ—архіепископу и епископамъ въ полную ихъ власть всѣхъ православныхъ жителей Галиціи и Подоліи, изъявъ ихъ совершенно изъ-подъ вѣдѣнія кіевскаго митрополита.

— «Святой отецъ, пришла напасть»! Съ воплемъ бѣжали къ архимандриту Макарію его приверженцы, перепуганные галичане и подоляне.—«Тебѣ грозитъ неволя», сообщали другіе.—«Они обѣщали въ тюрьму на вѣки заключить нашего богомольца», плакались, волновались бѣдняки.

Задумался бѣдный пастырь обиженнаго стада. Бѣда была, дѣйствительно, страшная, неописуемая. Никто не могъ помочь. Никто и права не имѣлъ просить объ измѣненіи разъ выданной привилегіи.—«А если бы попросить королеву»? послышался не твердый голосъ среди окружавшихъ Макарія.—«Королеву? Она католичка»! удивился о. архимандритъ. Но мысль эту подхватили и другіе и третьи. Среди галичанъ нашлись родственники двухъ самыхъ приближенныхъ пановъ польской королевы Боны. Родомъ итальянка, изъ семьи Сфорца, ярая католичка, очень надменная, она мало съ кѣмъ дружила между польскими вельможами. На счастье галичанъ, двое намѣченныхъ ими пановъ были, дѣйствительно, близки къ королевѣ и очень вліятельны. Къ нимъ за совѣтомъ бросились

приверженцы Макарія.—«Помогите, научите насъ, паны великіе! Какъ сдѣлать возможнымъ невозможное, какъ уничтожить существующее»?—«А очень просто», былъ практичный отвѣтъ: «мы вѣрно знаемъ, что всемилостивѣйшая королева давно желаетъ имѣть такихъ воловъ, какими отличаются стада богатыхъ галицкихъ пановъ. Скажите, можете вы ей пообѣщать ихъ, ну, хотя бы двѣсти штукъ»? Отъ радости у православныхъ захватило дыханіе. «Очень ужъ много двѣсти штукъ. Не по силамъ бѣдному народу собрать такое количество. Но, для спасенія религіозной свободы и своего любимаго наставника въ вѣрѣ, они готовы были не только собрать двѣсти воловъ, но даже самихъ себя продать. Конечно, обѣщаніе было дано, скрѣплено на бумагѣ и сообщено королевѣ. «Она же», гласитъ лѣтопись, «бачивши тяжкость и справедливость русскаго народа, въ то ся моцнѣ вложила, моцно съ королемъ мувила» *).—«Вотъ подпись галичанъ, всемилостивѣйшая наша королева»! говорилъ довѣренный посолъ передавая Бонѣ письменное обѣщаніе галичанъ-просителей поднести въ подарокъ ей 200 воловъ.—«Боюсь пана архіепископа, не вернетъ онъ намъ разъ полученную привилегію», задумчиво говорила Бона, внимательно перечитывая пріятную бумагу.—«Да вручена ли еще ему привилегія»? вкрадчиво замѣтилъ панъ, достаточно ублаготворенный догадливыми просителями.—«Самъ король торжественно, на сеймѣ заявилъ»! огорченно возразила Бона.—«Все такъ пусть и будетъ! Чѣмъ громче, тѣмъ лучше. Слова всемилостивѣйшаго короля услышаны множествомъ.

*) Она же, видя тяжелое положеніе русскаго народа, очень постаралась и много съ королемъ говорила.

Волю свою его величество громогласно заявилъ! Она передается, выслушивается радостно! Довольные сыны католической церкви до самаго Рима донесутъ свою радость! А ты, мудрѣйшая королева, повели мнѣ, рабу твоему, поглядѣть въ канцеляріи пана короля. Тамъ, можетъ, нѣтъ и не будетъ никогда дарованныхъ привилегій»? Вопросительно всматривалась Бона въ глаза своего ловкаго совѣтника. Потомъ, приложивъ руку ко лбу, улыбнулась и, весело мотнувъ рукой, закивала сочувственно головой. Ни словечка не вымолвила она, ничего и не услышала отъ умнаго вельможи. Какъ метеоръ, изчезъ онъ изъ ея покоевъ, пробрался спѣшно, тихошенько, никѣмъ не замѣченный, въ канцелярію короля. На кипѣ бумагъ, совсѣмъ на виду лежала четко переписанная, къ передачѣ приготовленная бумага—привилегія. Хвать!—и ея уже не было ни на столѣ, ни подъ столомъ! Самый зоркій глазъ не высмотрѣлъ бы ее въ бездонныхъ карманахъ вѣрнаго слуги.

Бона волновалась, ходила по комнатамъ, то хмурилась, то улыбалась. Ей доложили о приходѣ супруга—короля. Въ однѣ двери входилъ старикъ Сигизмундъ, довольный, предупредительный, — другія распахнулъ ея панъ-соумышленникъ. Онъ держалъ одну руку въ карманѣ своего блестящаго кунтуша. Его порывистый входъ безъ доклада, пожалуй, безъ обычнаго поклона, озадачилъ Сигизмунда. Вопросительно переводилъ онъ глаза съ привѣтливой королевы на ея безцеремоннаго посѣтителя. Лукаво улыбаясь, Бона рукою показала пану на топившійся каминъ. Въ одинъ мигъ изъ наряднаго кармана полетѣлъ туда и запылалъ предательскій листокъ. Съ низкими поклонами, чуть ли не ползкомъ исчезъ снова

за дверью неоцѣнимый слуга. Королева же съ удвоенною ласкою подвела все еще недоумѣвающаго Сигизмунда къ столу и показала ему письменное обѣщаніе галичанъ подарить Бонѣ 200 воловъ, если только она умолитъ своего супруга, ихъ мудраго державца, смиловаться надъ бѣдными, угнетенными своими вѣрными подданными, православными жителями Галиціи и Подоліи.

Сигизмундъ не сразу сдался. Его царственной супругѣ пришлось очень ловко объяснять ему не только всю пріятность подарка, но и дѣйствительную несправедливость латинянъ. Она, ревностная католичка, просила за православныхъ, признавала ихъ правыми! Ея доводы убѣдили короля. Онъ обѣщалъ дать просимую привилегію. Поднялась новая буря. Львовскій архіепископъ не уступалъ своихъ правъ. Король отрѣшилъ Сикору, но медлилъ выдачею бумагъ Макарію, за то подтвердилъ права суда архіепископа надъ православными.

Макарій самъ пріѣхалъ въ Краковъ. Галичане пообѣщали еще 140 воловъ.

Король и королева посовѣтовали нашему архимандриту не показываться, пока не разъѣдутся прелаты. Цѣлый почти годъ прошелъ въ хлопотахъ, обѣщаніяхъ, мольбахъ. Наконецъ, православнымъ удалось «зъ великою бѣдою и наклады и працею *), вытянуть отъ короля привилегію и иншіи (другіе еще) листы и насъ православныхъ зъ моцы **) арцибискуповы и всѣхъ бискуповъ закону римскаго».

Во Львовѣ архіепископъ продолжалъ преслѣдовать Макарія и даже потянулъ къ королевскому суду. Тогда

*) Съ большими непріятностями, расходами и трудомъ.

**) Изъ подъ власти архіепископа.

самъ король посовѣтовалъ о. архимандриту ѣхать въ Кіевъ, молить православнаго митрополита о поставленіи Макарія во епископа, и тогда уже во всеоружіи верховнаго сана возвращаться во Львовъ и служить во славу православной своей паствы.

Покровительство короля, просьбы православныхъ Галиціи и Подоліи подѣйствовали на митрополита. Онъ поставилъ имъ Макарія во епископа, а король далъ 23 октября 1539 г. привилегію, въ которой говоритъ: «отдаемъ владыкѣ Макарію, подъ его власть, всѣхъ духовныхъ, всѣ ихъ церкви, монастыри въ тѣхъ округахъ галицкомъ, львовскомъ, каменецкомъ, снятинскомъ и теребовльскомъ, и въ частности галицкую «митрополитанскую» церковь, называемую Крылосъ *), въ которой нѣкогда предстоятельствовалъ ихъ архіепископъ—митрополитъ, и также монастырь Уневскій Успенія Пресвятой Богородицы, основанный нашими предшественниками. Предоставляемъ владыкѣ Макарію и его преемникамъ право церковнаго управленія и суда въ его епархіи, а равно и право собирать ежегодно, подобно другимъ владыкамъ, съ подвѣдомыхъ священниковъ по шести флориновъ **) такъ называемой купичной подати» ***).

ИСТОЧНИКИ:

1) *Ярушевичъ.* Ревнитель православія.
2) *А. Крыловскій.* Львовское Ставропигіальное братство.
3) *Петрушевичъ.* Сводная Галицко-Русская лѣтопись.
4) *Его же.* О соборной Богородичной церкви въ городѣ Галичѣ.

*) Монастырь въ древней столицѣ галицко-волынскаго княжества—Галичѣ, обладавшій большими помѣстьями.

**) Флоринъ—австрійская монета около 80 к. на наши деньги.

***) № 55 Варшавскій гл. архивъ; кн. № 57, стр.: 101—102. Арх. Ю. З. Р., ч. 1.

Люблинская унія.

28 іюня 1569 года.

НЕВѢРОЯТНЫЕ слухи доходили въ Польшу и Литву съ западной границы. Чуть что не безумныя вѣсти передавала стоустая молва! Со страхомъ сообщали другъ другу поляки, литвины и жмудь, что ихъ вѣковѣчный лютый врагъ, виновникъ всѣхъ скорбей и напастей, магистръ страшнаго тевтонскаго ордена — сбросилъ съ себя рыцарскіе доспѣхи, монашеское одѣяніе, отрекся отъ латинства, принялъ новую, чуть нарождавшуюся вѣру и даже вступилъ въ бракъ! (1521 г.).

Блѣднѣетъ передъ напоромъ новой проповѣди суровость католическаго духовенства, слабѣетъ власть самого папы! Жестокій, грозный голосъ безсердечныхъ носителей мести, насилія, наказанія началъ смолкать передъ громкимъ, краснорѣчивымъ укоромъ новаго ученія, называвшагося—по имени его родоначальника Лютера—лютеранствомъ *). Уже давно стало

*) Мартинъ Лютеръ первоначально былъ глубокопросвѣщеннымъ и искренновѣрующимъ католическимъ монахомъ. Жилъ онъ въ первой половинѣ XV вѣка. Любимымъ его занятіемъ было изученіе Священнаго Писанія и Твореній святыхъ Отцовъ. Къ его времени католическая церковь пришла

извѣстно это ученіе Польшѣ и Литвѣ, благодаря стародавнему обычаю достаточныхъ людей отсылать своихъ сыновей учиться за границу. Всѣ школы, университеты, академіи Запада были полны польско-литовскимъ юношествомъ. Они-то и занесли на родину, вмѣстѣ съ ученостью, и преклоненіе передъ новыми вѣяніями, новымъ, нетребовательнымъ ученіемъ новыхъ вѣротолкователей.

Борясь съ католицизмомъ, протестантство твердо подвигалось на сѣверъ Европы, легко укореняясь

въ очень большой упадокъ. Духовенство было малопросвѣщенное и, вмѣстѣ съ простымъ народомъ, полно суевѣрій, которыя старалось утверждать на религіозной основѣ. Высшая церковная власть во главѣ съ самимъ папою занималась только своими спорами, охотой и пирами, а о паствѣ и не думала. Не удивительно, что нравственность пала, разные темные люди злоупотребляли купленными за деньги церковными правами, чѣмъ вызывали большое недовольство въ народахъ. Самымъ главнымъ зломъ были индульгенціи. Папа продавалъ за деньги отпущеніе грѣховъ. За разные грѣхи полагались разныя суммы. Кто покупалъ прощеніе грѣховъ, тотъ получалъ ярлыкъ-квитанцію въ томъ, что имъ, въ церковную сокровищницу, столько-то денегъ уплачено и на столько-то дней грѣхи отпущены. Ярлыки эти назывались индульгенціями. Такъ какъ не всѣ могли идти за этими индульгенціями къ папѣ въ Римъ, то появились особенные откупщики, торговцы индульгенціями, покупавшіе ихъ отъ папы оптомъ и потомъ продававшіе по всему міру темному народу въ розницу, съ большими барышами.

Все это возмутило правдивую, глубоковѣрующую душу Лютера, и онъ возсталъ противъ злоупотребленій въ дѣлахъ вѣры. Но такъ какъ онъ не былъ знакомъ съ истиннымъ православнымъ ученіемъ, то, отвергая все выдуманное людьми, не сумѣлъ во время остановиться и отвергъ многое изъ истиннаго ученія. Такъ, онъ училъ, что не нужна церковная іерархія; отвергъ почитаніе святыхъ, многія таинства Церкви, поклоненіе святымъ иконамъ. Проповѣдалъ, что не нужны для спасенія души добрыя дѣла, а нужна только вѣра. Дошелъ даже до того, что отвергалъ пресуществленіе Святыхъ Даровъ въ Тѣло и Кровь Господа нашего Іисуса Христа.

Такъ какъ недовольныхъ католическимъ духовенствомъ было очень много, то ученіе Лютера быстро распространилось и получило названіе лютеранства, а исповѣдывавшіе это вѣроученіе стали называться лютеранами. Называли ихъ также протестантами (отъ латинскаго слова протесто—возстаю), такъ какъ они возстали противъ католическаго ученія.

среди пруссовъ, особенно среди сельчанъ. Племенное сродство, общность нравовъ, не только бранное, но и мирное заселеніе литовскихъ порубежныхъ городовъ и мѣстечекъ пруссами—все это помогло незамѣтному проникновенію въ Жмудь и Литву новаго вѣротолкованія. Прежніе язычники, кровію и пытками обращенные въ христіанство, литвины не могли беззавѣтно привязаться къ вѣрѣ своихъ мучителей. Они, конечно, охотно шли за проповѣдниками Евангелія, возставшими такъ краснорѣчиво противъ папы и его клевретовъ. Двойной притокъ протестантства въ нашу западную окраину былъ положительно сильнѣе въ Литвѣ, чѣмъ въ искони-католической Польшѣ. Въ великомъ княжествѣ оно находило себѣ болѣе жизненную почву. Недовольство кичливою Польшей сплачивало литвиновъ подъ хоругвь протестантства. Въ самомъ непродолжительномъ времени, точно волшебная сила, оно стерло въ Жмуди съ лица земли сотни костеловъ. Монастыри пустѣли, ксендзы впопыхахъ спѣшили жениться, чтобъ доказать свое общеніе со всеобщимъ движеніемъ. Кіевскій католическій епископъ Пацъ не только женился, но еще заявлялъ требованія на свое прежнее мѣсто въ сенатѣ, среди латинскихъ прелатовъ. Мѣсто это когда-то католики-поляки не хотѣли дать славному вождю, великому бойцу, князю Константину Ивановичу Острожскому.

Враждебно глядѣлъ король Сигизмундъ I-й Старый на вторженіе въ его предѣлы новыхъ религіозныхъ вѣяній. Энергично призывалъ католическое духовенство къ настойчивой борьбѣ съ напиравшимъ духовнымъ врагомъ. Но при его наслѣдникѣ, безхарактерномъ Сигизмундѣ II-мъ Августѣ, обстоятельства круто измѣнились. Онъ былъ подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ

родственника горячо-любимой своей жены, красавицы Варвары изъ дома Радзивилловъ. Могучимъ представителемъ этого рода на Литвѣ былъ ея двоюродный братъ Николай Черный, князь Олыски и Несвижа, воевода виленскій, великій маршалъ и канцлеръ литовскій. Умный, убѣжденный ревнитель протестантизма, онъ употреблялъ все свое сильное вліяніе на безхарактернаго короля, чтобы распространить, поддержать, усилить протестантство на своей родинѣ, ставя его въ противовѣсъ ненавистному латинству.

Часто, по долгу любилъ Сигизмундъ внимать умнымъ бесѣдамъ своего родственника. Тотъ съ одушевленіемъ разсказывалъ, какъ охотно народъ и шляхта переходили въ новую вѣру.—«Твоимъ державнымъ именемъ добро творю», говаривалъ частенько Черный князь, докладывая о новыхъ королевскихъ милостяхъ, которыя ему позволено было раздавать шляхетству. — «Лишь бы, дѣйствительно, это было добро моимъ дорогимъ литовцамъ», твердилъ не вполнѣ убѣжденный Сигизмундъ.—«Вѣрь мнѣ, свободно вздохнули бывшіе католики, избавившись отъ своихъ преслѣдователей—ксендзовъ и патеровъ».—«Ты же употребляешь угощенія, подарки, чтобы привлечь побольше новообращенныхъ въ свой лагерь? Развѣ это не тотъ же подкупъ»? слабо возражалъ король.—«Даю тѣмъ, кто колеблется, подкрѣпляю слабыхъ, пока они еще не усвоили всей сути протестантской проповѣди».—«А наши проповѣдники? откуда взять такихъ вразумительныхъ? Жмудь и Литва, ты знаешь, до сихъ поръ чуть не враждебно смотрятъ на церковную проповѣдь», снова выражалъ недоумѣніе Августъ.—«Это совсѣмъ понятно,—иначе и быть не можетъ. Вникни только своимъ яснымъ умомъ, самъ

разсуди! Съ первыхъ временъ христіанской проповѣди бѣдный темный людъ долженъ былъ присутствовать при богослуженіи, котораго онъ не понимаетъ, такъ какъ латинскій языкъ былъ и остается для него вполнѣ непонятнымъ. Протестантскіе же пастыри и молятся и проповѣдуютъ на народномъ, для всѣхъ родномъ языкѣ». Призадумался Сигизмундъ. По природѣ и воспитанію вполнѣ равнодушный къ вопросамъ вѣры, онъ, по своему образованію, не могъ не интересоваться новыми вѣяніями. Онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за умственнымъ движеніемъ, охватившимъ весь Западъ. Работы современныхъ мыслителей, философовъ, богослововъ, его очень заняли. Ему самому хотѣлось ознакомиться съ новымъ направленіемъ церковной проповѣди. Умный же Радзивиллъ желалъ показать католикамъ-ксендзамъ, что король открыто благоволитъ къ новому ученію. Послѣ многихъ стараній, ему удалось уговорить своего державнаго друга прослушать самому протестантскую проповѣдь въ ихъ церкви. Въ какой-то праздничный день весь дворъ не безъ удивленія узналъ, что король поѣдетъ, по обычаю, въ церковь, только не въ католическую.

Гнѣвомъ вскипѣлъ доминиканецъ Кипріанъ, епископъ литопенскій, суфраганъ виленскій.—«Не позвалямъ»! выговаривали побѣлѣвшія отъ бѣшенства губы, когда его секретарь, запыхавшись, чуть дыша, но, все же, съ жаднымъ любопытствомъ сообщилъ ему о неслыханномъ событіи.—«Не позвалямъ»! повторялъ бискупъ, забывая, что долженъ служить обѣдню, и спѣша изъ храма навстрѣчу княжескому поѣзду. За нимъ высыпала вся толпа, собравшаяся въ костелъ на молитву. Монахи окружали бискупа и

пали на колѣни передъ Сигизмундомъ. Паперть протестантской кирки, недавно воздвигнутой противъ костела св. Яна, была тоже полна прихожанами, торопившимися достойно встрѣтить своего державца. Съ пѣной у рта, хватая королевскую лошадь подъ уздцы, Кипріанъ громогласно заявилъ: «Предки вашего величества ѣздили на молитву не этою, а тою дорогою!» и повернулъ скакуна къ костелу. Опѣшилъ Радзивиллъ. Растерялся Сигизмундъ и смиренно послѣдовалъ за епископомъ.

Толчокъ былъ данъ. Папа прислушался къ звону набата, раздавшагося на дальнемъ Востокѣ, въ любимой имъ Польшѣ! Онъ послалъ присматривать за Сигизмундомъ изворотливаго, умнаго итальянца Комендоне. Оглядѣвшись, вникнувъ въ положеніе церквей, въ отношенія короля къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ, ловкій посолъ сталъ разставлять свои искусныя сѣти вокругъ Сигизмунда. Тихо лились его вкрадчивыя рѣчи. Умно слагались часто даже ложныя обвиненія на протестантовъ. Жалостью къ народу звучали коварныя, фальшивыя слова.—«Что будетъ съ бѣднымъ темнымъ людомъ, если разновѣрцы возьмутъ верхъ? Тогда, тогда поднимется—спаси Господи!—братоубійственная распря. Народы польской державы возстанутъ одни на другихъ». Стрѣла попала мѣтко въ цѣль. Сигизмундъ Августъ ничего такъ не боялся, какъ междоусобицы. Князь Николай былъ безсиленъ противъ такого ловкаго подхода. Да и сами протестанты своею черствостью, безучастіемъ въ горяхъ и нуждахъ государства оттолкнули отъ себя короля. Онъ отвратилъ лицо свое отъ нихъ, вернулся къ привычнымъ взглядамъ своихъ отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ. Западъ, въ борьбѣ на

смерть съ ученіемъ Лютера, отправилъ на Востокъ свои лучшія силы. Поддерживать Сигизмунда въ католичествѣ, поколебать нарождавшееся въ немъ, можетъ быть, сочувствіе къ новымъ религіознымъ вѣяніямъ былъ посланъ въ Литву бичъ народный,— братья ордена іезуитовъ (1564 г.).

Подъ ихъ искуснымъ водительствомъ, восторжествовала строго католическая Польша надъ колеблющеюся Литвой и Жмудью. Утвердить, укрѣпить, слить воедино всѣ владѣнія Сигизмунда во благо и на славу католичества твердо рѣшились ловкіе сыны Лойолы *). Самъ король откликнулся на ихъ призывъ со всею горячностью, на которую былъ только способенъ. Онъ думалъ, убѣжденный ими, что счастье, сила разнороднаго, разновѣрнаго, разнохарактернаго его государства состояла въ полномъ сліяніи всѣхъ народовъ въ единое, нерушимое польское королевство.

—«Польша, Русь и Литва—все одна молитва», твердили ему отцы іезуиты. Имъ вторило католическое духовенство и утвердило на этомъ невѣрномъ доводѣ рѣшеніе Сигизмунда Августа объ общей уніи.

Король торжественно заявилъ на Варшавскомъ сеймѣ (1564 г.), что, какъ наслѣдственный великій князь литовскій, онъ за себя и за своихъ потомковъ, если бы еще когда имѣлъ ихъ, отрекается отъ своего наслѣдственнаго владѣнія русско-литовскимъ великимъ княжествомъ и предоставляетъ литовцамъ избрать, по его смерти, любого монарха, только нераздѣльно съ поляками, такъ чтобы новый избранникъ былъ вмѣстѣ

*) Основателемъ ордена іезуитовъ былъ испанскій дворянинъ Игнатій Лойола (1540 г.).

королемъ и великимъ княземъ. Волею, нѣтъ ли, но литовцы подписались подъ смертнымъ приговоромъ своей родины. Протестовалъ только непреклонный Черный Радзивиллъ: раздраженный, обиженный оставилъ онъ сеймъ, уѣхалъ изъ Варшавы. «Литвѣ грозитъ неволя съ двухъ сторонъ», писалъ онъ королю изъ родного своего несвижскаго замка: «отъ Москвы черезъ силу, отъ поляковъ черезъ интриги. Мечъ непріятельскій и арканъ живой вѣчной неволи ждутъ несчастныхъ литовцевъ». Сильно защищалъ самобытность Литвы Николай Радзивиллъ, но послѣдовавшая вскорѣ (1565 г.) кончина его открыла путь къ новымъ дѣйствіямъ въ цѣляхъ соединенія Литвы и Польши. При томъ же и безполезна была борьба съ вліяніемъ на короля іезуитовъ. Доводы противниковъ соединенія устранялись и стушевывались хитросплетенными, успокоительными рѣчами наставниковъ короля — іезуитовъ. Король тщательно подготовлялъ излюбленное имъ сліяніе. Въ несчастныхъ русско-литовскихъ земляхъ онъ открылъ, по примѣру польскихъ, повѣтовые сеймики, для первоначальныхъ работъ, приравниванія, сближенія всѣхъ народностей, а къ 23 декабря 1568 г. собралъ общій польско-литовскій съѣздъ въ Люблинѣ.

Торжествуетъ тѣнь фанатичной Пястовны. Возросло сѣмя, посѣянное юною Ядвигой. Жертва, принесенная ею на алтарь отечества, принесла, почти черезъ два вѣка, плоды сторицею! Не одна Литва Гедимина, Ольгерда переходила подъ ярмо Польши. Она влекла за собою въ бездну горя и страданій и тѣ земли, которыя эти храбрые литовскіе вожди отвоевали у ослабѣвшей, покоренной тогда татарами Руси. Польскіе паны, вполнѣ довольные, гордые,

могли явиться въ Люблинѣ, на зовъ державца, такъ предупредительно отдававшаго имъ въ полонъ свое родовое добро. Они являлись вѣнчать свою почти двухвѣковую политику. При полной отъ нихъ зависимости выборнаго короля, они являлись дѣйствительными рѣшителями судебъ на громадномъ пространствѣ отъ сѣверной Жмуди включительно до самыхъ Карпатъ. Правда, на Востокѣ уже ярко горѣла утренняя заря возрождавшейся православной Руси. Но, вѣдь, именно для борьбы съ этимъ ненавистнымъ лучезарнымъ свѣтиломъ, со своею вѣковою соперницею, и вставала католическая Польша, сливая съ своими силы сосѣдней Литвы.

Не многочисленны были ряды литовцевъ на Люблинскомъ сеймѣ. Медленно съѣзжались послы изъ за лѣсовъ своей хмурой, но любимой родины. Не могли же они охотно хоронить свое политическое существованіе. Черезъ мѣсяцъ, 10 января 1569 г., можно было открыть сеймъ, все же при положительномъ численномъ меньшинствѣ представителей Литвы. Самыми ревностными борцами за родное, хотя уже и проигранное дѣло были протестанты: князь Николай Рыжій Радзивиллъ,—воевода виленскій и канцлеръ литовскій, наслѣдовавшій эти званія по смерти своего брата, князя Николая (1565 г.), Иванъ Ходкевичъ, староста жмудскій, и Евстаѳій Воловичъ, староста брестскій. Въ рядахъ православныхъ борцовъ были магнаты—князья: Константинъ Острожскій, Константинъ Вишневецкій, Александръ Чарторыйскій, Романъ Сангушко. Они не хотѣли входить въ залъ совѣщаній, гдѣ засѣдали поляки, разбирая вопросы, касавшіеся уніи. Литовцы отдѣльно совѣщались съ королемъ о своихъ мѣстныхъ дѣлахъ, моля сохранить имъ ихъ вѣковую

самостоятельность, напоминая о своей преданности, о его клятвѣ при вступленіи на престолъ, указывая на вредныя послѣдствія порабощенія Польшей остальныхъ его земель. Сигизмундъ оставался непреклоннымъ. Поляки же настойчиво требовали литовцевъ на сеймъ для совмѣстныхъ трудовъ. Тѣ упирались, король сердился, приказывалъ. Они явились въ замокъ, но въ залъ засѣданій не входили. Долго ждали ихъ поляки, ходили къ королю. Наконецъ, рѣшились пустить въ ходъ пріемы вѣжливости. Первые вошли въ комнату, занятую литовцами. Краковскій епископъ держалъ предъ ними рѣчь, приглашая въ засѣданіе сената,—«двери отперты», выразился онъ въ заключеніе.—«Дѣйствительно, онѣ открыты, но есть еще рѣшетка», внушительно отвѣтилъ Радзивиллъ, поблагодаривъ за приглашеніе, «черезъ нее мы перейти не можемъ, развѣ король самъ ее сниметъ». Онъ этимъ подчеркивалъ, что литовцы согласятся идти только тогда, когда выполнитъ король ихъ просьбу.

Опять потянулись переговоры. Литовцы упирались. Имъ страшно не хотѣлось польскаго ига, хотя, съ другой стороны, сильно боялись напора москалей... Король сговаривался съ поляками, придумывая, какой бы уловкой завлечь упорствующихъ? Они это провѣдали, испугались, разсердились, да и совсѣмъ уѣхали изъ Люблина, оставя только пословъ, выборныхъ отъ себя людей, и этимъ окончательно погубили свое дѣло. Король разсердился. Поляки-сенаторы воспользовались удобнымъ обстоятельствомъ и стали понемногу притягивать въ унію, по-одиночкѣ, слабѣйшія области, начиная съ Подлясья. Универсалъ объ его присоединеніи былъ изданъ 5-го марта, не смотря на сопротивленіе, протесты, слезы пословъ. Въ день присяги

выдающіеся представители области пробовали просить именемъ Бога—не нудить ихъ къ такому для нихъ постыдному поступку. Ихъ заставляли молчать: кого угрозой отнять имущество, кого обманомъ и льстивыми обѣщаніями.

Затѣмъ пришла очередь Волыни,—и тутъ не были на лицо лучшіе представители края. И тутъ дѣйствовали угроза, насилія, обманъ, ненадежныя обѣщанія. Защищать землю, пріобрѣтенную кровью, явились только нѣкоторые литовцы. Втуне были ихъ краснорѣчивые протесты, правдивые, умные доводы. Не выпуститъ Польша изъ своихъ цѣпкихъ объятій добра, разъ доставшагося, точно чудомъ, на ихъ долю.

Послѣ Подлясья и Волыни, заговорили и о Кіевѣ. Долго спорили о правахъ на стольный городъ нашихъ родныхъ князей Владиміровъ и Ярослава. Даже польскіе сенаторы считали возможнымъ оставить его Литвѣ. Король колебался положить руку на городъ, купленный литовскою кровью. Но послы польскіе стояли на своемъ. Спорили, кричали, хитрили, ссорились иновѣрные, иноплеменные намъ, исконные враги нашей Церкви православной, нашей русской народности за нашу собственность, нашу святыню, наше стародавнее освященное гнѣздо.

И мы, читая эти удручающія строки на неизгладимыхъ и вѣчно правдивыхъ скрижаляхъ міровой исторіи, должны сознаваться, что свары нашихъ удѣльныхъ князей, безхарактерность народныхъ вождей, косность, равнодушіе народа къ своимъ собственнымъ интересамъ отдали Подолію, Волынь и кіевскую землю сначала Литвѣ, а потомъ, черезъ нее, Польшѣ въ католическое плѣненіе.—«Слыхать, что Кіевъ отданъ. Волынцы требуютъ, чтобы къ нимъ присоединили.

отнявъ у насъ еще Берестье, Пинскъ и Кобринъ», съ ужасомъ повторяли литовскіе магнаты, собравшись за братской трапезой у жмудскаго воеводы Ивана Ходкевича.—«Совсѣмъ погибаетъ несчастная родина,—нигдѣ не видать луча надежды»!—«Враги-ляхи требуютъ у насъ же и войска для защиты государства», помянулъ кто-то изъ собесѣдниковъ.—«Для нашего же скорѣйшаго истребленія», со слезами на глазахъ, вздыхали присутствующіе.—«Гдѣ это слыхано или видано, чтобы отторгали земли безъ вѣдома законнаго правительства?» слышался раздраженный возгласъ на другомъ концѣ. «Даже Жмудь обѣщаютъ отнять, прусамъ отдать», понижая голосъ, сообщали хозяину дома.—«А насъ отдаютъ Москвѣ и все прикрываютъ именемъ его королевскаго величества».

Громкія рыданія послышались въ отвѣтъ на эти горькія рѣчи.—«Лучше умереть, чѣмъ дожить до этой пагубной уніи»! воскликнулъ Еронимъ Ходкевичъ, староста трокскій, дядя Ивана.—«Да, да», твердилъ онъ, ломая руки, «не дай Богъ дожить до этого сорому»! И дѣйствительно, въ ту же ночь скончался ревностный сынъ несчастной Литвы! Господь смиловался надъ нимъ, взялъ къ себѣ, положилъ конецъ его патріотическому мученію! А на другой день, 6 іюня 1569 г. князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, кіевскій воевода, принесъ присягу Сигизмунду на томъ, что согласился на присоединеніе къ Польшѣ Кіева и всей его области. Объ этомъ особенно молили волынцы. Несчастные, обездоленные наши единовѣрцы болѣзненно отстаивали свою связь съ родною святыней... «Пусть Кіевъ, вмѣстѣ съ нами отторгнутый отъ Литвы, будетъ считаться достояніемъ Польши», говорили они, думая, что общность горя поможетъ имъ отстаивать

и общія церковныя права, сохранить хотя призракъ областной независимости.

За Кіевомъ притянули въ унію Подолію. Оставалась одна убогая обобранная Литва. Напрасно возставали ея малочисленные защитники. Никто не внималъ ихъ горячимъ, умнымъ рѣчамъ. Иванъ Ходкевичъ взывалъ къ Божіей справедливостп. Онъ напоминалъ о гнѣвѣ Небесномъ. Краковскій епископъ отвѣчалъ увѣщаніемъ признать совершившееся, засѣсть въ сеймъ и работать надъ общими интересами. Литовцы просили ознакомиться съ привилегіею на унію. Ее имъ дали, а короля, страшась, что онъ смягчится, предупредили, что литовцы сильно бранятся. Но и Сигизмундъ сознался, что ихъ положеніе безвыходно.—«Они не могутъ не сердиться», сказалъ онъ, «невзгода ихъ немаловажная:—у нихъ, вѣдь, оборваны крылья». Это выраженіе совершенно вѣрно характеризуетъ дѣло. Бѣдняги, какъ утопающіе, ухватились за соломинку, лишь бы сохранить хотя какіе-нибудь остатки своей прежней независимости. Они ставили нѣкоторыя условія. «Король и сенаторы, истомленные безконечными преніями, готовы были согласиться на ихъ просьбы, но польскіе послы были неумолимы. Немыслима для нихъ даже тѣнь какой нибудь самостоятельности для обобранной уже Литвы. Они принуждали къ твердости и короля и сенаторовъ. Слабый и безхарактерный Сигизмундъ совсѣмъ измучился за послѣдніе дни. Онъ болѣе всѣхъ трудился надъ дѣломъ соглашенія, поперемѣнно ходилъ то въ одну, то въ другую залу, усовѣщивалъ однихъ—сбавить свои требованія, другихъ—быть податливѣе. Особенно тяжко пришлось ему въ послѣдніе дни—24-е и 25-е іюня. Болѣе 6-ти часовъ подъ-рядъ проводилъ онъ въ переговорахъ, усовѣщиваніяхъ, упрашива-

ніяхъ. Наконецъ, онъ истомился. Литовцы уступили, сжалившись надъ его усиліями. Немилосердая Польша взяла верхъ. 25-го іюня, въ торжественномъ засѣданіи сейма, Ходкевичъ отъ имени обобранной, обездоленной Литвы произнесъ трогательную рѣчь. «Приносимъ вашему величеству», подъ конецъ сказалъ онъ, «нижайшую нашу просьбу—такъ провести къ концу это дѣло (унію), чтобы оно не влекло за собою порабощенія и позора намъ и потомкамъ нашимъ. Будьте сами стражемъ и умирителемъ этого дѣла, и если вы его совершите въ любви, то это будетъ для насъ величайшею милостью. Мы доведены теперь до того, что должны пасть съ покорнѣйшею просьбою къ ногамъ вашего величества». При этихъ словахъ всѣ литовцы въ слезахъ, рыдая, пали на колѣни. Ходкевичъ продолжалъ: «Именемъ Бога умоляемъ тебя, государь, помни нашу службу, нашу вѣрность тебѣ, нашу кровь, которую мы проливали для твоей славы! Благоволи такъ устроить насъ, чтобы всѣмъ намъ была честь, а не посмѣяніе и униженіе, чтобы сохранено было наше доброе имя и твоя, государева, совѣсть. Именемъ Бога молимъ тебя помнить, что ты намъ утвердилъ своею собственною клятвенною присягою».

Пробрали эти слова даже косныя сердца поляковъ. Всѣ въ залѣ плакали отъ жалости. Говорили еще нѣсколько краснорѣчивыхъ рѣчей. Самъ король торжественно увѣрялъ литовцевъ въ своей благосклонности и заботливости о ихъ благѣ. Несчастные, наконецъ, уступили, признали унію совершившеюся и подписали смертный приговоръ своему гражданскому бытію. Они признали полное обезличеніе литовской и русской народностей, сліяніе ихъ съ жизнію государства, чуждаго имъ по преданіямъ, вѣрѣ и обычаямъ.

Совершилось это преступное, вопіющее дѣло по наущенію, подъ вліяніемъ іезуитовъ, усердныхъ слугъ католицизма, искавшаго въ уніи опору себѣ, въ борьбѣ съ двумя поднимавшимися врагами:—протестантизмомъ, усиливавшимся на Западѣ, и Москвою, все выше и выше поднимавшею на Востокѣ стягъ русской народности и вѣры православной.

ИСТОЧНИКИ:

1) Археологическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси. Т. VII. Вильна.
2) *И. Малышевскій.* Люблинскій съѣздъ.
3) *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи. Т. VI.
4) *М. О. Коялович.* Чтенія по исторіи Западной Россіи.
5) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. Т. III. Московско-Царскій періодъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Вильна, Галичъ. 1387—1388.	1
Литовская княжна Софія Витовтовна. 1390 г.	9
Кіевъ, Смоленскъ, Вильна. 1392—1395—1398 г.г.	23
Побѣда славянъ надъ нѣмцами, 15 іюля 1410 г.	38
Свидригайло 1418—1437 г.г.	57
Месть за гнетъ народный. 1440 г.	70
Кіевъ 30 августа 1481 года.	80
Москва заговорила.	89
Минскъ 13 августа 1500 года.	107
Православная польская королева Елена Іоанновна.	1[illegible]0-
Не уро[illegible]ъ, а быль	132
Королева католичка.	145
Люблинская унія 28 іюня 1569 года.	161

[illegible]